

A woman with a ponytail and futuristic glasses looks out over a city at night. The sky is filled with flying cars and futuristic structures. The overall color scheme is blue and teal.

АП:И

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ, ОБРАЗОВАНИЯ

С Б О Р Н И К Н А У Ч Н Ы Х Т Р У Д О В

ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Г. БЕЛГОРОД

15 СЕНТЯБРЯ 2026

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ,
ТЕХНОЛОГИЙ, ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных трудов

по материалам
Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 15 сентября 2026 г.

Белгород
2026

УДК 001
ББК 72
Т 64

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
apni.ru

Редакционная коллегия

Духно Н.А., д.ю.н., проф. (Москва); *Васильев Ф.П.*, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (Москва); *Винаров А.Ю.*, д.т.н., проф. (Москва); *Датий А.В.*, д.м.н. (Москва); *Кондрашихин А.Б.*, д.э.н., к.т.н., проф. (Севастополь); *Котович Т.В.*, д-р искусствоведения, проф. (Витебск); *Креймер В.Д.*, д.м.н., академик РАЕ (Москва); *Кумехов К.К.*, д.э.н., проф. (Москва); *Радина О.И.*, д.э.н., проф., Почетный работник ВПО РФ, Заслуженный деятель науки и образования РФ (Шахты); *Тихомирова Е.И.*, д.п.н., проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ (Самара); *Алиев З.Г.*, к.с.-х.н., с.н.с., доц. (Баку); *Стариков Н.В.*, к.с.н. (Белгород); *Таджибоев Ш.Г.*, к.филол.н., доц. (Худжанд); *Ткачев А.А.*, к.с.н. (Белгород); *Шановал Ж.А.*, к.с.н. (Белгород)

Т 64

Тенденции и перспективы развития науки, технологий, образования : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 15 сентября 2026 г. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2026. – 108 с.

ISBN 978-3-9010-0883-2

В настоящий сборник включены статьи и краткие сообщения по материалам докладов международной научно-практической конференции «Тенденции и перспективы развития науки, технологий, образования», состоявшейся 15 сентября 2026 года в г. Белгороде. В работе конференции приняли участие научные и педагогические работники нескольких российских и зарубежных вузов, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты, специалисты-практики. Материалы сборника включают доклады, представленные участниками в рамках секций, посвященных вопросам естественных, технических, гуманитарных наук.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями и разработками, передовыми достижениями науки и технологий.

Статьи и сообщения прошли экспертную оценку членами редакционной коллегии. Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

УДК 001
ББК 72

© ООО АПНИ, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Рахимов А.Д.

ХОЗЯЙСТВЕННО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СОРТОВ ХЛОПЧАТНИКА, ИЗУЧЕННЫХ В ПИТОМНИКЕ БОЛЬШОГО СОРТОИСПЫТАНИЯ	5
---	---

СЕКЦИЯ «ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Шавелкова В.В.

3D-МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ	9
--	---

Шаров Д.Д.

ТЕХНОЛОГИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГЕРМЕТИЧНОСТИ САМОДЕЙСТВУЮЩИХ КЛАПАНОВ ПОРШНЕВЫХ КОМПРЕССОРОВ	15
--	----

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Василенко Н.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОТЦОВСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ	20
--	----

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Кудинов Д.С.

КОНЦЕССИОННАЯ МОДЕЛЬ РАЗМЕЩЕНИЯ ТЯЖЁЛОГО ЛУЧЕВОГО ОБОРУДОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КЛИНИКЕ: КОНСТРУКЦИЯ СДЕЛКИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ МЕЖДУ СТОРОНАМИ	24
---	----

Миронов И.О.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ КРИПТОАКТИВОВ В КОНКУРСНУЮ МАССУ	36
---	----

Миронов И.О.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ В РОССИИ	39
--	----

Миронов И.О.

БАНКОВСКИЕ ЭКОСИСТЕМЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	42
---	----

Миронов И.О.

В ОЖИДАНИИ УПРАЗДНЕНИЯ ДОГОВОРНОЙ ПОДСУДНОСТИ	45
---	----

Миронов И.О.

ДОКАЗЫВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФАКТОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ДОКТРИНА И НОВЕЙШАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА	48
---	----

Миронов И.О.

ИНСТИТУТ МАТЕРИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ	51
--	----

Миронов И.О. КАТЕГОРИЯ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В РАМКАХ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА).....	54
Миронов И.О. ОБ УЧЁТЕ ПОЗИЦИИ ДОЛЖНИКА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КРЕДИТОРОМ СОРАЗМЕРНОГО УМЕНЬШЕНИЯ ЦЕНЫ.....	57
Миронов И.О. ОГРАНИЧЕННОСТЬ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПАЙЩИКОВ ЗПИФ БЕЗ УЧАСТИЯ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО	60
Миронов И.О. ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЛЕСНЫХ УЧАСТКОВ	63
Миронов И.О. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА	66
Миронов И.О. ПОНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОГО СПОРА	69
Миронов И.О. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВОГО РЕЗИДЕНТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	72
Миронов И.О. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОТВОД СУДЬИ.....	75
Рахимова М.А., Мороз С.А. КОЛЛАПС АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОРГАНА ВТО ПО ДОГОВОРЁННОСТИ О ПРАВИЛАХ И ПРОЦЕДУРАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО НЕСОВЕРШЕНСТВА МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ	78

СЕКЦИЯ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ»

Духина Л.Р., Жиликова Е.Н., Клевцова А.И. ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ РАБОТУ С НЕЛИНЕЙНЫМИ ТЕКСТАМИ (ТАБЛИЦЫ, ИНФОГРАФИКА, СХЕМЫ)	94
Попова Л.Б. НУЖНЫ ЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СТУДЕНТАМ СПО НЕПРОФИЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: ПОВАРАМ, КРАНОВЩИКАМ, ЭЛЕКТРИКАМ	98
Хуснуллина Ч.Н. ИИ И ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И РОДНОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	104

СЕКЦИЯ «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ»

ХОЗЯЙСТВЕННО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СОРТОВ ХЛОПЧАТНИКА, ИЗУЧЕННЫХ В ПИТОМНИКЕ БОЛЬШОГО СОРТОИСПЫТАНИЯ

Рахимов Азизбек Дилмуратович

доцент, доктор философии по сельскохозяйственным наукам,
Андижанский филиал Ташкентского государственного аграрного университета,
Узбекистан, г. Андижан

***Аннотация.** В статье изучены хозяйственно-биологические признаки сортов хлопчатника Ахсикент, SP-2203 и SP-2204 в питомнике большого сортоиспытания в сравнении со стандартным сортом Андижан-36. Установлено, что сорт SP-2204 характеризуется высокой урожайностью – 52,9 ц/га, выходом волокна – 40,3% и урожаем волокна – 21,3 ц/га. По комплексу изученных признаков данный сорт является наиболее приемлемым для селекционной работы.*

***Ключевые слова:** хлопчатник, сорт, большое сортоиспытание, урожайность, выход волокна, качество волокна, SP-2204, Андижан-36.*

Создание новых сортов хлопчатника с высокой урожайностью, адаптированных к местным почвенно-климатическим условиям и сочетающих в себе ценные хозяйственные признаки, является одной из важных задач селекции. На последующих этапах сортоиспытаний важно изучать новые сорта и линии, созданные в процессе селекции, определять их показатели урожайности и качества волокна, а также сравнивать их со стандартным сортом, что имеет важное научно-практическое значение [1].

При комплексной оценке ценных хозяйственных признаков сортов хлопчатника, наряду с урожайностью, выходом волокна, длиной волокна, массой одной коробочки и массой 1000 семян, необходимо учитывать и биологические особенности. Данные признаки являются важными критериями при оценке селекционной и производственной ценности сортов [2, 3].

Питомник большого сортоиспытания является одним из важных этапов селекционного процесса, в котором хозяйственные и биологические признаки сортов оцениваются в более широких условиях. Особенно важное значение при определении практической ценности сорта имеют формирование урожайности, урожай волокна и сочетание показателей качества волокна [1, 3].

В связи с этим в настоящем исследовании проведён анализ ценных хозяйственных и биологических признаков сортов Ахсикент, SP-2203 и SP-2204, изученных в питомнике большого сортоиспытания, в сравнении со стандартным сортом Андижан-36.

Материалом исследования служили сорта Ахсикент, SP-2203 и SP-2204, изученные в питомнике большого сортоиспытания, а в качестве стандарта использован сорт Андижан-36.

В исследованиях изучали такие ценные хозяйственные и биологические признаки сортов, как урожайность до наступления холодов, общая урожайность, урожай волокна, выход волокна, длина волокна, показатель микронейра, длина разрыва, продолжительность вегетационного периода, масса одной коробочки, степень общего поражения вилтом и масса 1000 семян.

Полученные показатели сравнивали со стандартным сортом Андижан-36, на основании чего определяли различия между сортами по основным хозяйственным и биологическим признакам. Комплексное изучение количественных признаков сортов хлопчатника позволяет определить практическую ценность селекционного материала.

Ценные хозяйственные и биологические признаки сортов, изученных в питомнике большого сортоиспытания, представлены в таблице.

Согласно данным таблицы, урожайность до наступления холодов у сорта Ахсикент составила 46,5 ц/га, у сорта SP-2203 – 46,8 ц/га, а у сорта SP-2204 – 49,5 ц/га. У стандартного сорта Андижан-36 данный показатель составил 39,2 ц/га, при этом у новых сортов получены соответственно более высокие результаты на 7,3; 7,6 и 10,3 ц/га.

Таблица

**Хозяйственно-биологические признаки сортов,
изученных в питомнике большого сортоиспытания**

Показатели	Единица измерения	Ахсикент	SP-2203	SP-2204	Стандарт Андижан-36
Урожайность до наступления холодов	ц/га	46,5	46,8	49,5	39,2
Общая урожайность	ц/га	50,7	50,4	52,9	45,0
Урожай волокна	ц/га	20,3	20,1	21,3	17,4
Выход волокна	%	40,1	39,9	40,3	38,6
Длина волокна	мм	34,5	34,4	34,7	33,4
Показатель микронейра	mic	4,4	4,3	4,3	4,5
Длина разрыва	г.к./текс	32,8	33,4	33,6	30,5
Продолжительность вегетационного периода	дней	114	116	114	119
Масса одной коробочки	г	6,4	6,3	6,5	5,9
общая поражаемость вилтом	%	4,8	4,2	3,7	6,5
Масса 1000 семян	г	118	117	119	114

По общей урожайности также выявлены различия между сортами. У сорта Ахсикент урожайность составила 50,7 ц/га, у SP-2203 – 50,4 ц/га, а у SP-2204 – 52,9 ц/га. Эти показатели были выше стандарта Андижан-36 соответственно на 5,7; 5,4 и 7,9 ц/га. Наиболее высокая общая урожайность отмечена у сорта SP-2204 – 52,9 ц/га.

По урожаю волокна новые сорта также показали более высокие результаты по сравнению со стандартом. У сорта Ахсикент урожай волокна составил 20,3 ц/га, у SP-2203 – 20,1 ц/га, а у SP-2204 – 21,3 ц/га, что соответственно на 2,9; 2,7 и 3,9 ц/га выше показателя сорта Андижан-36. Наиболее высокий урожай волокна отмечен у сорта SP-2204.

Выход волокна у сорта Ахсикент составил 40,1%, у SP-2203 – 39,9% и у SP-2204 – 40,3%. У стандартного сорта Андижан-36 данный показатель составил 38,6%. Таким образом, у новых сортов выход волокна был выше стандарта на 1,3-1,7 процентного пункта. Наибольшее значение выхода волокна отмечено у сорта SP-2204.

Длина волокна также являлась одним из важных преимуществ новых сортов. У сорта Ахсикент длина волокна составила 34,5 мм, у SP-2203 – 34,4 мм, а у SP-2204 – 34,7 мм. У стандартного сорта Андижан-36 данный показатель составил 33,4 мм, при этом у новых сортов получены более высокие результаты на 1,0-1,3 мм.

Показатель микронейра у сорта Ахсикент составил 4,4, у сортов SP-2203 и SP-2204 – 4,3. У сорта Андижан-36 данный показатель составил 4,5. Длина разрыва у сорта Ахсикент составила 32,8 г.к./текс, у SP-2203 – 33,4 г.к./текс, а у SP-2204 – 33,6 г.к./текс, что на 2,3-3,1 г.к./текс выше показателя сорта Андижан-36 – 30,5 г.к./текс.

При анализе биологических признаков продолжительность вегетационного периода у сортов Ахсикент и SP-2204 составила 114 дней, у SP-2203 – 116 дней. У стандартного сорта Андижан-36 данный показатель составил 119 дней. Таким образом, продолжительность вегетационного периода новых сортов была на 3-5 дней короче по сравнению со стандартом. Это свидетельствует об их относительно более раннем созревании.

Масса одной коробочки у сорта Ахсикент составила 6,4 г, у SP-2203 – 6,3 г и у SP-2204 – 6,5 г, что на 0,4-0,6 г выше показателя сорта Андижан-36 – 5,9 г.

Степень общего поражения вилтом у сорта Ахсикент составила 4,8%, у SP-2203 – 4,2%, а у SP-2204 – 3,7%. У стандартного сорта Андижан-36 данный показатель составил 6,5%. Наименьшая степень поражения отмечена у сорта SP-2204 – 3,7%.

Масса 1000 семян у сорта Ахсикент составила 118 г, у SP-2203 – 117 г, а у SP-2204 – 119 г, что соответственно на 4; 3 и 5 г выше показателя сорта Андижан-36 – 114 г.

В целом у изученных сортов более высокие по сравнению со стандартным сортом Андижан-36 показатели урожайности, урожая волокна, выхода волокна, длины волокна, массы коробочки и массы 1000 семян свидетельствуют о наличии у них благоприятного комплекса ценных хозяйственных признаков. Особенно у сорта SP-2204 общая урожайность составила 52,9 ц/га, урожай волокна – 21,3 ц/га, выход волокна – 40,3%, длина волокна – 34,7 мм, что характеризует его высокими показателями среди изученных сортов.

Изученные в питомнике большого сортоиспытания сорта Ахсикент, SP-2203 и SP-2204 по сравнению со стандартным сортом Андижан-36 показали более высокие результаты по ряду ценных хозяйственных и биологических признаков.

Общая урожайность у сортов Ахсикент, SP-2203 и SP-2204 составила соответственно 50,7; 50,4 и 52,9 ц/га, что на 5,7; 5,4 и 7,9 ц/га выше стандарта.

По урожаю волокна у новых сортов также получены результаты в пределах 20,1-21,3 ц/га, что на 2,7-3,9 ц/га выше показателя сорта Андижан-36.

У сорта SP-2204 общая урожайность составила 52,9 ц/га, урожай волокна – 21,3 ц/га, выход волокна – 40,3%, длина волокна – 34,7 мм, что является наиболее высокими показателями среди изученных сортов. Кроме того, степень общего поражения данного сорта вилтом составила 3,7%.

Литература

1. Ибрагимов П.Ш., Аллашев Б.Д., Амантурдиев Ш.Б. Ёўза селекциясида мураккаб дурагайлаш. – Тошкент: Фан, 2010. – 128 с.
2. Мусаев Д.А. Генетическая коллекция хлопчатника. – Ташкент: Фан, 1979. – 112 с.
3. Мусаев Д.А., Абзалов М.Ф., Турабеков Ш. и др. Генетический анализ признаков хлопчатника. – Ташкент, 2005. – 121 с.

СЕКЦИЯ «ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ»

3D-МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

Шавелкова Виктория Викторовна

преподаватель высшей квалификационной категории,
Coding Wizards, США, г. Сакраменто

***Аннотация.** В статье рассматривается 3D-моделирование как метод современного научного познания и как инструмент инженерной практики. Проанализированы ключевые области применения трёхмерного моделирования в науке – машиностроении, строительстве, медицине, археологии и науках о Земле. Показано, каким образом владение технологиями 3D-моделирования влияет на профессиональные показатели инженера: сокращение числа ошибок проектирования, снижение затрат и сроков разработки, повышение эффективности междисциплинарной коммуникации. Обоснована необходимость раннего и непрерывного обучения будущих инженеров 3D-моделированию в условиях перехода от-расли от классических САПР к технологиям информационного моделирования зданий (BIM), цифровым двойникам и генеративному проектированию на основе искусственного интеллекта. Сделан вывод о том, что компетенции в области 3D-моделирования являются не факультативным дополнением, а базовым элементом подготовки конкурентоспособного инженера.*

***Ключевые слова:** 3D-моделирование, трёхмерная графика, инженерное образование, цифровые двойники, BIM, САПР, научная визуализация, пространственное мышление, прототипирование, профессиональные компетенции.*

Введение

Современная наука и инженерная практика переживают этап глубокой цифровой трансформации, в основе которой лежит переход от плоского, чертёжного представления объектов к их полноценному трёхмерному цифровому описанию. Если ещё в конце XX века трёхмерная модель выступала лишь вспомогательной иллюстрацией к чертежу, то сегодня она всё чаще становится первичным и, по сути, единственным источником инженерной информации: с 2022 года применение технологий информационного моделирования (BIM) стало обязательным для объектов государственного заказа – от федеральных до муниципальных, что кардинально меняет требования к квалификации проектировщиков и конструкторов [15].

При этом на рынке труда уже наблюдается заметный разрыв: востребованность специалистов классического CAD-профиля стабильно, хотя и не резко, снижается, тогда как спрос на специалистов, владеющих технологиями информационного моделирования и цифровых двойников, растёт быстрее, чем система образования успевает готовить кадры [15]. Это делает актуальным вопрос не только о содержании инженерного образования, но и о сроках начала формирования соответствующих компетенций – уже на этапе школьного и начального вузовского обучения.

Целью настоящей работы является систематизация областей применения 3D-моделирования в современной науке, анализ его влияния на профессиональную эффективность инженеров и обоснование необходимости раннего начала обучения данной технологии.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать 3D-моделирование как метод научного познания.
2. Рассмотреть примеры его применения в различных областях науки и техники.
3. Выявить связь между владением 3D-моделированием и профессиональными показателями инженера.
4. Сформулировать аргументы в пользу раннего освоения технологии будущими инженерами.

Методы исследования – анализ и обобщение научной и отраслевой литературы, систематизация примеров практического применения технологии.

1. 3D-моделирование как метод современного научного познания

Под 3D-моделированием понимается процесс создания цифрового пространственного представления объекта или процесса средствами специализированного программного обеспечения – систем автоматизированного проектирования (САПР/CAD), инженерного анализа (CAE) и производства (CAM). За последние десятилетия технология прошла путь от твердотельного и поверхностного моделирования конкретных изделий до параметрического и генеративного проектирования, при котором модель описывается не набором статичных координат, а системой взаимосвязанных параметров и алгоритмических правил [1, 2].

С точки зрения методологии науки трёхмерная модель выполняет функцию, близкую к функции вычислительного эксперимента: она позволяет исследователю проверять гипотезы, испытывать конструкцию на прочность, отрабатывать технологический процесс или визуализировать труднодоступный, опасный, микроскопический либо утраченный во времени объект без обращения к его физическому аналогу. Это существенно сокращает стоимость, длительность и риски исследования, а также делает возможным многократное и воспроизводимое изучение объекта разными специалистами независимо от их местонахождения.

В зависимости от задачи выделяют несколько классов методов трёхмерного моделирования: геометрическое (твердотельное и поверхностное) моделирование для проектирования новых изделий; параметрическое и генеративное моделирование, включая алгоритмы топологической оптимизации на основе искусственного интеллекта; конечно-элементное моделирование (CAE) для расчёта прочностных, тепловых и аэродинамических характеристик; а также реверсивное моделирование по данным фотограмметрии и лазерного сканирования, применяемое для оцифровки уже существующих реальных объектов [13, 14].

2. Области применения 3d-моделирования в науке и технике

Понятие «цифровой двойник» – программный аналог физического объекта, воспроизводящий его внутренние процессы и поведение в реальных

условиях, – стало одним из ключевых элементов четвёртой промышленной революции и охватывает сегодня всё больше отраслей [8, с. 4-10]. Диапазон научных и прикладных областей, в которых 3D-моделирование выступает базовым инструментом исследования и разработки, крайне широк – обобщённо он представлен в таблице.

Таблица

Примеры применения 3D-моделирования в науке и технике

Область	Пример применения 3D-моделирования	Эффект для науки и практики
Машиностроение и двигателестроение	Разработка цифровых двойников узлов и агрегатов с высокой степенью адекватности реальным физико-механическим и технологическим процессам [5]	Сокращение числа дорогостоящих физических испытаний, ускорение доводки изделия
Строительство и архитектура	Информационное моделирование зданий (BIM), обязательное для объектов государственного заказа в РФ с 2022 г. [15]	Выявление проектных коллизий на ранней стадии, управление жизненным циклом объекта
Медицина и биоинженерия	Индивидуальные 3D-модели протезов, имплантатов и хирургических шаблонов по данным КТ/МРТ; био-печать тканевых конструктов [10; 11, с. 21-24; 12]	Персонализация лечения, снижение стоимости протезирования, новые методы регенеративной медицины
Археология и охрана культурного наследия	Фотограмметрия и лазерное сканирование артефактов и памятников для цифровых реконструкций утраченных объектов [13, 14]	Изучение объекта без физического контакта, сохранение данных для будущих исследователей
Науки о Земле и экология	Проект Евросоюза Destination Earth по созданию цифрового двойника планеты [9]	Отслеживание экологических рисков, выработка решений в области устойчивого развития
Промышленность и энергетика	Виртуальные копии цехов, турбин и электросетей [6, 9]	Прогнозирование отказов оборудования, планирование обслуживания без остановки производства
Образование и популяризация науки	Персонализация обучения через 3D-моделирование и 3D-печать [3, 4]	Развитие математического понимания, творчества и технологической грамотности, ранняя профориентация

Общей чертой перечисленных направлений является то, что трёхмерная модель перестаёт быть вспомогательной иллюстрацией и становится основным цифровым активом, вокруг которого выстраивается вся дальнейшая исследовательская и производственная работа – от расчёта и симуляции до изготовления, эксплуатации и долговременного архивирования данных.

3. Влияние владения 3d-моделированием на профессиональные показатели инженеров

Владение технологиями трёхмерного моделирования напрямую отражается на ключевых показателях эффективности инженерной деятельности. В-первых, визуализация конструкции на этапе проектирования и автоматическое

выявление коллизий (например, в BIM-системах) позволяют обнаружить и устранить ошибки задолго до начала строительства или производства, тогда как исправление той же ошибки на этапе реализации проекта обходится значительно дороже.

Во-вторых, применение цифровых двойников и конечно-элементного анализа позволяет заменить часть дорогостоящих физических испытаний виртуальными, сокращая сроки и стоимость доводки изделия. Масштаб этих инвестиций растёт во всех ключевых отраслях: только в морской отрасли глобальные расходы на цифровые двойники в 2025 году составили порядка 687,4 млн долларов США, почти 40% из которых пришлось на североамериканский регион [7], что отражает общемировой характер перехода промышленности к подобным инструментам.

В-третьих, единая трёхмерная модель становится общим «языком» коммуникации между конструктором, технологом, заказчиком и производством, снижая число ошибок, вызванных различной трактовкой плоских чертежей разными участниками проекта, и ускоряя согласование изменений в ходе разработки.

Наконец, владение современными инструментами 3D-моделирования напрямую отражается на карьерной траектории инженера: в то время как спрос на специалистов классического CAD-профиля стабильно снижается, специалисты, освоившие BIM-технологии, цифровые двойники и параметрическое проектирование, оказываются в дефиците, что открывает для них должности с более высоким уровнем ответственности и дохода – от BIM-проектировщика до BIM-координатора и BIM-менеджера [15]. Схожая тенденция наблюдается и в смежных отраслях: рынок труда сегодня испытывает нехватку специалистов с качественной технической базой, способных выстроить корректный производственный процесс трёхмерного моделирования, отвечающий актуальным инженерным стандартам, – обладатели такого портфолио, как правило, быстро находят работу [16, с. 67-71].

4. Почему начинать обучение 3d-моделированию стоит уже сейчас

Пространственное мышление – ключевая способность, лежащая в основе любого инженерного проектирования, – формируется постепенно и требует длительной практики. Исследования, посвящённые внедрению 3D-моделирования в углублённый курс информатики на уровне среднего общего образования, показывают, что построение методики обучения основам трёхмерного моделирования и прототипирования на основе преемственности со школьным курсом технологии является эффективным инструментом развития инженерных навыков и творческого мышления обучающихся уже на этапе допрофессиональной подготовки [4]. Иными словами, чем раньше начинается системная практика в 3D-моделировании, тем более развитым к моменту начала профессиональной деятельности оказывается это базовое умение.

Отрасль сейчас проходит через переходный период: классические CAD-компетенции постепенно теряют ценность, а BIM, цифровые двойники и генеративное проектирование становятся новым стандартом [15]. Студент, начинающий осваивать современные инструменты 3D-моделирования уже

сегодня, к моменту выпуска окажется на растущем, а не сокращающемся сегменте рынка труда, тогда как действующим специалистам классического профиля предстоит проходить дорогостоящую и длительную переподготовку.

Немаловажным аргументом в пользу раннего старта является и доступность современных средств обучения: спектр программных пакетов трёхмерного моделирования – от инженерно ориентированных, работающих по отечественным стандартам, до свободно распространяемых любительских и профессиональных редакторов – сегодня достаточно широк, чтобы начать самостоятельное освоение технологии, не дожидаясь специализированного оснащения конкретного учебного заведения [16, с. 67-71].

Наконец, 3D-моделирование выступает фундаментом, на котором надстраиваются все смежные цифровые технологии инженера: конечно-элементный анализ, аддитивное производство (3D-печать), дополненная и виртуальная реальность, а в последние годы и генеративное проектирование на основе искусственного интеллекта. Освоение базовых навыков трёхмерного моделирования уже в студенческие годы существенно ускоряет последующее освоение каждой из этих технологий и позволяет будущему инженеру формировать портфолио проектов, участвовать в конкурсах, грантах и подработках ещё в процессе обучения – то есть выходить на рынок труда не начинающим специалистом, а частично состоявшимся профессионалом.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что 3D-моделирование за последние десятилетия трансформировалось из вспомогательного чертёжного инструмента в самостоятельный метод научного познания, применяемый в машиностроении, строительстве, медицине, археологии, науках о Земле и целом ряде других дисциплин. Владение технологиями трёхмерного моделирования напрямую отражается на профессиональных показателях инженера – от снижения количества ошибок проектирования и стоимости прототипирования до расширения карьерных возможностей в условиях перехода отрасли от классических САПР к ВМ и цифровым двойникам. В этих условиях раннее и непрерывное обучение 3D-моделированию – начиная со школьной скамьи и первых курсов вуза – перестаёт быть факультативной инициативой и становится необходимым условием подготовки конкурентоспособного инженера будущего. Авторам образовательных программ и организаторам инженерной подготовки целесообразно рассматривать компетенции 3D-моделирования не как отдельную дисциплину, а как сквозной элемент учебного процесса, интегрированный в изучение математики, физики, черчения и профильных инженерных курсов.

Литература

1. Внедрение 3D моделирования в учебный процесс: различные взгляды на определение и объяснение понятий «модель» и «моделирование» [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-3d-modelirovaniya-v-uchebnyy-protsess-razlichnye-vzglyady-na-opredelenie-i-obyasnenie-ponyatiy-model-i-modelirovanie> (дата обращения: 14.09.2026).
2. Использование программ 3D-моделирования при обучении инженерной графике [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie>

- programm-3d-modelirovaniya-pri-obuchenii-inzhenernoy-grafike (дата обращения: 14.09.2026).
3. Применение технологий 3D-моделирования для персонализации обучения [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologiy-3d-modelirovaniya-dlya-personalizatsii-obucheniya> (дата обращения: 14.09.2026).
 4. Организация обучения 3D-моделированию [Электронный ресурс] // Современные информационные технологии и ИТ-образование (SITITO). – URL: <http://sitito.cs.msu.ru/index.php/SITITO/article/view/1110> (дата обращения: 14.09.2026).
 5. Технологии разработки и применения цифровых двойников (Digital Twin) изделия или продукции в приоритетных отраслях промышленности [Электронный ресурс] // НИЦМУ «Передовые цифровые технологии». – URL: https://ncmu.spbstu.ru/ncmu_projects/2 (дата обращения: 14.09.2026).
 6. Digital Twins: цифровые двойники в промышленности – как тестировать будущее [Электронный ресурс]. – URL: <https://kedu.ru/press-center/articles/info-analit-digital-twins-tsifrovye-dvoyniki-v-promyshlennosti-kak-testirovat-budushchee/> (дата обращения: 14.09.2026).
 7. Цифровой двойник (Digital Twin of Organization, DTO) [Электронный ресурс] // TAdviser. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровой_двойник_\(Digital_Twin_of_Organization,_DTO\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровой_двойник_(Digital_Twin_of_Organization,_DTO)) (дата обращения: 14.09.2026).
 8. Shavelkova V. Synergy of Engineering Modeling and STEM Pedagogy in Forming High-Tech Human Capital: A Multidisciplinary Perspective / V. Shavelkova // International Forum on Global Science and Human Development, Seattle, 30 января 2026 года. – Seattle: Профессиональная наука, 2026. – Р. 4-10. – EDN FOWHCF.
 9. Digital Twin: цифровой двойник и его применение в технологиях [Электронный ресурс]. – URL: <https://productstar.ru/blog/cifrovye-dvoyniki-digital-twin-cto-eto-i-kak-oni-rabotaiut> (дата обращения: 14.09.2026).
 10. 3D-печать в медицине: применение 3D-принтеров для создания искусственных органов и донорских тканей [Электронный ресурс] // Habr. – URL: <https://habr.com/ru/companies/top3dshop/articles/825012/> (дата обращения: 14.09.2026).
 11. Шавелкова В.В. Трансфер масштабируемой методологии интенсивного инженерного образования: кросс-культурная адаптация программ 3D-проектирования от профессиональной подготовки взрослых к STEM-обучению детей 8-12 лет / В.В. Шавелкова // Актуальные исследования. – 2026. – № 5-1(291). – С. 21-24. – DOI 10.5281/zenodo.18419649. – EDN BHSROC. (дата обращения: 14.09.2026).
 12. 3D-печать в медицине: протезы, импланты и органы будущего [Электронный ресурс]. – URL: <https://rutab.net/b/science/2025/05/23/3d-pechat-v-medicine-protezy-implanty-i-organy.html> (дата обращения: 14.09.2026).
 13. Применение 3D-технологий в сфере сохранения и использования археологического наследия [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-3d-tehnologiy-v-sfere-sohraneniya-i-ispolzovaniya-arheologicheskogo-naslediya> (дата обращения: 14.09.2026).
 14. Технологии 3D-моделирования в исторических исследованиях: реконструкции объектов историко-культурного наследия [Электронный ресурс]. – URL: https://kleio.asu.ru/2012/2/hcsj-22012_49-63.pdf (дата обращения: 14.09.2026).
 15. Обучение BIM для инженеров и проектировщиков – карьера, зарплата, переход с CAD [Электронный ресурс] // ИНФАРС. – URL: https://infars.ru/blog/obuchenie-bim-kak-tehnologii-informatsionnogo-modelirovaniya-menyayut-kareru-inzhenera_proektirovshch/ (дата обращения: 14.09.2026).
 16. Шавелкова В.В. Современные подходы к обучению студентов инженерному проектированию с использованием CAD-систем / В.В. Шавелкова // International Journal of Professional Science. – 2025. – № 10-2. – С. 67-71. – EDN NQYDOC.

ТЕХНОЛОГИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГЕРМЕТИЧНОСТИ САМОДЕЙСТВУЮЩИХ КЛАПАНОВ ПОРШНЕВЫХ КОМПРЕССОРОВ

Шаров Данила Денисович

студент, Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова, Россия, г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** Рассмотрена технология восстановления работоспособности самодействующих клапанов поршневых компрессоров, включающая разборку, очистку от нагара, дефектацию и притирку уплотнительных поверхностей. Установлено, что применение многофракционных абразивных паст с последовательным переходом от крупнозернистых составов к мелкозернистым обеспечивает эффективное устранение дефектов без замены деталей при сохранении допустимой толщины пластины. Доказано, что контроль герметичности заливкой керосина или дизельного топлива является достаточным методом оценки качества выполненной притирки.*

***Ключевые слова:** самодействующий клапан, притирка, уплотнительная поверхность, герметичность, шероховатость, дефектация.*

Значимость рассматриваемой проблематики обусловлена критической ролью самодействующих клапанов в обеспечении эффективной и экономичной работы поршневых компрессоров, поскольку именно эти узлы подвергаются наиболее интенсивному износу в процессе эксплуатации. Нарушение герметичности клапанной пары вследствие образования нагара, эрозии и абразивного износа уплотнительных поверхностей приводит к снижению объёмной подачи, росту энергозатрат на сжатие газа и ускоренному износу сопряжённых деталей цилиндропоршневой группы. Научная новизна представленного исследования заключается в систематизации и обобщении практических приёмов восстановления работоспособности автоматических клапанов с использованием многофракционных абразивных составов, а также в уточнении критериев дефектации, позволяющих принимать обоснованное решение о возможности восстановления детали методом притирки вместо её замены. Затруднение в решении данной задачи определяется отсутствием в технической литературе единого технологического регламента, описывающего последовательность операций по разборке, очистке, контролю износа и притирке клапанов применительно к компрессорам различных типоразмеров, что вынуждает обслуживающий персонал опираться на разрозненные рекомендации производителей и собственную практику. Решение данной задачи видится в разработке унифицированной технологической схемы, охватывающей полный цикл восстановительных операций от разборки до контроля герметичности.

Конструкция автоматического компрессорного клапана является типовой для большинства поршневых компрессоров и включает в себя корпус, выполняющий функцию седла, подвижную пластину, являющуюся запорным органом и одновременно тарелкой, а также пружинный элемент, обеспечивающий прижатие пластины к седлу в закрытом состоянии. Клапан относится к классу самодействующих, что означает отсутствие внешних приводных

механизмов, поскольку его открытие и закрытие происходят исключительно под действием разности давлений газа в полостях всасывания и нагнетания. Единственным резьбовым соединением, подлежащим разборке при обслуживании, выступает прижимная гайка, фиксирующая пластину и пружину в корпусе [1].

Технологический процесс восстановления клапана начинается с его полной разборки, в ходе которой извлекаются прижимная гайка, пластина и пружина. После разборки все детали подвергаются тщательной очистке от нагара и лаковых отложений, образующихся при использовании минеральных масел. Для очистки применяются механические и химические методы, выбор которых определяется степенью загрязнения и материалом деталей [2, с. 27-29].

Следующим этапом является дефектация, в рамках которой производится измерение толщины пластины с помощью микрометра, обеспечивающего требуемую точность, поскольку использование штангенциркуля недопустимо из-за недостаточной разрешающей способности. Результаты измерений сравниваются с предельными значениями, установленными инструкцией по эксплуатации конкретного компрессора. Помимо измерения толщины, проводится визуальный и тактильный контроль состояния рабочей кромки пластины, при котором выявляется наличие буртика, свидетельствующего о выработке. При незначительной выработке, когда толщина пластины ещё находится в пределах допустимых значений, целесообразно перевернуть пластину и притереть противоположную сторону, что позволяет сократить время обслуживания и продлить срок службы детали [2, с. 27-29].

Следует отметить, что не все известные технологии восстановления клапанных узлов обладают сопоставимой эффективностью. К числу малоэффективных решений относится ручная притирка с использованием исключительно крупнозернистых абразивных паст без последующего перехода на мелкозернистые составы. Данный подход характеризуется высокой трудоёмкостью и не позволяет достичь требуемой шероховатости уплотнительной поверхности, поскольку крупные абразивные зёрна оставляют глубокие риски, которые в процессе эксплуатации становятся концентраторами напряжений и очагами ускоренного износа. Кроме того, длительная ручная притирка с грубыми пастами приводит к неравномерному съёму материала и нарушению геометрии уплотнительной кромки. Второй малоэффективной технологией является восстановление изношенных седел клапанов методом наплавки. Согласно действующим нормативным документам, ремонт с помощью наплавки категорически не допускается на участках посадки с кольцевым уплотнением и на поверхностях, где перемещается поршень компрессора. Наплавленный слой характеризуется изменением химического состава материала за счёт выгорания отдельных легирующих элементов, что снижает качество восстановленной поверхности и не обеспечивает требуемой герметичности. Дополнительным недостатком ручной дуговой наплавки выступает относительно низкая производительность, тяжелые условия труда из-за повышенной загазованности зоны наплавки, а также сложность получения необходимого качества

наплавленного слоя при большом проплавлении основного металла [2, с. 27-29].

Притирка является ключевой операцией восстановительного процесса, обеспечивающей достижение требуемой плоскостности и шероховатости уплотнительных поверхностей. Для притирки используются абразивные пасты различной зернистости, при этом практика показывает эффективность применения двух-трёх составов последовательно. При наличии глубоких царапин и выбоин на кромке пластины целесообразно начинать обработку с пасты зернистостью 240 или 320, поскольку использование более мелких фракций на начальном этапе приводит к неоправданно длительному выведению дефектов. В случае деформации кольца или самой пластины, что чаще встречается у деталей большого диаметра, допускается применение пасты зернистостью 120. Процесс притирки клапана рассматриваемого типа занимает не более сорока минут с учётом разборки, мойки и последующей сборки. В ходе притирки необходимо регулярно очищать обрабатываемые поверхности чистой ветошью и визуально контролировать состояние контактных зон, что позволяет своевременно корректировать усилия и избегать излишнего съёма материала [3, с. 259-273].

Корпус клапана, сопрягаемый с пластиной, также подлежит притирке, однако интенсивность его обработки существенно ниже, поскольку в корпусе, как правило, отсутствуют глубокие царапины и ямы, характерные для пластины. В большинстве случаев достаточно освежить поверхность корпуса без замены абразивной пасты на более мелкую фракцию. После завершения притирки все детали промываются в керосине или дизельном топливе для удаления остатков пасты, после чего продуваются сжатым воздухом. Остаточные загрязнения, если они не были удалены, могут стать помехой при испытании на герметичность, вызывая появление ложных течей [1].

Сборка клапана производится в порядке, обратном разборке, при этом необходимо обеспечить точное совмещение двух половин корпуса, которые соединяются единственно возможным способом благодаря наличию специального паза и ответного штифта. Резьбовое соединение перед затяжкой обязательно смазывается графитсодержащей смазкой, что облегчает последующую разборку и предотвращает схватывание контактирующих металлических поверхностей. Затяжка прижимной гайки производится до щелчка, что соответствует достижению момента, установленного изготовителем. Заключительным этапом является проверка герметичности собранного клапана путём заливки в него дизельного топлива или керосина и наблюдения за появлением протечек в течение определённого времени. Отсутствие следов топлива на противоположной стороне клапана свидетельствует о достижении требуемой герметичности [2, с. 27-29].

Эффективность контроля герметичности заливкой дизельного топлива или керосина имеет строгое научное обоснование и подтверждается как физическими свойствами указанных жидкостей, так и положениями действующих

нормативных документов. Метод основан на явлении капиллярности, которое заключается в способности жидкости подниматься по капиллярным каналам, роль которых в данном случае выполняют сквозные поры, микротрещины и иные несплошности, оставшиеся после притирки. Керосин и дизельное топливо обладают низкой вязкостью, малой плотностью и низким поверхностным натяжением, что в совокупности обеспечивает их высокую проникающую способность и способность заполнять мельчайшие дефекты, недоступные для визуального обнаружения. Именно высокая проникающая способность керосина положена в основу метода керосиновой пробы, широко применяемого для контроля герметичности сварных швов и иных ответственных соединений. Согласно действующему стандарту ГОСТ 5761-2005, испытания клапанов, предназначенных для работы с нефтепродуктами, допускается проводить керосином, при этом дополнительное испытание воздухом не требуется, что прямо указывает на достаточную чувствительность данного метода для ответственных применений. Методика контроля предполагает заливку керосина или дизельного топлива в полость клапана со стороны, противоположной контролируемой, с последующей выдержкой в течение регламентированного времени, при этом появление следов жидкости на сухой поверхности свидетельствует о наличии негерметичности. Время выдержки может составлять от нескольких минут до часа в зависимости от толщины стенки и требуемой чувствительности контроля. Простота реализации, отсутствие необходимости в сложном оборудовании и высокая достоверность получаемых результатов делают данный метод оптимальным для условий ремонтных подразделений и участков технического обслуживания компрессорного оборудования [1].

Предложенная технология восстановления герметичности самодействующих клапанов поршневых компрессоров методом притирки уплотнительных поверхностей позволяет эффективно продлевать срок службы клапанных узлов без замены деталей при условии, что остаточная толщина пластины находится в пределах допустимых значений, а дефекты поверхностей не носят катастрофического характера. Ключевыми факторами успешного восстановления выступают тщательная очистка деталей от нагара и лаковых отложений, корректная дефектация с использованием микрометрического инструмента, последовательное применение абразивных паст различной зернистости и обязательная смазка резьбовых соединений графитсодержащими составами перед сборкой. Контроль герметичности путём заливки керосина или дизельного топлива является достаточным и достоверным методом оценки качества выполненной притирки. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на разработку количественных критериев оценки остаточного ресурса клапанных пластин и оптимизацию режимов притирки с использованием автоматизированных притирочных станков.

Литература

1. Бусаров С.С., Ращупкина М.А., Марченко Д.Р. Исследование рабочих процессов поршневых компрессоров дорожно-строительных машин // Вестник СибАДИ. 2025. № 1 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rabochih-protsessov-porshnevyh-kompressorov-dorozhno-stroitelnyh-mashin>.
2. Жук Д.И., Гаффанов Р.Ф., Щенятский А.В. (2016). Анализ влияния механических воздействий на уплотнительные поверхности запорно-регулирующей трубопроводной арматуры. Вестник ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, № 19(2), С. 27-29. извлечено от <https://izdat.istu.ru/index.php/vestnik/article/view/3220>.
3. Kumar M., Das M., Yu N. Simulation of Surface Roughness During Rotational–Magnetorheological Finishing of Poppet Valve Profiles. Nanomanuf Metrol 5, P. 259-273 (2022). <https://doi.org/10.1007/s41871-022-00144-8>.

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОТЦОВСТВА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Василенко Надежда Алексеевна

магистрантка,

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

***Аннотация.** В статье рассматриваются социальные практики современного отцовства в Алтайском крае – одном из регионов Сибири с развитой системой поддержки ответственного родительства. На основе анализа нормативных документов, материалов региональных СМИ и результатов социологического исследования «Семья сегодня: ценности и повседневность отцовства» (2024) выявляются основные формы отцовских практик: участие в деятельности Советов отцов, добровольческих отрядов, клубов отцов, игротеков и семейных досуговых мероприятий. Показано, что в регионе сформировалась институциональная модель поддержки отцовства, включающая краевой Совет отцов при Правительстве Алтайского края, 82 добровольческих отряда (более 10000 участников), Краевой кризисный центр для мужчин и систему просветительских мероприятий. Выделены ключевые характеристики трансформации отцовских практик: переход от модели «отца-кормильца» к вовлечённому отцовству, рост эмоциональной включённости мужчин в воспитание детей, преодоление гендерных стереотипов. Обосновывается вывод о том, что Алтайский край представляет собой один из наиболее активных регионов России по формированию инфраструктуры ответственного отцовства.*

***Ключевые слова:** отцовство, вовлечённое отцовство, социальные практики, ответственное родительство, Совет отцов, Алтайский край, гендерные стереотипы, семейная политика.*

Введение

Трансформация института отцовства является одной из наиболее заметных тенденций в развитии современной российской семьи. Если на протяжении большей части XX века отцовская роль сводилась преимущественно к экономическому обеспечению семьи, то в последние десятилетия всё большее значение приобретают эмоциональная включённость отца, его участие в воспитании и повседневной жизни детей. Как показывают данные ВЦИОМ, 66% россиян считают отцовство трудной работой, а 72% респондентов отмечают, что их отцы принимали активное участие в воспитании. Эти данные свидетельствуют о глубоких сдвигах в общественном сознании относительно содержания отцовской роли.

Исследования вовлечённого отцовства в современной России активно развиваются в работах О. Н. Безруковой, Е. Б. Хитрук, А. А. Янак и других авторов. Однако региональная специфика формирования отцовских практик остаётся недостаточно изученной. В этом контексте Алтайский край представляет особый интерес, поскольку является одним из немногих регионов, где с 2009 года действует краевой Совет отцов при Правительстве Алтайского края, а с 2011 года – система активной поддержки отцовства.

Целью настоящей статьи является анализ социальных практик современного отцовства в Алтайском крае и выявление их институциональных особенностей.

Институциональная инфраструктура отцовства в Алтайском крае

Алтайский край занимает одно из ведущих мест среди российских регионов по развитию институциональной поддержки отцовства. В октябре 2011 года губернатором края было подписано постановление о создании краевого Совета отцов при Администрации Алтайского края с целью укрепления института семьи, охраны материнства и отцовства, развития духовных и культурных ценностей у подрастающего поколения. Методологической основой работы с отцами стала концепция «активной поддержки родителей».

К 2024 году в регионе действуют 82 добровольческих отцовских отряда, объединяющих более 10000 участников. Совет отцов участвует в подготовке краевых и городских планов и программ по вопросам отцовства, ответственного родительства, семьи и детей, изучает практику других регионов и предлагает изменения в законодательство. В обновлённый состав Совета, избранный в июле 2024 года, вошли 18 человек – отцы из разных городов и районов края.

Особое значение в институциональной инфраструктуре отцовства занимает Краевой кризисный центр для мужчин, в котором реализуются проекты, связанные с вовлечением мужчин в воспитание детей, гармонизацией семейных отношений и развитием ответственного отцовства. Среди реализуемых практик – работа с неполными отцовскими семьями, клуб отцов для неформального общения по вопросам детско-родительских отношений, семейные игротеки «Весёлые джунгли» и программа «Воскресенье вместе с папой».

Социальные практики отцовства: эмпирический анализ

Министерство социальной защиты Алтайского края совместно с Алтайским государственным университетом и Центром компетенций по вопросам демографии проводит исследование «Семья сегодня: ценности и повседневность отцовства», целью которого является изучение восприятия роли отца в современном обществе. Результаты исследования, а также анализ материалов региональных СМИ и отчётов общественных организаций позволяют выделить несколько ключевых групп социальных практик отцовства в регионе.

Просветительские и образовательные практики

В рамках проекта «Позитивный образ отца», реализуемого с 2024 года в Михайловском районе при поддержке Совета отцов, проводятся дни отцовства, спортивные турниры, конкурсы, фестивали и мастер-классы, где отцы выступают не зрителями, а участниками. Они обсуждают воспитание, делятся опытом, получают знания о детской психологии, физиологии, правах и обязанностях отца. Проект активно освещается в СМИ и социальных сетях: в 2024 году обсуждения собрали более 50000 лайков и репостов, охват составил 200000 человек, а количество позитивных публикаций о роли отца выросло на 50%.

Досуговые и игровые практики

Краевой кризисный центр для мужчин организует игровые комнаты для пап с детьми, программа «Воскресенье вместе с папой» создана для улучшения взаимоотношений в семье. В ходе игротек используются современные настольные игры и конструкторы, а также активные тренинговые упражнения и квесты, позволяющие вовлечь отцов и детей в совместную деятельность, формируя взаимную привязанность и эмоциональную близость.

Волонтёрские и социально значимые практики

Добровольческие отряды отцов организуют оздоровительные, культурные и спортивные мероприятия, проводят социальные акции, оказывают благотворительную помощь семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, и семьям из группы социального риска. Более 35 мужчин включились в волонтерство вместе с детьми.

Практики поддержки одиноких отцов

Министерство социальной защиты Алтайского края совместно с Советом отцов работает над составлением краевого реестра семей, где отцы самостоятельно воспитывают детей, для более адресного направления помощи через федеральные программы. Предложена инициатива учреждения краевой награды для многодетных отцов, ответственно подходящих к вопросам воспитания.

Результаты реализуемых практик свидетельствуют о позитивных изменениях: на 5% выросла посещаемость школьных собраний, на 10% снизились конфликты в семьях-участниках проектов. Мужчины признаются, что изменилось не только их поведение, но и само ощущение отцовства – появилось желание быть рядом с детьми каждый день.

Обсуждение результатов

Анализ социальных практик отцовства в Алтайском крае позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в регионе сформировалась многоуровневая институциональная система поддержки отцовства, включающая государственные структуры (краевой Совет отцов, Министерство социальной защиты, Краевой кризисный центр для мужчин), общественные объединения (добровольческие отряды) и образовательные площадки (АлтГУ, школы, клубы).

Во-вторых, наблюдается трансформация содержания отцовских практик: от преимущественно экономической функции к эмоциональной включённости, что соответствует общероссийским тенденциям, описанным в литературе. Отцы всё чаще воспринимают участие в воспитании не как дополнительную обязанность, а как органичную часть своей идентичности.

В-третьих, региональная специфика Алтайского края проявляется в активном использовании досуговых и игровых форматов работы с отцами, а также в целенаправленной поддержке одиноких отцов. Как отмечают исследователи, такая работа позволяет повысить семейный потенциал, родительскую компетенцию и гармонизировать детско-родительские взаимоотношения.

Вместе с тем остаётся ряд нерешённых проблем: сохраняется разрыв между декларируемыми ценностями вовлечённого отцовства и реальными практиками, не все группы отцов охвачены просветительскими программами,

требует дальнейшего развития система оценки эффективности реализуемых проектов.

Заключение

Социальные практики современного отцовства в Алтайском крае представляют собой динамично развивающуюся систему, в которой сочетаются институциональные механизмы поддержки и индивидуальные стратегии мужчин. Регион демонстрирует один из наиболее успешных примеров формирования инфраструктуры ответственного отцовства в России: 82 добровольческих отряда, более 10000 участников, системная работа Советов отцов на краевом и муниципальном уровнях, специализированные программы Краевого кризисного центра для мужчин.

Трансформация отцовских практик в направлении вовлечённого отцовства является длительным процессом, требующим дальнейшей социальной поддержки на уровне политических инициатив и просветительских мероприятий. Опыт Алтайского края может быть востребован другими регионами России при разработке программ поддержки ответственного родительства.

Литература

1. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отношения с отцом как фактор вовлечённости в отцовство молодых мужчин в многодетных семьях // Социологические исследования. 2024. Т. 50. № 11. С. 87-99. DOI: 10.31857/S0132162524110076.
2. Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Вовлечённое отцовство в современном российском обществе: творчество, осознанность, любовь // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 139-151. DOI: 10.17223/1998863X/85/12.
3. Отцовство как социальный феномен в полных семьях и неполных (вследствие развода) (на примере г. Иваново) // Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 55-66.
4. Активная поддержка отцовства в Алтайском крае // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии: сборник научных статей. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2022. С. 128-135.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

КОНЦЕССИОННАЯ МОДЕЛЬ РАЗМЕЩЕНИЯ ТЯЖЁЛОГО ЛУЧЕВОГО ОБОРУДОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КЛИНИКЕ: КОНСТРУКЦИЯ СДЕЛКИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ МЕЖДУ СТОРОНАМИ

Кудинов Дмитрий Сергеевич

член консультативного совета,

MQS Hungary Kft, Венгрия, г. Будапешт

https://www.doi.org/10.51635/TiPRNTO_conf.2026.stthd

***Аннотация.** Статья разбирает конструкцию концессионного соглашения, по которому частный инвестор размещает установку лучевой терапии внутри действующего государственного онкологического диспансера, на материале проектов в Казани и Ульяновске. Разбор опирается на проект концессионного соглашения, письма региональных министерств здравоохранения и регламент межведомственного совещания, полученные из первых рук в ходе подготовки обеих сделок, и ведётся по узлам конструкции: правовое основание, вклад сторон, потоки возврата вложений, судьба помещения и оборудования по окончании срока. Разбор показывает, что устойчивость схемы для инвестора держится на двух отдельных контурах возврата вложений и на квалификации оснащения помещения как реконструкции объекта недвижимости, а часть рисков соглашение оставляет без распределения. Свод рисков по носителю выделяет тарифный, бюджетный, валютный риски и риск потока пациентов как направления доработки типовой формы концессии для тяжёлого медицинского оборудования.*

***Ключевые слова:** концессионное соглашение, государственно-частное партнёрство, лучевая терапия, томотерапия, распределение рисков, онкологический диспансер, региональный бюджет.*

Введение

Лучевая терапия входит в стандарты лечения большинства солидных опухолей, и дефицит установок для дистанционного облучения напрямую ограничивает доступ пациентов к помощи. Комиссия журнала The Lancet Oncology оценила глобальный разрыв между потребностью в лучевой терапии и её доступностью и нашла, что вложения в радиотерапевтическую инфраструктуру дают положительный экономический эффект в странах с низким и средним уровнем дохода [6, с. 1153]. Европейский проект HERO по экономике лучевой терапии связал число мегавольтных установок на миллион жителей с уровнем национального дохода [13, с. 155] и предложил ориентиры оснащения радиотерапевтических отделений [11, с. 165]. Для российских регионов та же проблема стоит в практической плоскости: по данным 2016 года доля лучевого метода в структуре лечения уступала хирургии, а парк аппаратов во многих диспансерах выработал ресурс [4]. Работы после 2018 года подтвердили, что разрыв сохранился: по оценке 2020 года более четверти европейских пациентов с показаниями к лучевой терапии её не получали, а нехватка оборудования и персонала оставалась главной причиной [17, с. 1461], и глобальный обзор

2021 года зафиксировал тот же дефицит установок за пределами Европы [5, с. 827].

Региональное здравоохранение работает в условиях неравной отдачи от вложенных ресурсов, что Куделина и Еремина показали на межрегиональных данных [2, с. 211]. Разовая закупка тяжёлой установки требует всей суммы в год закупки, а вопросы сервиса и обновления через десять лет остаются за рамками закупочной процедуры. Внебюджетная схема размещения оборудования отвечает на этот запрос, но требует юридической конструкции, совместимой с законом о концессионных соглашениях и с работой государственного учреждения в системе обязательного медицинского страхования.

Государственно-частному партнёрству в здравоохранении посвящён большой массив публикаций. Рёрих, Льюис и Джордж проанализировали свыше 1400 работ за двадцать лет и нашли, что при масштабе явления его концептуализация и эмпирическая проверка остаются ограниченными [20, с. 110]. Торкиа, Калабро и Морнер выделили в качестве признаков партнёрства долгосрочность отношений, совместную разработку услуги и разделение рисков, затрат и выгод [22, с. 236]. Ходж и Грее показали, что критерии успеха партнёрств ориентированы на политику и управление в той же мере, что и на соотношение цены и качества [15, с. 55]. Российская литература разбирает препятствия для партнёрств в здравоохранении с юридической стороны [3, с. 118], хотя описания сделки, по которой тяжёлая установка размещается внутри действующего государственного диспансера с оплатой пролеченного случая, в доступных публикациях до 2018 года не встретилось. Работы 2019–2025 годов сместили спор о партнёрствах с вопроса об их пользе к условиям их работы. Хеллоуэлл по итогам разбора госпиталя в Лесото показал, что фискальная нагрузка на публичную сторону способна перевесить клинический выигрыш [14], Феррейра и Маркес на португальских данных не нашли разницы в качестве и доступности между госпиталями партнёрства и государственными [12], а обзор Басабих с соавторами свёл результаты госпитальных партнёрств к набору условий, при которых они удаются [7]. Кэсади с соавторами связали жизнеспособность партнёрств с институциональной зрелостью среды, легитимностью, доверием и компетенциями сторон [9, с. 161], а Векки, Танезе и Осборн зафиксировали спад доверия к инструменту после 2020 года и доводы за его сохранение [23, с. 337]. Российскую практику после 2018 года Григорьева и Соболев описали на примере московских проектов и связали успех партнёрства с тем, насколько сочетаются функции государства и бизнеса [1, с. 327].

Правовую рамку задают закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ о концессионных соглашениях и закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ о государственно-частном партнёрстве. Задача статьи двоякая: разобрать конструкцию концессии на первичных документах казанского и ульяновского проектов и свести риски по носителю. Устройство сети центров, механизм возмещения через национальную программу, экономическое сопоставление концессии с бюджетной закупкой и организация работы центра изнутри клиники остаются за рамками статьи.

Обе сделки готовились и запускались в 2016–2018 годах, и разбор опирается на документы того периода. Публикация выходит в 2026 году, в год

истечения десятилетнего срока казанского соглашения, поэтому выводы соотнесены с состоянием вопроса на момент публикации: обзор литературы доведён до работ 2025 года, а раздел о судьбе имущества дополнен тем, что следует из самого соглашения к завершению договорного горизонта. Фактических сведений о работе центров после запуска в статье нет, и все количественные показатели остаются плановыми и договорными.

Объекты и методы исследования

Объектом разбора стал проект концессионного соглашения в отношении нежилого помещения площадью 193,8 кв. м на площадке Республиканского клинического онкологического диспансера в Казани сроком на десять лет. Стороны подготовили проект в декабре 2016 года, и в доступной редакции часть реквизитов не заполнена, поэтому все ссылки на условия соглашения относятся к этой редакции. Вторым объектом стал проект центра лучевой терапии на базе Областного клинического онкологического диспансера в Ульяновске, по которому имеются документы стадии подготовки решения.

Источники по казанскому проекту включают проект соглашения, письмо Министерства здравоохранения Республики Татарстан от 07.09.2016 № 09-01/9092 с параметрами финансирования, письмо главного врача диспансера от 08.09.2016 № 2365/01-18 о направлении этой информации инвестору и меморандум министерства с производителем оборудования о создании межрегионального центра лучевой терапии. По Ульяновску использованы письмо Министерства здравоохранения Ульяновской области от 25.04.2016 об оснащении диспансера и регламент со списком участников совещания 15.03.2016. Все документы пришли из первых рук в ходе подготовки обоих проектов. Модель организации партнёрства, которая легла в основу переговоров, сложилась в ходе непосредственного участия в этой подготовке.

Метод разбора построен по узлам конструкции: исходная задача региона в натуральных показателях, правовое основание сделки, обязательства сторон на двух этапах, потоки возврата вложений с их плательщиками и основаниями, принадлежность помещения и оборудования в течение срока и после него. Последний шаг разносит по носителю риски, которые соглашение называет прямо и которые вытекают из его умолчаний. Такой порядок отвечает подходу теории контрактов, которая рассматривает партнёрство как договор с несколькими задачами и переносом риска между сторонами [16, с. 4]. Все количественные параметры в статье плановые и договорные, данные о загрузке центров после запуска в анализ не входят.

Результаты и их обсуждение

Исходная задача региона

Ульяновский случай даёт постановку задачи в натуральных величинах. По письму областного министерства здравоохранения от 25.04.2016 в радиологическом отделении диспансера работали четыре аппарата для дистанционной лучевой терапии, из которых два подлежали замене по сроку эксплуатации: линейный ускоритель 2002 года выпуска и гамма-терапевтический аппарат 2007 года выпуска. Порядок оказания помощи по профилю «онкология» требовал одного аппарата на 300 тыс. населения, то есть четырёх действующих

установок на область, а выход двух аппаратов из строя вёл к росту очереди на госпитализацию свыше двух месяцев. Европейские ориентиры оснащения выводят потребность в установках из тех же величин, численности населения и заболеваемости [11, с. 165].

Областное правительство готовило внебюджетную схему на межведомственной площадке, и регламент совещания 15.03.2016 показывает состав участников: заместитель председателя правительства области, возглавлявший министерство здравоохранения, сотрудники министерства, заместитель министра экономического развития по имущественному блоку, директор территориального фонда обязательного медицинского страхования, руководитель областного центра государственно-частного партнёрства и инвестиционная группа с участием производителя оборудования и дистрибьютора. Без имущественного органа и фонда страхования схема с двумя контурами оплаты сообразиться не может, поскольку у клиники нет полномочий ни распорядиться помещением, ни изменить тариф.

Казанский проект прошёл ту же стадию раньше и оставил больше документов. Меморандум Министерства здравоохранения Республики Татарстан и производителя оборудования закрепил намерения сторон по обучению персонала, созданию демонстрационного центра и привлечению пациентов из других регионов. Письмо министерства от 07.09.2016 сообщило диспансеру о согласовании закупки одного аппарата томотерапии и источников финансирования проекта на 2016–2026 годы в сумме 468,0 млн рублей, а через три месяца появился проект концессионного соглашения.

Правовое основание сделки

Конструкция держится на одном юридическом приёме: стороны квалифицировали оснащение помещения тяжёлой установкой как реконструкцию объекта недвижимости. Пункт 10 проекта соглашения ссылается на статью 3 Федерального закона № 115-ФЗ и относит к реконструкции разработку проектно-сметной документации, подготовку помещений под требования производителя и замену изношенного оборудования новым. Соглашение называет объектом нежилое помещение площадью 193,8 кв. м в собственности республики, а установку относит к имуществу, которым концессионер оснащает объект. Земельный участок концессионеру не передаётся.

От имени республики концедентом действует Министерство земельных и имущественных отношений на основании распоряжения Кабинета Министров от 21.12.2016 № 3045-р. Министерству здравоохранения соглашение отводит возмещение расходов и контроль качества медицинских услуг, в число сторон сделки оно не входит. Такое разделение ролей воспроизводимо в любом регионе. Теория контрактов называет объединение этапов строительства и эксплуатации в одном договоре главным источником стимулов для частной стороны [16, с. 4], и казанская конструкция даёт этот эффект через одну сделку на реконструкцию помещения и десятилетнюю эксплуатацию.

Двухэтапная конструкция и обязательства сторон

Соглашение делит деятельность концессионера на два этапа. На первом этапе концессионер за свой счёт разрабатывает проектно-сметную

документацию в срок до 30 дней, проводит реконструкцию помещения до 01.03.2017 и укомплектовывает объект оборудованием по приложению к соглашению при объёме инвестиций не менее 318 млн рублей. На втором этапе концессионер оказывает услуги Томотерапии населению республики в объёме, исходя из численности 725 больных в год, до окончания десятилетнего срока. Соглашение допускает дополнительные соглашения при росте числа больных, а также платные услуги при получении лицензии.

Публичная сторона передаёт право владения и пользования помещением на десять лет, обеспечивает доступ на объект для работ и возмещает расходы из бюджета республики. Концессионную плату соглашение не устанавливает, арендных платежей за помещение внутри работающей клиники конструкция не содержит. При десятилетнем горизонте и рублёвой фиксации вложений в импортное оборудование любой регулярный платёж за помещение снижал бы долю выручки, доступную для возврата капитала, и удлинял бы срок окупаемости, который литература по концессиям рассматривает как главный параметр согласования интересов сторон [8, с. 1223]. Работа 2025 года дополнила этот подход моделью, в которой срок концессии выводится из взаимодействия рисков проекта и его пригодности для банковского финансирования, включая ставку, инфляцию и операционные расходы [10, с. 292].

В период эксплуатации концессионер поддерживает объект в исправном состоянии и проводит за свой счёт текущий и капитальный ремонт, не прекращает деятельность без согласия концедента, предоставляет потребителям установленные законом льготы, обеспечивает доступ контролирующим органам и страхует риск случайной гибели объекта на его рыночную стоимость. За действия привлечённых третьих лиц концессионер отвечает, как за свои.

Два контура возврата вложений

Конструкция возвращает вложения двумя потоками с разными плательщиками и разными основаниями. Первый контур капитальный. Пункт 46 соглашения возлагает возмещение расходов концессионера на реконструкцию и оснащение объекта на Министерство здравоохранения Республики Татарстан в соответствии с распоряжением Кабинета Министров от 21.12.2016 № 3045-р и задаёт график: 37,2 млн рублей в 2017 году, по 31,7 млн рублей в год с 2018 по 2025 год и 27,2 млн рублей в 2026 году. Сумма графика даёт 318,0 млн рублей и совпадает с минимальным объёмом инвестиций, а сам поток не зависит от числа пролеченных пациентов.

Второй контур операционный. Диспансер оплачивает услуги Томотерапии по цене, эквивалентной 24,3 процента тарифа лучевой терапии третьего уровня по тарифному соглашению в системе обязательного медицинского страхования республики, за один случай и не менее 13 млн рублей в год при выполнении объёма в 725 больных. Оплата идёт по государственному контракту, акту выполненных работ и счёту, а фонд медицинского страхования рассчитывается с диспансером в рамках его планового задания, так что тарифная политика остаётся во внешнем контуре. Обзор систем возмещения лучевой терапии в европейских странах, выполненный в 2020 году, показал, что большинство систем построено на бюджетной основе, а тарифы за конкретные

методики и схемы фракционирования различаются между странами в разы [18, с. е42], так что привязка оплаты к доле тарифа за случай ставит операционный контур в зависимость от национальной тарифной политики.

Письмо министерства от 07.09.2016 позволяет сверить обе части конструкции. Два документа разного происхождения описывают одну конструкцию. Расхождений в суммах нет. Полная схема участников, потоков и сроков приведена на рисунке 1.

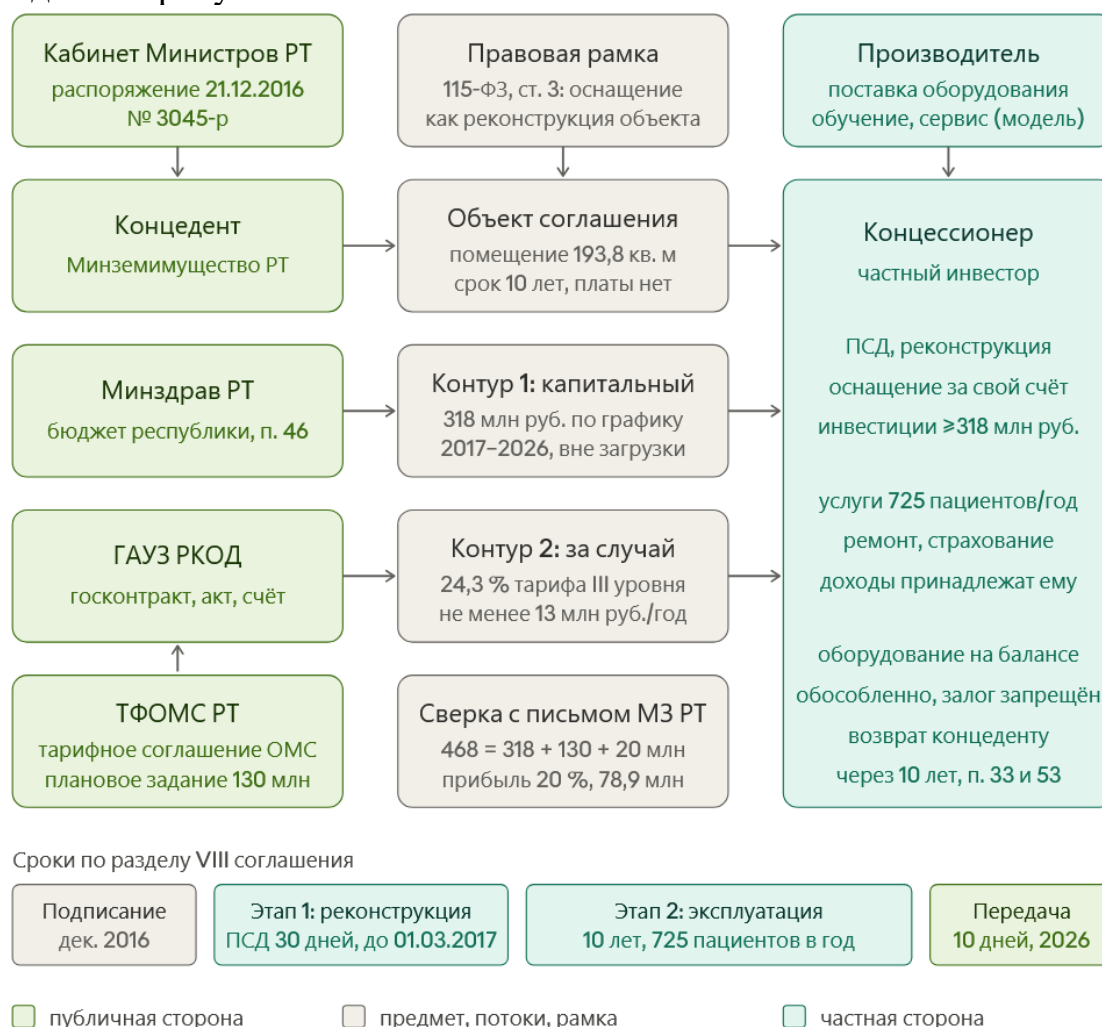

Рис. 1. Участники концессии, правовое основание, потоки возврата вложений и сроки по проекту концессионного соглашения в Казани

Два потока решают задачу, которую теория контрактов ставит в центр анализа партнёрств: перенос риска на частную сторону повышает её стимулы к снижению затрат, но при неприятии риска инвестором удорожает капитал [16, с. 4]. Капитальный контур снимает с инвестора риск загрузки в части основной суммы, операционный оставляет ему стимул лечить плановое число пациентов. Опыт госпитального партнёрства в Лесото показывает, что публичная сторона оценивает такие проекты по клиническим результатам, а споры вокруг них идут о финансовых обязательствах [19, с. 954], поэтому фиксация графика в самом соглашении снижает неопределённость по второй линии. На рисунке 2 показан график возмещения из бюджета Республики Татарстан.

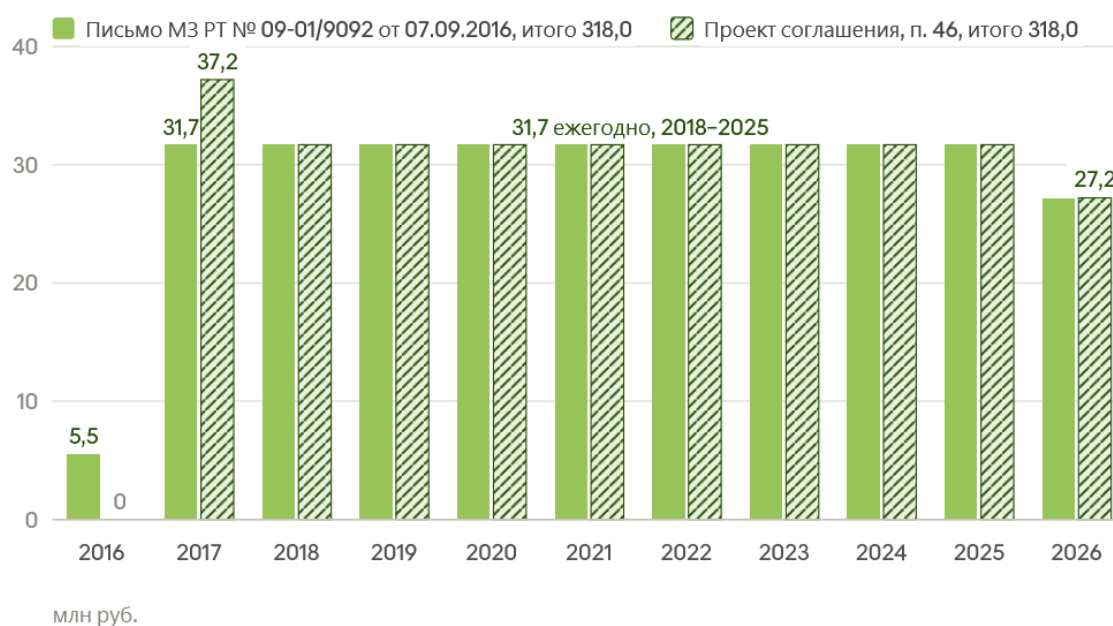

Рис. 2. График возмещения из бюджета Республики Татарстан по письму Министерства здравоохранения Республики Татарстан от 07.09.2016 и по проекту концессионного соглашения, млн рублей

Этот перенос читается как документальный след сдвига сроков: осенью 2016 года стороны рассчитывали на первый платёж в текущем бюджетном году, а к декабрю подписание сместилось так, что первый транш ушёл в 2017 год. Для инвестора смещение удлиняет период без бюджетного возмещения при уже начатых вложениях, для публичной стороны оно снимает обязательство 2016 года без изменения общей суммы. Концессионная литература связывает подобные корректировки с переговорной природой срока и графика [8, с. 1223].

Принадлежность имущества во времени

Помещение остаётся в собственности республики на весь срок, а концессионер получает право владения и пользования с государственной регистрацией за его счёт. Концессионер учитывает установленное оборудование на своём балансе с обособлением от прочего имущества и не вправе закладывать или отчуждать объект. Доходы от деятельности остаются у концессионера.

По окончании десяти лет концессионер в течение десяти дней передаёт концеденту помещение и установленное оборудование в надлежащем состоянии по акту приёма-передачи, а концедент вправе отказаться от подписания акта при несоответствии объекта требованиям по заключению комиссии с участием министерства здравоохранения. Установка вместе с реконструированным помещением остаётся в государственной собственности. Отдельной закупки не требуется.

К моменту публикации договорный горизонт казанского соглашения исчерпан по календарю: десятилетний срок завершается в 2026 году, и на тот же год по пункту 46 приходится последний транш бюджетного возмещения в 27,2 млн рублей, которым закрывается сумма в 318,0 млн. По условиям соглашения в течение десяти дней после окончания срока концессионер передаёт концеденту помещение и установленное оборудование по акту, обязательство по объёму в 725 больных в год прекращается вместе со сроком, а установка

остаётся в собственности республики без отдельной закупки. Всё это следует из текста соглашения и графика 2016 года и ничего не сообщает о фактическом исполнении: данных о том, как прошла передача, о состоянии оборудования и о загрузке центра за десять лет, в распоряжении нет, поэтому описанный итог остаётся тем, что предусмотрено соглашением.

Свод рисков по носителю

Часть рисков соглашение распределяет прямыми нормами, часть регулирует через процедуры изменения и расторжения, а часть не упоминает. Свод по носителю дан в таблице.

Таблица

Распределение рисков по проекту концессионного соглашения

Риск	Носитель	Основание в проекте соглашения
Срок разработки проектно-сметной документации и срок реконструкции	Концессионер	Пункты 48 и 49, неустойка по пункту 73 в размере одной трёхсотой ставки рефинансирования от суммы капитальных вложений за день просрочки
Качество реконструкции в течение всего срока действия	Концессионер	Пункты 68–71
Случайная гибель или повреждение объекта	Концессионер	Пункт 6, обязательное страхование на рыночную стоимость по пункту 75
Текущий и капитальный ремонт, сервис оборудования	Концессионер	Пункт 26
Недозагрузка ниже 725 больных в год	Концессионер	Пункты 1 и 43, минимум 13 млн рублей действует при выполнении объёма
Передача объекта и доступ к нему	Концедент	Пункты 4 и 15, неустойка по пункту 74
Бюджетное возмещение 318 млн рублей по графику	Публичная сторона в лице Министерства здравоохранения	Пункт 46 со ссылкой на установленный порядок
Компенсация льгот, предоставленных потребителям	Концедент	Пункт 81, основание для изменения условий
Изменение законодательства, ухудшающее положение концессионера	Распределён через процедуру изменения условий	Пункты 82 и 83, право требовать изменения без компенсации
Порядок расчётов при досрочном расторжении	Не описан	Пункты 87–90 содержат только основания и судебный порядок
Пересмотр тарифа лучевой терапии третьего уровня	Не распределён	База операционного контура задана внешним тарифным соглашением
Ежегодное утверждение бюджетных ассигнований	Не распределён	Пункт 46 без гарантий на случай сокращения бюджета
Курсовой риск при рублёвой фиксации вложений в импортное оборудование	Не распределён	В соглашении не упоминается
Моральное старение установок к концу срока	Не распределён	Пункты 33 и 53 требуют возврата в надлежащем состоянии без критериев

На концессионере лежат риски первого этапа: сроки документации и реконструкции под неустойку в размере одной трёхсотой ставки рефинансирования от суммы капитальных вложений за день просрочки, качество работ на весь срок действия, случайная гибель объекта под обязательное страхование, ремонт и регистрация прав.

Риск загрузки ложится на концессионера, хотя его источником управляет клиника. Поток пациентов организует государственное учреждение, которое направляет больных и оплачивает случаи по контракту. Носителем риска оказывается сторона, не управляющая его источником, что теория контрактов считает признаком неэффективного распределения [16, с. 4]. Капитальный контур смягчает этот эффект, но операционная экономика центра остаётся под риском.

Публичная сторона несёт риск передачи объекта и обеспечения доступа для работ под неустойку, симметричную неустойке концессионера. Министерство здравоохранения несёт обязательство по бюджетному возмещению 318 млн рублей по графику, но пункт 46 отсылает к возмещению «в установленном порядке», а порядок этот задаёт ежегодный закон о бюджете. Компенсацию льгот потребителям соглашение переводит на публичную сторону через процедуру изменения условий без прямого платёжного обязательства.

Пункты 82 и 83 дают концессионеру право требовать изменения соглашения при принятии норм, ухудшающих его положение, и этим правом защита исчерпывается, компенсации за такое ухудшение соглашения не содержит. Существенное изменение обстоятельств соглашения относит к основаниям досрочного расторжения по решению суда, порядок расчётов при досрочном прекращении в доступной редакции не раскрывает, и инвестор при расторжении на третьем году не находит в тексте механизма возврата невозмещённой части вложений.

Не распределены соглашением вовсе четыре группы рисков. Во-первых, тарифный риск: база операционного контура задана процентом от тарифа третьего уровня, который пересматривается вне рамок концессии. Во-вторых, бюджетный риск: распоряжение высшего исполнительного органа задаёт намерение, а выделение средств проходит через бюджет каждого года. В-третьих, валютный риск: стороны зафиксировали вложения в рублях, а оборудование ввозится из-за рубежа, и после двукратного ослабления рубля к доллару за 2014–2016 годы этот риск лёг на инвестора без упоминания в тексте. В-четвёртых, риск морального старения к концу срока: соглашение требует вернуть оборудование в надлежащем состоянии без критериев этого состояния и без положений о модернизации.

Модель организации партнёрства, сложившаяся в ходе непосредственной подготовки проекта, называла три риска схемы: отказ министерства от соглашения о компенсации, бюджетные затруднения инвестора и изменение законодательства против партнёрств. Соглашение закрыло первый риск в части графика, переложило второй на концессионера через неустойку и сроки, третьему дало только процедуру изменения условий. Пункт 89 при перечислении существенных нарушений концессионера упоминает услуги первичной

медико-санитарной помощи, которых предмет соглашения не содержит, и этот след типовой формы показывает, что разделы об ответственности и расторжении повторяют общий шаблон концессии.

Повторяемость конструкции

Ульяновский проект показывает, что конструкция воспроизводима в другом субъекте федерации при том же составе участников. Совещание 15.03.2016 собрало областное правительство, министерства здравоохранения и экономического развития, фонд страхования, центр партнёрства и инвестиционную группу вокруг замены двух аппаратов установкой той же технологии, что и в Казани. Центр открылся в 2018 году, годом позже казанского центра, запущенного в 2017 году. Документов о конструкции ульяновской сделки в распоряжении нет, поэтому утверждать можно тождество исходной постановки и состава сторон, тождество же условий двух соглашений остаётся недоказанным.

Литература по управлению партнёрствами в здравоохранении фиксирует, что даже успешные проекты сталкиваются с проблемами управления на стороне публичного партнёра [21, с. 93]. Обе сделки собрались вокруг имущественного органа и фонда страхования, а слабые места обеих находятся вне их контроля. Систематические обзоры отмечают, что авторы чаще объявляют распределение рисков признаком партнёрства, чем разбирают его по конкретным контрактам [22, с. 236], и разбор двух региональных соглашений закрывает часть этого пробела.

Заключение

Разбор проекта концессионного соглашения по казанскому проекту и документов ульяновского проекта даёт четыре вывода. Во-первых, конструкция воспроизводима благодаря квалификации оснащения помещения тяжёлой установкой как реконструкции объекта недвижимости: помещение внутри действующего диспансера принадлежит субъекту федерации, имущественный орган передаёт его во владение и пользование на десять лет, а концессионер вкладывает не менее 318 млн рублей. Во-вторых, устойчивость схемы для инвестора держится на двух отдельных контурах возврата вложений: капитальный контур возвращает 318 млн рублей из регионального бюджета по графику при любой загрузке, операционный контур оплачивает каждый пролеченный случай в размере 24,3 процента тарифа третьего уровня через контракт с диспансером, а нулевая концессионная плата входит в эту устойчивость как необходимое условие. В-третьих, публичная сторона получает установку и реконструированное помещение без разовой капитальной нагрузки и через десять лет становится собственником оборудования ценой десятилетнего бюджетного обязательства. В-четвёртых, соглашение распределяет риски первого этапа, гибели объекта и передачи помещения, даёт только процедуру изменения условий для риска смены законодательства и досрочного расторжения и оставляет без распределения тарифный, бюджетный, валютный риски и риск морального старения, а риск потока пациентов несёт сторона, не управляющая его источником.

Источники ограничивают разбор: одна доступная редакция проекта соглашения с незаполненными реквизитами, плановые значения всех количественных параметров, отсутствие данных о работе центров после запуска и документов о конструкции ульяновской сделки. Типовую форму концессии для тяжёлого медицинского оборудования стоит дополнить положениями о компенсации при досрочном прекращении, об индексации операционной оплаты при изменении тарифа и о критериях состояния оборудования при его возврате. Разбор относится к сделкам 2016–2018 годов и выходит в год истечения казанского соглашения, поэтому его выводы соотнесены с состоянием вопроса на 2026 год: литература последних лет сместила спор о партнёрствах от их пользы к условиям их работы, и выявленные здесь нераспределённые риски входят в число таких условий.

Конфликт интересов

Автор в период, к которому относится опорный кейс, занимал должность в компании-производителе и в том числе отвечал за разработку стратегии вывода продуктов компании на развивающиеся рынки. Этим объясняется доступ к проектной и другой релевантной документации, положенной в основу кейса и этим же задаётся возможное смещение оценок. Для его ограничения приняты три меры. Числовые утверждения о состоянии рынка и о клинических исходах опираются на независимые опубликованные источники, а показатели, восстановленные из внутренней проектной документации помечены в тексте как оценка и как параметры программы и в качестве установленных фактов не подаются. Товарные знаки заменены родовыми терминами. Плановые и договорные показатели проекта отделены от установленных фактов и как результаты не подаются. Финансирования, связанного с подготовкой статьи, автор не получал.

Литература

1. Григорьева Н.С., Соболев С.А. Государственно-частное партнерство в здравоохранении: пример города Москвы // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 3. С. 327-338. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.3.3.
2. Куделина О.В., Еремина С.Л. Эффективность регионального здравоохранения // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 1. С. 211-225. DOI 10.17059/2016-1-16.
3. Лайченкова Н.Н., Нефедова С.А. Проблемы становления института государственно-частного партнерства в системе здравоохранения Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 118-125.
4. Состояние онкологической помощи населению России в 2016 году / под ред. А.Д. Каприна, В.В. Старинского, Г.В. Петровой. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена, филиал ФГБУ «НМИРЦ» Минздрава России, 2017. 236 с.
5. Abdel-Wahab M., Gondhowiardjo S.S., Rosa A.A. et al. Global radiotherapy: current status and future directions. White paper // JCO Global Oncology. 2021. Vol. 7. P. 827-842. DOI 10.1200/GO.21.00029.
6. Atun R., Jaffray D.A., Barton M.B. et al. Expanding global access to radiotherapy // The Lancet Oncology. 2015. Vol. 16, № 10. P. 1153-1186. DOI 10.1016/S1470-2045(15)00222-3.
7. Basabih M., Prasajo E., Rahayu A.Y.S. Hospital services under public-private partnerships, outcomes and challenges: a literature review // Journal of Public Health Research. 2022. Vol. 11, № 3. 22799036221115781. DOI 10.1177/22799036221115781.

8. Carbonara N., Costantino N., Pellegrino R. Concession period for PPPs: a win-win model for a fair risk sharing // *International Journal of Project Management*. 2014. Vol. 32, № 7. P. 1223-1232. DOI 10.1016/j.ijproman.2014.01.007.
9. Casady C.B., Eriksson K., Levitt R.E., Scott W.R. (Re)defining public-private partnerships (PPPs) in the new public governance (NPG) paradigm: an institutional maturity perspective // *Public Management Review*. 2020. Vol. 22, № 2. P. 161-183. DOI 10.1080/14719037.2019.1577909.
10. Castelblanco G., De Marco A., Casady C.B. A system dynamics approach to concession period optimization in public-private partnerships (PPPs) // *Public Works Management & Policy*. 2025. Vol. 30, № 3. P. 292-325. DOI 10.1177/1087724X251314427.
11. Dunscombe P., Grau C., Defourny N. et al. Guidelines for equipment and staffing of radiotherapy facilities in the European countries: final results of the ESTRO-HERO survey // *Radiotherapy and Oncology*. 2014. Vol. 112, № 2. P. 165-177. DOI 10.1016/j.radonc.2014.08.032.
12. Ferreira D.C., Marques R.C. Public-private partnerships in health care services: do they outperform public hospitals regarding quality and access? Evidence from Portugal // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2021. Vol. 73. 100798. DOI 10.1016/j.seps.2020.100798.
13. Grau C., Defourny N., Malicki J. et al. Radiotherapy equipment and departments in the European countries: final results from the ESTRO-HERO survey // *Radiotherapy and Oncology*. 2014. Vol. 112, № 2. P. 155-164. DOI 10.1016/j.radonc.2014.08.029.
14. Hellowell M. Are public-private partnerships the future of healthcare delivery in sub-Saharan Africa? Lessons from Lesotho // *BMJ Global Health*. 2019. Vol. 4, № 2. e001217. DOI 10.1136/bmjgh-2018-001217.
15. Hodge G.A., Greve C. On public-private partnership performance: a contemporary review // *Public Works Management & Policy*. 2017. Vol. 22, № 1. P. 55-78. DOI 10.1177/1087724X16657830.
16. Iossa E., Martimort D. The simple microeconomics of public-private partnerships // *Journal of Public Economic Theory*. 2015. Vol. 17, № 1. P. 4-48. DOI 10.1111/jpet.12114.
17. Lievens Y., Borrás J.M., Grau C. Provision and use of radiotherapy in Europe // *Molecular Oncology*. 2020. Vol. 14, № 7. P. 1461-1469. DOI 10.1002/1878-0261.12690.
18. Lievens Y., Defourny N., Corral J. et al. How public health services pay for radiotherapy in Europe: an ESTRO-HERO analysis of reimbursement // *The Lancet Oncology*. 2020. Vol. 21, № 1. P. e42-e54. DOI 10.1016/S1470-2045(19)30794-6.
19. McIntosh N., Grabowski A., Jack B. et al. A public-private partnership improves clinical performance in a hospital network in Lesotho // *Health Affairs*. 2015. Vol. 34, № 6. P. 954-962. DOI 10.1377/hlthaff.2014.0945.
20. Roehrich J.K., Lewis M.A., George G. Are public-private partnerships a healthy option? A systematic literature review // *Social Science & Medicine*. 2014. Vol. 113. P. 110-119. DOI 10.1016/j.socscimed.2014.03.037.
21. Torchia M., Calabrò A. Increasing the governance standards of public-private partnerships in healthcare. Evidence from Italy // *Public Organization Review*. 2018. Vol. 18, № 1. P. 93-110. DOI 10.1007/s11115-016-0363-1.
22. Torchia M., Calabrò A., Morner M. Public-private partnerships in the health care sector: a systematic review of the literature // *Public Management Review*. 2015. Vol. 17, № 2. P. 236-261. DOI 10.1080/14719037.2013.792380.
23. Vecchi V., Tanese A., Osborne S. Do public-private partnerships still have a future? // *Public Works Management & Policy*. 2022. Vol. 27, № 4. P. 337-341. DOI 10.1177/1087724X221088842.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ КРИПТОАКТИВОВ В КОНКУРСНУЮ МАССУ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** В статье исследуются проблемы включения криптовалюты в конкурсную массу должника в рамках конкурсного производства. Анализируется соотношение понятий «криптовалюта», «цифровая валюта» и «цифровые финансовые активы» по Федеральному закону № 259-ФЗ; обосновывается позиция, согласно которой криптовалюта является децентрализованной цифровой валютой, но не цифровым финансовым активом. На основе сравнения российской модели с подходами Франции и США предлагается заимствовать меры оперативного обеспечения сохранности актива и судебного контроля за оценкой его стоимости. Выделены ключевые проблемы – отсутствие государственного контроля над информационными системами, в которых создается криптовалюта, пробел в механизме обращения взыскания и сложность определения реальной стоимости актива – и предложены пути их решения: деанонимизация пользователей, уголовная ответственность по ст. 195 УК РФ, фиксация ценового диапазона продажи.*

***Ключевые слова:** криптовалюта, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, конкурсная масса, банкротство, обращение взыскания, оценка имущества.*

Актуальность работы

Правовое регулирование криптовалют в отечественном законодательстве началось с банкротной сферы, в целях которой криптовалюта признавалась имуществом. Согласно ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», «для целей настоящего Федерального закона цифровая валюта признается имуществом». К настоящему времени полноценного правового регулирования криптовалют и майнинга нет, однако в рамках процедур банкротства включение криптоактивов в состав конкурсной массы становится все более актуальным. Как в случае использования цифровых валют как средства обхода санкций, так и в случае невозможности иного вида расчетов (например, в долларах или евро) криптовалютные активы становятся все более востребованными, и, как следствие, их объем в России возрастает.

Зарубежный опыт

Такая процедура банкротства, как конкурсное производство, требует изучения и обобщения опыта других стран для имплементации иностранных механизмов в отечественное законодательство с целью закрытия правовых пробелов. Видится наиболее рациональным проводить анализ моделей оценки и продажи криптовалют в процессе конкурсного производства в России в сравнении с Францией (как представителем продолжниковской модели и континентального права) и США (как правопорядком, в котором ликвидационная процедура имеет прокредиторскую направленность и базируется на англосаксонском праве). Российская модель оценки и продажи криптовалют в конкурсном производстве может взять лучшее от американского и французского подходов: 1) необходимость быстрого реагирования по применению мер

сохранности активов (в максимально краткие сроки после обнаружения криптовалюты у должника перевести ее на счет арбитражного управляющего в целях сохранности); 2) вмешательство суда в процедуру оценки стоимости актива (одобренное собранием кредиторов заключение специалиста-оценщика передается в суд для судебного разрешения выставления заявки на криптоторгах с определенным ценовым диапазоном).

Основные понятия

Среди активов конкурсной массы, то есть имущества, предназначенного для расчетов с кредиторами, выделяется несколько элементов: вещи, имущественные и цифровые права. В доктрине выделяют такие цифровые активы, как токены и криптовалюты, контент, big data, доменные имена и аккаунты, а также виртуальное игровое имущество (имеющее реальную или потенциальную стоимость).

Криптовалюта

Ее правовое регулирование в современном законодательстве отсутствует. В целом правовой режим криптовалют значительно различается в разных странах. Наш же законодатель пока что колеблется и оставляет вопросы майнинга и трейдинга криптовалют в серой зоне. Однако если ориентироваться на доктринальные наработки как в юриспруденции, так и в экономике, то можно выявить следующее.

Криптовалюта представляет собой особый высокорисковый финансовый инструмент, который в целях банкротства и налогообложения признается имуществом и не является платежным средством. В сущности, криптовалюта – это цифровая валюта. Вопрос же соотношения ЦФА и цифровой валюты достаточно обширен, дискуссия многогранна, но в рамках данного исследования я придерживалась позиции, что криптовалюта – это цифровая валюта, но не ЦФА.

Криптовалюта – ЦФА или цифровая валюта?

Федеральный закон № 259-ФЗ не дает четкого разграничения между такими категориями, как криптовалюта, цифровая валюта и цифровые финансовые активы, ввиду чего необходимо проанализировать их соотношение. К цифровой валюте относятся следующие категории: несколько видов токенов, криптовалюта и NFT. Однако важно, что эти категории могут существовать как в виде централизованных цифровых валют (например, utility-, security- и asset-backed токены – служебно-игровые, инвестиционные и сырьевые соответственно), так и в виде децентрализованных цифровых валют (к примеру, криптовалюта и невзаимозаменяемый блокчейн-токен (NFT)). Следовательно, модель цифровой валюты – это категория, включающая в себя как централизованные, так и децентрализованные электронные данные.

Сущностно ЦФА и цифровая валюта – это две модели имущества в электронной форме, созданные с использованием шифровальных средств и основанные на криптографических алгоритмах ведения реестра. Криптовалюта системно относится к децентрализованным видам цифровых валют.

Проблемы и пути их решения

Первая проблема – отсутствие контроля со стороны государства за информационной системой, в которой создаются криптовалюты.

Вторая проблема включения криптовалюты в конкурсную массу – пробел в правовом механизме обращения взыскания на криптовалюту.

Третья проблема включения криптовалют в конкурсную массу должника – трудности определения реальной стоимости актива.

Решения обозначенных проблем видятся следующие:

1. Деанонимизация пользователей кастодиальных систем производится в административном порядке при помощи кастодиана. Для некастодиальных кошельков данный механизм усложнен, однако не является невыполнимым: деанонимизация пользователей должна производиться в судебном порядке установления фактов посредством отслеживания переводов криптовалют в фиатные деньги или стейблкоины.

2. Возможность привлечения к уголовной ответственности за сокрытие имущества (криптовалют) в соответствии с ч. 1 ст. 195 УК РФ.

3. Преодоление высокой волатильности либо путем фиксации заявки на продажу по минимальной стоимости, либо путем выбора среднего ценового диапазона продажи актива с отклонением в 5% по решению кредиторов.

Литература

1. Бехметьев А. Судья Арбитражного суда г. Москвы отказала во взыскании криптовалюты у должника // Административное право. 2018. № 1. С. 57-58.

2. Морхат П.М. Криптовалюта в конкурсной массе должника-банкрота // Закон и право. 2019. № 4. С. 19-22.

3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

5. Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru>.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ В РОССИИ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена институту личного фонда, введенному в Гражданский кодекс РФ с 1 марта 2022 г. Рассматриваются цели создания личных фондов – консолидация имущества, управление благосостоянием и передача активов следующим поколениям, – а также зарубежные аналоги: фонд (Stiftung) в германском праве и английский траст. Анализируются проблемные положения действующего регулирования: необоснованная дифференциация требований к стоимости вносимого имущества для личных и наследственных фондов, соотношение устава и условий управления личным фондом, неопределенность формулировки п. 3 ст. 123.20-7 ГК РФ о создании высшего коллегиального органа и попечительского совета, запрет выгодоприобретателю наследственного фонда занимать должности в исполнительных органах, закрытый перечень оснований ликвидации фонда. Делается вывод о необходимости доработки законодательства, чтобы личные фонды стали реальной альтернативой иностранным фондам и трастам.*

***Ключевые слова:** личный фонд, наследственный фонд, траст, Stiftung, управление благосостоянием, выгодоприобретатель, органы управления фонда.*

С 1 марта 2022 г. вступил в силу закон, в соответствии с которым стало возможным создание личных фондов. Важным отличием от уже существовавшего в ГК РФ института наследственного фонда стала возможность учредителя еще при жизни увидеть, как функционирует модель управления его активами. Наследственный фонд превратился в вид личного фонда. Любопытно, что в отличие от наследственного фонда для создания личного фонда требуется внести активы стоимостью не менее ста миллионов рублей. Неизвестно, чем вызвана такая дифференциация в правовом регулировании. Если законодатель хотел сделать фонды привилегией богатых, то необходимо было установить порог размера вносимых активов и для наследственных фондов.

Ключевой целью создания личных фондов является консолидация имущества для управления благосостоянием и передачи активов, имущества, имущественных прав, в том числе будущим поколениям. Передача бизнеса находящемуся под профессиональным управлением личному фонду, в котором родственники являются лишь выгодоприобретателями, потенциально позволяет избежать «растаскивания» активов наследниками, а также разрушения семейного бизнеса в результате управления им бесталанными потомками основателя. На данный момент в России зарегистрировано чуть более 10 личных фондов, среди которых, например, Личный фонд Арушанова Хачатура Ренуаровича, Личный фонд «Фонд семьи Ахмеровых», Личный фонд Мгера Аветисяна.

Фонды широко распространены в европейских странах. В германской доктрине под фондом (rechtsfähige, selbstständige Stiftung) по смыслу § 80 BGB понимается правоспособная организация, которая преследует определенную, установленную посредством учредительной сделки цель с помощью навсегда

посвященного ей имущества [1, с. 209]. Ряд авторов также добавляют в определение указание на отсутствие персонального субстрата, то есть на то, что фонд не представляет собой союз лиц и не основан на союзе лиц [4].

В европейском праве фонд является приблизительным аналогом английского траста. Как и в трасте, руководство фонда обязано управлять имуществом фонда так, как определил учредитель. С.Л. Будылин и Е.Ю. Петров отмечают, что важнейшая разница состоит в том, что фонд, в отличие от траста, является отдельным юридическим лицом, на имя которого оформляется имущество [2, с. 656].

Основным учредительным документом личного фонда является устав, подлежащий нотариальному удостоверению. Учредитель фонда может дополнительно утвердить условия управления личным фондом, также подлежащие нотариальному удостоверению, а также иные внутренние документы. Тем не менее возникает правовая неопределенность в случае противоречия устава условиям управления личным фондом. По моему мнению, данный вопрос имеет схожую природу с проблемой соотношения устава и корпоративного договора в хозяйственных обществах [3, с. 14-23]. Так как учредитель личного фонда может быть только один (за исключением совместного учреждения фонда супругами), логичным представляется, что условия управления будут иметь приоритет над уставом в случае их противоречия друг другу.

Личному фонду свойственна максимально гибкая структура органов управления. При желании учредитель может предусмотреть помимо единоличного исполнительного органа (далее – ЕИО) коллегиальный исполнительный орган, надзорный орган, высший коллегиальный орган и попечительский совет. Кроме того, учредителю предоставляется возможность самому определить в уставе и условиях управления полномочия органов управления.

Обратимся к п. 3 ст. 123.20-7 ГК РФ: «в случаях, предусмотренных уставом личного фонда, в нем создаются высший коллегиальный орган и попечительский совет». Почему законодатель использует в этом пункте союз «и», а не «и (или)»? Значит ли это, что в личном фонде учредитель не может создать один из этих органов, не создавая другой? Если ответ на предыдущий вопрос утвердительный, то зачем вообще нужно такое ограничение? Подобная правовая неопределенность, конечно, может быть вызвана неточностью законодательной техники. На мой взгляд, данный пункт ГК РФ нуждается в соответствующей корректировке.

Еще один интересный вопрос возникает в связи с п. 2 ст. 123.20-7 ГК РФ. В наследственных фондах установлен запрет выгодоприобретателю быть ЕИО или членом коллегиального исполнительного органа. При этом в прижизненных фондах такого запрета нет. Трастовое право стран общего права (common law) также не знает подобного ограничительного положения [2, с. 656]. Кроме того, остается непонятным, должен ли выгодоприобретатель личного фонда, занимающий должность ЕИО, покинуть должность в случае смерти учредителя. Таким образом, подобное ограничение для наследственных фондов с трудом можно назвать обоснованным.

Обратим внимание также на основания для ликвидации личных фондов. Пункт 11 ст. 123.20-4 ГК РФ содержит *numerus clausus* таких оснований. Отметим, что в Англии бенефициары траста могут своим решением (если все они дееспособны и все голосуют «за») прекратить траст и получить его имущество в собственность [2, с. 656]. В нашем правовом порядке такого права выгодоприобретателям почему-то не предоставлено, что, на мой взгляд, не соответствует экономической цели личных фондов.

В заключение стоит отметить, что институт личных фондов соответствует международной практике. Появление данного института в нашем правовом порядке вызвано объективной потребностью в сохранении и рациональном использовании заработанных гражданами активов. Однако законодательная основа конструкции, внесенная в ГК РФ, содержит ряд сомнительных и недоработанных положений, обозначенных выше. Если целью законодателя было добиться, чтобы граждане вместо открытия фондов и трастов в иностранных юрисдикциях открывали личные фонды в России, то законодателю необходимо минимизировать недостатки правового регулирования.

Литература

1. Заикин Д.П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. М., 2021. С. 209.
2. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, Е.В. Кожина и др.; отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. С. 656.
3. Шиткина И.С. Уставы российских хозяйственных обществ: какими им быть? // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 14-23.
4. Schmidt K. Gesellschaftsrecht. 4., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Köln; Berlin; Bonn; München: Heymanns, 2002. S. 173; Staudinger/Hüttemann/Rawert (2017) Vorbem zu §§ 80 ff. Rn. 1.

БАНКОВСКИЕ ЭКОСИСТЕМЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена перспективам правового регулирования банковских экосистем, возникающих в результате стремления банков расширить спектр услуг и конкурировать с крупными технологическими компаниями. Отмечаются отсутствие правового регулирования экосистем и риски, которые их неконтролируемое развитие создает для банков и финансовой стабильности. Анализируются доктринальные подходы к пониманию банковской экосистемы и модели участия в ней банков; предлагается легальное определение банковской экосистемы как совокупности сервисов, создаваемых под общим брендом кредитной организации во взаимодействии с ее партнерами и (или) дочерними организациями. Основным инструментом регулирования признаются меры пруденциального регулирования и надзора; положительно оценивается предложенный Банком России риск-чувствительный лимит вложений в иммобилизованные активы. В качестве дополнительных направлений предлагаются поведенческий надзор и антимонопольное регулирование.*

***Ключевые слова:** банковская экосистема, цифровая платформа, пруденциальное регулирование, иммобилизованные активы, риск-чувствительный лимит, поведенческий надзор, антимонопольное регулирование.*

Одной из тенденций развития финансового рынка является стремление к созданию экосистем [3, с. 7]. Банки вынуждены переосмыслить свою стратегию развития, поскольку традиционный банкинг не может обеспечить им необходимый уровень прибыльности и возникает необходимость конкуренции с крупными технологическими компаниями, выходящими на рынок финансовых услуг.

В настоящее время правовое регулирование деятельности банковских экосистем отсутствует. Потребность в его разработке объясняется тем, что при экосистемной бизнес-модели происходит размытие отраслевых границ между финансовыми организациями и нефинансовым сектором, а влияние банковских экосистем распространяется далеко за пределы деятельности их участников. Неконтролируемое развитие экосистем на базе банков может привести к реализации ряда рисков как для самих банков, так и для финансовой стабильности в целом.

На данный момент не сложилось единого понимания сущности банковской экосистемы, и на доктринальном уровне выделяются различные ключевые характеристики данного явления. Общая концепция создания банковских экосистем заключается в расширении спектра традиционных банковских услуг за счет иных комплементарных сервисов, в том числе нефинансовых, которые предоставляются в рамках бесшовного процесса на базе единой цифровой платформы. Эффективность функционирования экосистемы обеспечивается за счет общего бренда банка, который выступает инструментом повышения доверия и лояльности ко всем участникам экосистемы [2, с. 34-40].

Существуют три модели участия банков в экосистемах: 1) внедрение банка в экосистему, созданную на базе технологической компании; 2) партнерство банка со сторонними организациями; 3) создание собственной диверсифицированной экосистемы, ядром которой является банковская группа [5, с. 26]. Таким образом, банковская экосистема является комплексным явлением, сочетающим в себе как институциональную составляющую (холдинговое образование), так и функциональные свойства (совокупность сервисов на единой цифровой платформе) [1, с. 615].

В условиях размытости границ экосистем закрепление легального определения банковской экосистемы становится обязательным условием дальнейшей разработки правового регулирования данного явления. В отсутствие установленного круга адресатов правовые нормы не смогут полноценно функционировать как в части предъявления требований к деятельности банков, так и в части привлечения их к ответственности за выявленные нарушения. С учетом позиции регулятора и доктринальных исследований [4, с. 46-54] представляется возможным предложить следующее определение: банковская экосистема – это совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, создаваемых под общим брендом кредитной организации во взаимодействии с ее партнерами и (или) дочерними организациями и позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса.

Основным инструментом правового регулирования деятельности банковских экосистем должны стать средства пруденциального регулирования и надзора, направленные на минимизацию рисков, возникающих в деятельности банков. Предложенное Банком России регулирование (повышенные требования к раскрытию банками отчетности об их вложениях в нефинансовый бизнес, расширение системы управления рисками и капиталом, повышенные надбавки к достаточности капитала) [5, с. 21-22] представляется последовательным развитием действующего регулирования в части выдвижения дополнительных требований к банкам, участвующим в экосистемах, и ориентирует их на ответственное управление своими активами и выбор менее рискованных моделей построения экосистем.

Отдельным направлением регулирования банковских экосистем должно стать регулирование рисков, связанных с иммобилизованными активами (далее – ИА), которые являются ключевыми для экосистем. К таким активам относятся непрофильные вложения банков (например, инвестиции в недвижимость), которые не создают требований по возврату денежных средств и иммобилизуют капитал банка. Для регулирования этого вида риска Банком России предложен механизм риск-чувствительного лимита (далее – РЧЛ), при превышении которого ИА должны полностью покрываться средствами капитала банка [5, с. 12-18].

В целом стоит дать положительную оценку разработанному механизму РЧЛ, поскольку он поддерживает баланс между превенцией избыточных вложений банков в непрофильные активы и свободным развитием банковских экосистем. Кроме того, иммобилизационные группы РЧЛ учитывают разный

уровень рискованности активов, а предложенная для них дифференциация коэффициентов дает банкам время оптимизировать структуру ИА. Представляется целесообразным продолжить калибровку лимита в условиях диалога с представителями банковского сообщества и при необходимости корректировать его отдельные положения.

Комплементарным дополнением к мерам пруденциального регулирования и надзора могли бы стать смежные сферы регулирования, предметом которых являются недобросовестные практики в деятельности банковских экосистем. Во-первых, поведенческий надзор Банка России необходим для предотвращения нарушений прав потребителей финансовых услуг, в том числе в результате мисселинга и навязывания услуг участниками экосистем. Во-вторых, следует применять меры антимонопольного регулирования для недопущения монополистической деятельности экосистем в форме злоупотребления доминирующим положением с использованием цифровых платформ и заключения антиконкурентных соглашений. В совокупности указанные меры могли бы стать основой эффективного и всестороннего правового регулирования банковских экосистем, учитывающего все потенциальные риски их деятельности.

Литература

1. Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2025. Т. VI. 698 с.
2. Михеева И.Е. Использование «бренда» кредитной организации в деятельности банковских экосистем // Банковское право. 2023. № 4. С. 34-40.
3. Попондопуло В.Ф., Петров Д.А., Силина Е.В. Проблемы правовой защиты экономической конкуренции в условиях цифровизации экономики // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 7-11.
4. Узденов Ш.Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. 2022. № 3. С. 46-54.
5. Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы: доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

В ОЖИДАНИИ УПРАЗДНЕНИЯ ДОГОВОРНОЙ ПОДСУДНОСТИ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена законодательной инициативе Верховного Суда РФ об упразднении договорной подсудности в гражданском и арбитражном процессе. Автор критически оценивает обоснование инициативы – выравнивание судебной нагрузки, предотвращение споров о подсудности и защиту «слабой» стороны – и указывает, что договорная подсудность направлена на защиту частного интереса и повышение доступности правосудия. Сопоставляются материально-правовой и процессуально-правовой подходы к природе соглашения о подсудности; анализируются практика арбитражных судов Московского округа до 2017 года, ограничивавшая выбор суда территориальными привязками, позиция Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, признавшей за сторонами право выбрать любой удобный суд, а также практика судов общей юрисдикции. В качестве альтернативы упразднению предлагается ограничить договорную подсудность территориальными привязками, связанными со спорным правоотношением, сохранив диспозитивное право сторон выбирать компетентный суд в пределах, дозволенных законом.*

***Ключевые слова:** договорная подсудность, соглашение о подсудности, пророгационное соглашение, территориальная подсудность, судебная нагрузка, доступ к правосудию, гражданский и арбитражный процесс.*

Верховный Суд РФ в очередной раз [1] выступил с предложением упразднить договорную подсудность в гражданском и арбитражном судопроизводстве; по мысли высшей судебной инстанции, это непременно должно открыть гражданам доступ к судебной защите [8]. Обоснование законодательной инициативы выглядит малоубедительно: выравнивание судебной нагрузки, предотвращение споров относительно подсудности конкретного дела между участниками правоотношений, а применительно к гражданскому судопроизводству также реализация социальной направленности российского правосудия, а именно защита прав «слабой» стороны договорных отношений, не имевшей фактической возможности принять участие в формировании условий договора о территориальной подсудности. Вместе с тем нормы о договорной подсудности направлены на защиту частного интереса, на минимизацию затрат сторон, создание для них оптимальных условий рассмотрения спора. Цель договорной подсудности – сделать судебный порядок защиты права более удобным и доступным для граждан и организаций.

Возможен ли альтернативный вариант решения вышеуказанных проблем?

Согласно ст. 32 ГПК РФ и ст. 37 АПК РФ стороны вправе по своему соглашению изменять только общую территориальную и альтернативную подсудность. На первый взгляд в рассматриваемых статьях нет указания на какие-либо критерии (пределы), ограничивающие волеизъявление сторон в отношении территории суда. Если исходить из материально-правовой природы соглашения о подсудности, выбор суда будет зависеть исключительно от

волеизъявления сторон. Напротив, процессуально-правовой взгляд на природу соглашения не предоставляет сторонам абсолютной свободы воли. Нужно учитывать присущий процессуальному праву императивно-диспозитивный метод правового регулирования, предполагающий свободу в определенных законом границах. Общее правило подсудности гласит: дело рассматривается по месту ответчика. С учетом того, что в спорном правоотношении всего два участника с противоположными интересами – истец и ответчик, – изменить общее правило можно только «между» этими лицами, исходя из их места жительства (адреса). Аналогично и в альтернативной подсудности: диапазон изменений ограничен либо территорией ответчика, либо территорией истца, либо иной предусмотренной соответствующей статьей территориальной привязкой, как-то: место нахождения имущества, место причинения вреда, место исполнения договора и др.

Именно такой логике до 2017 года следовали Девятый арбитражный апелляционный суд и Арбитражный суд Московского округа, наиболее остро столкнувшиеся с проблемой неравномерного распределения судебной нагрузки: «Стороны, будучи наделены процессуальным законодательством правом по соглашению изменить подсудность... не вправе относить спор к подсудности того или иного индивидуально-определенного суда в системе судов Российской Федерации безотносительно к месту нахождения/жительства истца или ответчика, месту нахождения имущества, месту причинения вреда, месту исполнения договора, иным критериям, определяемым родовыми признаками с учетом характера сложившихся правоотношений сторон» [2, 3, 4]. Однако предложенная конструкция подверглась критике в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.05.2017 № 305-ЭС16-20255, в котором указано, что процессуальным законодательством установлен запрет на изменение по соглашению сторон только родовой и исключительной территориальной подсудности. Родовые привязки спора к территории предусмотрены АПК РФ только для альтернативной подсудности. Договорная же подсудность предоставляет сторонам право по своему усмотрению определить любой наиболее удобный суд. В настоящее время Арбитражный суд Московского округа следует правовой позиции, изложенной в указанном определении [5]. Вместе с тем в практике судов общей юрисдикции г. Москвы и Московской области по-прежнему можно встретить концепцию ограничения договорной подсудности родовыми критериями [6, 7].

Отход от понимания договорной подсудности как пророгационного соглашения (права выбора любого наиболее удобного суда) позволит решить проблему необоснованного возрастания нагрузки на суды г. Москвы, Московской области и ряда других регионов РФ при сохранении диспозитивного права сторон определять по взаимному согласию в пределах, дозволенных законом, компетентный суд.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс

Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»».

2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2016 № Ф05-20347/2015 по делу № А40-200142/14.

3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.03.2016 № Ф05-3433/2016 по делу № А40-146576/2015.

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.06.2016 № Ф05-6771/2016 по делу № А40-92186/2015.

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.08.2020 № Ф05-11152/2020 по делу № А40-214688/2019.

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.05.2022 № 88-9228/2022.

7. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31.03.2022 № 88-8336/2022.

8. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева по итогам 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.supcourt.ru/files/32123/>

ДОКАЗЫВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФАКТОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ДОКТРИНА И НОВЕЙШАЯ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме доказывания отрицательных фактов в гражданском и арбитражном процессе. Рассматриваются истоки правила о недоказуемости отрицательных фактов в максимах римского права, а также его восприятие дореволюционной и советской процессуальной доктриной. На основе анализа актов Верховного Суда РФ, судов кассационной и апелляционной инстанций выявлены два подхода: преобладающий тезис о недопустимости доказывания отрицательного факта и позиция так называемой трансформации, при которой бремя доказывания переходит на процессуального оппонента, обязанного доказать положительный факт. Выделены способы доказывания отрицательных фактов, формирующиеся в практике: доказывание алиби, использование прямых и косвенных доказательств. Сделан вывод о необходимости теоретического обоснования принципиальной возможности доказывания отрицательных фактов.*

***Ключевые слова:** отрицательные факты, доказывание, бремя доказывания, распределение бремени доказывания, цивилистический процесс, судебная практика.*

Проблема доказывания отрицательных фактов является одной из наиболее неоднозначных и обсуждаемых в цивилистическом процессе. Неоднозначность вопроса связана с тем, что долгое время исключалась даже возможность доказывания отрицательных фактов. Обратимся к некоторым максимах римского права: «*ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat*» (тот должен доказать, кто утверждает, а не отрицает), «*factum negantis nulla probatio*» (отрицание фактов не требует доказательств) [4, с. 145]. Подобный подход существовал и в дореволюционном, и в советском процессуальном праве, что объяснялось прежде всего невозможностью доказывания отрицательных фактов, их неопределенным характером [1]. Однако в современной судебной практике вопрос о доказывании отрицательных фактов решается не столь однозначно.

Для начала определим, что понимается под отрицательными фактами в цивилистическом процессе. Так, исходя из классификации по критерию отношения к реальной действительности, факты, подлежащие доказыванию, делятся на положительные и отрицательные. Положительные факты – это то, что было или есть в исследуемых судом правоотношениях. Например, к ним относятся такие факты, как реальное причинение вреда, наличие договора и др. Отрицательные же факты – это отсутствие явлений реальной действительности, несовершение действий, неисполнение обязательств [2]. То есть такие факты указывают на то, чего нет или не было в реальной действительности. Этими обстоятельствами и объясняются определенные трудности в доказывании отрицательных фактов: как доказать то, чего не было?

Судебная практика по данному вопросу неоднозначна. В судебных актах зачастую указывается на недопустимость доказывания отрицательных фактов.

Так, Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) указывает на это как в своих обзорах судебной практики (например, в п. 10 Обзора № 1 (2016), п. 32 Обзора № 3 (2017) и др.), так и в актах по конкретным делам (например, в определении ВС РФ от 29.10.2018 № 308-ЭС18-9470, № 308-ЭС17-12100 и др.). Подобная позиция содержится и во многих актах судов кассационной и апелляционной инстанций (например, см. определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2022 по делу № 88-22954/2022, апелляционное определение Московского городского суда от 10.08.2021 по делу № 33-28639/2021, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-10193/2018-ГК по делу № А40-157398/20 и др.). Из анализа приведенной судебной практики следует единообразный вывод, что доказывание отрицательных фактов обычно не допускается.

Вместе с тем некоторые ученые отмечают, что отрицательные факты доказывать можно, но в некоторых случаях это представляется затруднительным [3, с. 1027; 5; 6]. В связи с этим представляется необходимым исследовать иной аспект анализируемой проблемы.

В отдельных судебных актах содержится правовая позиция так называемой трансформации, согласно которой приводимый истцом отрицательный факт трансформируется в положительный для ответчика. Эта позиция отражена, в частности, в следующих судебных актах: определение ВС РФ от 10.07.2017 № 305-ЭС17-4211 по делу № А40-11314/2015, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.03.2018 № Ф03-532/2018 по делу № А59-834/2017 и др. Таким образом, несмотря на устоявшееся в доктрине и наиболее распространенное в судебной практике положение о недопустимости доказывания отрицательного факта, отдельные суды такую возможность допускают, полагая, что доказывание отрицательных фактов переносится на судебного противника стороны, заявившей об отрицательном факте.

Выводы о возложении бремени опровержения отрицательного факта путем доказывания положительного факта на процессуального оппонента лица, заявляющего об отрицательном факте, содержатся в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.11.2021 по делу № А56-17298/2020, решении Бийского городского суда Алтайского края от 15.09.2020 по делу № 2-1383/2020 и др. Таким образом, процессуальный оппонент стороны, заявившей об отрицательном факте, должен доказать существование положительного факта, из которого можно сделать вывод о наличии отрицательного факта.

Более того, доказывание отрицательных фактов, кроме возложения бремени доказывания на процессуального оппонента лица, заявляющего об отрицательном факте, в современной действительности может осуществляться и иными способами. К примеру, отрицательный факт можно доказать через доказательство алиби (например, предъявление доказательства нахождения лица в другом регионе страны в момент «подписания» документа вместо ходатайства о проведении почерковедческой экспертизы). Помимо этого, можно представить прямые доказательства отрицательного факта, что обусловлено спецификой определенных категорий дел (например, с помощью выписок из

соответствующих источников можно подтвердить непоступление денежных средств на конкретный банковский счет [7] и др.). Также при доказывании отрицательного факта можно сослаться на косвенные доказательства этого факта (например, если оппонент не передал товар, можно представить документы о закупке аналогичного товара у другого поставщика). Таким образом, в судебной практике формируются различные способы доказывания отрицательных фактов.

Вывод

Несмотря на то, что долгое время ответ на вопрос о возможности доказывания отрицательных фактов был отрицательным, в настоящее время такая возможность допускается, однако лишь в судебной практике и лишь в определенных случаях. В этой связи существует необходимость дальнейшей теоретической разработки данной проблемы и обоснования принципиальной возможности доказывания отрицательных фактов в отечественной науке гражданского процессуального права.

Литература

1. Зайцев И., Фокина М. Отрицательные факты в гражданских делах // СПС «КонсультантПлюс».
2. Киминчижи Е. Нет смысла доказывать отрицательный факт // СПС «КонсультантПлюс».
3. Сарбаш С.В. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. С. 1027.
4. Словарь латинских крылатых слов и выражений / сост. В. Левинский, И. Смирнов. М., 2003. С. 145.
5. Чернокальцев Д. Доказать отрицательный факт // СПС «КонсультантПлюс».
6. Шитиков Д.А. Доказывание отрицательных фактов в гражданском и арбитражном процессах // СПС «КонсультантПлюс».
7. Нужно ли доказывать отрицательные факты // Юрист компании [Электронный журнал]. URL: <https://www.law.ru/article/21010-qqe-16-m9-13-09-2016-nujno-li-dokazyvat-otritsatelnye-fakty>.

ИНСТИТУТ МАТЕРИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена институту материальной консолидации (substantive consolidation) – объединению конкурсных масс нескольких юридических лиц, входящих в предпринимательскую группу, для проведения их совместного банкротства. Анализируется практика судов США, в которой сложился данный институт, и выделяются субъективные (ожидания кредиторов) и объективные (корпоративная структура, переплетение активов, смешение бизнес-функций) факторы, лежащие в основе решения о консолидации. Рассматриваются основные аргументы противников консолидации – противоречие принципам автономии и ограниченной ответственности юридического лица, нарушение ожиданий кредиторов и дискриминация отдельных кредиторов – и приводятся контраргументы. Обосновывается необходимость разработки критериев, позволяющих внедрить материальную консолидацию в российское право, с учетом сопряженных с ней рисков.*

***Ключевые слова:** материальная консолидация, консолидированное банкротство, предпринимательская группа, группа компаний, ограниченная ответственность, несостоятельность (банкротство), право США.*

Существенный удельный вес предпринимательских групп на рынке является характерной чертой экономик развитых государств. В настоящее время ограниченная ответственность юридического лица, являющаяся краеугольным принципом корпоративного права, вышла за рамки своей первоначальной задачи – оградить конечного инвестора от долгов предприятия. Ограниченная ответственность способствует приобретению крупными холдингами возможности предотвращать привлечение материнской компании (держателя основных активов) к ответственности с помощью искусственного дробления бизнеса на дочерние предприятия, обладающие корпоративной автономией лишь номинально. В контексте регулирования несостоятельности существование групп компаний поднимает вопрос о возможности внедрения правил об их консолидированном банкротстве.

Материальная консолидация (substantive consolidation) представляет собой объединение конкурсных масс нескольких юридических лиц и рассмотрение их в качестве единого предприятия в целях проведения их совместного банкротства [9, с. 208]. Допустимость применения данного института вызывает множество дискуссий, так как материальная консолидация противостоит принципам автономии и ограниченной ответственности юридического лица. Распространение данный институт получил в США, при этом материальная консолидация напрямую не урегулирована в Bankruptcy Code [2], а развивается в практике судов.

Анализ американской судебной практики позволяет сформировать представление об условиях применения данного института. На основании

обобщения основных судебных решений по рассматриваемой теме можно заключить, что ключевыми факторами, лежащими в основе решения о консолидации, являются:

1. Субъективные факторы (т. е. ожидания кредиторов, воспринимавших группу компаний в качестве единого экономического субъекта) [4].

2. Объективные факторы (корпоративная структура, степень переплетения активов внутри группы, смешение бизнес-функций компаний) [5, 6].

Решение о консолидации принимается, если ущерб от сегрегированного банкротства превысит ущерб отдельным кредиторам от консолидации, т. е. если разделение наносит значительный ущерб всем кредиторам ввиду смешения имущества компаний [3].

Рассматриваемый институт является спорным, что отмечалось и российскими специалистами при рассмотрении предложений о внесении изменений в законодательство о банкротстве в части внедрения консолидации (причем не только наиболее радикальной, материальной, ее формы, но и процессуальной консолидации). Аргументы противников сводятся преимущественно к следующим тезисам:

1. Консолидация противоречит принципам автономии, ограниченной ответственности и имущественной обособленности юридических лиц. В противовес данному тезису высказываются позиции о том, что распространение норм об ограниченной ответственности на корпоративные группы является «исторической случайностью» [7, с. 605], так как экономический анализ деятельности материнской и дочерних компаний часто приводит к выводу о том, что фактически они представляют единый сложноструктурированный бизнес (на такие случаи указывает и Верховный Суд РФ, установивший «крайнюю запутанность в делах компании», которая препятствует представлению участников группы в качестве самостоятельных коммерческих единиц [1]).

2. Нарушение ожиданий кредиторов, а также правовая неопределенность, возникающая вследствие того, что кредитор не может быть уверен, что его требование не консолидируют с требованиями иных кредиторов. Данный аргумент во многом входит в противоречие с экономическими реалиями: зачастую контрагент, вступающий в отношения с предпринимательской группой, полагается на платежеспособность всей группы, а не отдельных ее членов [8, с. 641]; следовательно, при материальной консолидации разумные ожидания кредиторов не нарушаются. Более того, как отмечалось ранее, суды обязаны учитывать субъективный фактор при принятии решения о консолидации.

3. Дискриминация отдельных кредиторов. После консолидации зачастую происходит ущемление прав одной группы кредиторов в пользу другой (более состоятельный должник вынужден «делиться» с менее состоятельными) [10, с. 87]. Однако в случаях, когда переплетение активов компаний настолько значительно, что обуславливает необходимость консолидированного банкротства, сегрегированное банкротство кратно увеличивает издержки (например, в части затрат на оспаривание сделок, совершенных между членами группы). Исключение сопутствующих раздельному банкротству

расходов приведет к увеличению размера удовлетворенных требований всех кредиторов.

Главными преимуществами консолидированного банкротства предпринимательской группы являются прекращение внутригрупповых обязательств и конвертация обязательств с множественностью должников в единое обязательство, что позволяет достичь справедливого распределения активов группы при удовлетворении требований кредиторов, а также уменьшение затрат, сопутствующих сегрегированному банкротству. В связи с этим можно сделать вывод о назревшей необходимости разработки критериев, позволяющих внедрить в российское право институт материальной консолидации в целях повышения эффективности процесса банкротства групп компаний. Однако применение данного института сопряжено с существенными рисками, которые необходимо тщательно анализировать при разработке законодательных основ консолидированного банкротства.

Литература

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.02.2022 № 305-ЭС21-14470 (1, 2) // СПС «КонсультантПлюс».
2. The Bankruptcy Code, Title 11 United States Code.
3. In re Owens Corning, 419 F.3d 195 (3d Cir. 2005).
4. In re Augie/Restivo Baking Co., 860 F.2d 515 (2d Cir. 1988).
5. In re Auto-Train Corp., 810 F.2d 270 (D.C. Cir. 1987).
6. In re Veeco Construction Industries, Inc., 4 B.R. 407 (Bankr. E.D. Va. 1980).
7. Blumberg P.I. Limited Liability and Corporate Groups // Journal of Corporation Law. 1986. Vol. 11. P. 573-631.
8. Landers J.M. A Unified Approach to Parent, Subsidiary, and Affiliate Questions in Bankruptcy // The University of Chicago Law Review. 1975. Vol. 42, No. 4. P. 589-652.
9. Gilbert J.S. Substantive Consolidation in Bankruptcy: A Primer // Vanderbilt Law Review. 1990. Vol. 43. P. 207.
10. Willett S. The Doctrine of Robin Hood – A Note on «Substantive Consolidation» // DePaul Business & Commercial Law Journal. 2005. Vol. 4. P. 87.

КАТЕГОРИЯ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В РАМКАХ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена категории непреодолимой силы применительно к институту несостоятельности (банкротства) в условиях экономических потрясений, происходящих с 2020 года. Рассматриваются нормативные акты чрезвычайного характера, принятые в 2022 году, включая указы Президента РФ, мораторий на возбуждение дел о банкротстве и законопроект о внешней администрации. На основе анализа судебной практики и доктрины автор приходит к выводу, что начало специальной военной операции не может рассматриваться как форс-мажор для компании, в отношении которой государство ее местонахождения не применяет санкционных мер, а ссылка на него при банкротстве свидетельствует о недобросовестности. Обосновывается разграничение экономического и геополитического банкротства; предлагается введение процедуры ускоренного банкротства или национализации в отношении иностранных компаний, покидающих российский рынок и оставляющих юридическое лицо с проблемной задолженностью и без ликвидного имущества.*

***Ключевые слова:** непреодолимая сила, форс-мажор, несостоятельность (банкротство), геополитическое банкротство, мораторий на банкротство, недобросовестность, иностранные компании.*

Настоящее исследование посвящено категории непреодолимой силы в рамках института несостоятельности (банкротства). Ввиду неординарности и непредсказуемости происходящих в мире с 2020 года и по настоящее время событий категория непреодолимой силы стала, пожалуй, одной из самых волнующих и актуальных как среди ученых-правоведов [6], так и в среде представителей судейского сообщества. Законодатель и другие правотворческие органы добавили в правоприменительную практику новые инструменты, позволяющие стабилизировать положение отечественных хозяйствующих субъектов на рынке и не позволить им разориться.

Конечно, без института банкротства в данном деле оказалось не обойтись, так как механизмы, находящиеся в его арсенале, преследуют не только цели защиты прав и законных интересов организации, ее кредиторов, работников, но и цели защиты национальных интересов России, обеспечения ее финансовой стабильности [1, 3].

В этой связи уже в апреле 2022 года в Государственную Думу был внесен законопроект № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией», а еще ранее появились указы Президента РФ от 28.02.2022 № 79, от 05.03.2022 № 95, от 08.03.2022 № 100 и другие, а также постановления Правительства РФ, наиболее известное из которых – от 28.03.2022 № 497 о моратории на возбуждение дел о банкротстве. На наш взгляд, указанные и аналогичные им нормативные акты являются правовыми актами чрезвычайного характера ввиду того, что приняты они были по причине того, что государство

стало участником специальной военной операции (далее – СВО), из-за чего резко изменилась экономическая обстановка в стране.

Таким образом, правовой материал, регулирующий отношения несостоятельности, расширился за счет экстраординарных правовых актов, применение которых, однозначно, должно носить умеренный и взвешенный характер.

Принято считать, что субъектам экономической деятельности (особенно тем, применительно к которым теперь говорят «юридическое лицо недружественной страны») пришлось действовать не иначе, как именно в обстоятельствах непреодолимой силы, когда все законные ожидания оказались тщетны, нормативное регулирование стало стремительно изменяться, а политические мотивы намекали на необходимость вывода бизнеса с территории Российской Федерации.

Между тем в рамках проведенной работы по анализу и обобщению судебной практики по делам о несостоятельности, а также по изучению точек зрения ученых в области гражданского права [2, с. 128-130; 4, с. 180-400; 5] автор работы пришел к противоположным выводам, а именно:

1. Начало СВО не должно рассматриваться как форс-мажорное обстоятельство в случае, когда государство, на территории которого находится компания, не предпринимает в отношении нее никаких санкционных мер и не препятствует ее дальнейшей работе. Поведение организации, обосновывающей свое банкротство начавшимися военными действиями, является недобросовестным и направленным на минимизацию затрат по выходу из российской экономики ввиду субъективных причин.

2. Категория непреодолимой силы в банкротстве в настоящее время носит не экономический, а геополитический характер. Объясняется это тем, что когда мы говорим об экономическом банкротстве, то в нем, с учетом российской ликвидационной направленности, как правило, не участвует профессиональный менеджмент, отсутствует полноценная дирекция и уже упущен шанс на финансовое оздоровление компании. А применительно к геополитическому банкротству речь идет о применении процедуры несостоятельности к финансово стабильному предприятию, которое покидает экономику не по причине своей экономической несостоятельности, а ввиду политической обстановки. И в данном случае мы не должны позволять геополитическому форс-мажору банкротить потенциально успешных хозяйствующих субъектов.

3. В то же время вполне логичным представляется введение процедуры ускоренного банкротства или национализации в отношении тех должников из числа иностранных компаний, которые намереваются вывести свой бизнес из России, оставив в отечественном экономическом пространстве юридическое лицо с проблемной задолженностью и без ликвидного имущества.

В дополнение ко всему вышесказанному стоит отметить, что категория непреодолимой силы является слабо изученным явлением именно применительно к институту несостоятельности (банкротства). Между тем в большей степени форс-мажорными обстоятельствами оправдывают свое поведение как зарубежные компании, уходящие из российской экономики посредством банкротства, так и Правительство России, осуществляющее меры по

вмешательству в деятельность частных субъектов для недопущения причинения ущерба финансовой стабильности государства.

Литература

1. Афанасьева Е.Г., Белицкая А.В., Вайпан В.А. и др. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019.
2. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 128-130.
3. Карелина С.А., Фролов И.В. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография. М.: Юстицинформ, 2022.
4. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности; Советское гражданское право. Т. 2 / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1969. С. 180-400.
5. Пергамент М.Я. Война и «непреодолимая сила». [СПб.]: Типография т-ва «Общественная польза», 1914.
6. Севастьянов Г.В. Арбитраж и судопроизводство в условиях пандемии: к теории «процессуального форс-мажора» // Закон. 2020. № 5.

ОБ УЧЁТЕ ПОЗИЦИИ ДОЛЖНИКА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КРЕДИТОРОМ СОРАЗМЕРНОГО УМЕНЬШЕНИЯ ЦЕНЫ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

Аннотация. В статье исследуются способы учёта интересов должника при реализации кредитором соразмерного уменьшения цены – средства защиты, которое как исторически, так и в современных правовых порядках ориентировано преимущественно на интересы кредитора. На основе сравнительно-правового анализа права Германии, Франции и Австрии, а также CISG и DCFR оцениваются два возможных механизма защиты должника. Первый – возможность должника ссылаться на обоюдную ошибку сторон относительно качества предоставления, чтобы добиться недействительности сделки; автор обосновывает недопустимость такого возражения, опираясь на конструкцию соглашения о качестве и на фигуру адаптации сделки, совершённой под влиянием заблуждения (п. 4 ст. 178 ГК РФ). Второй – право должника устранить недостатки до применения кредитором уменьшения цены. Выявив в российском законодательстве два противоположных решения этого вопроса, автор предлагает отдать приоритет подходу, закреплённому в п. 1 ст. 518 ГК РФ, как соответствующему позиции большинства европейских правовых порядков и принципу *favor contractus*.

Ключевые слова: соразмерное уменьшение цены; способы защиты прав; интересы должника; недостатки качества; обоюдная ошибка; заблуждение; адаптация сделки; право на устранение недостатков; *favor contractus*; сравнительное правоведение.

1. Ход двухтысячелетнего развития соразмерного уменьшения цены свидетельствует о направленности этого способа защиты преимущественно на учёт интересов кредитора:

(а) *actio quanti minoris* предоставляла покупателю раба или скота на рынке право вернуть часть цены при обнаружении скрытых физических недостатков независимо от знания продавца о них, что представляет собой отступление от максимы *caveat emptor* [10]; в современных правовых порядках уменьшение цены применяется и при наличии обстоятельств непреодолимой силы [4];

(б) пропорциональный способ расчёта позволяет игнорировать отсутствие у кредитора в некоторых ситуациях конкретных убытков, а также даёт ему преимущество в случае заключения им невыгодной сделки [4];

(в) односторонний характер реализации переносит на должника инициативу по оспариванию в судебном порядке результатов применения этого способа защиты [1];

(г) наконец, осуществляемая современными европейскими правовыми порядками генерализация этого средства защиты приводит к распространению благоприятного для кредитора режима на всё большие группы отношений [8].

По этой причине должны быть рассмотрены способы учёта интересов должника при реализации соразмерного уменьшения цены кредитором.

2. Ситуация наличия в предоставлении скрытых недостатков, в которой допустимо соразмерное уменьшение цены, характеризуется обоюдной ошибкой сторон договора относительно качества [6]. Ввиду этого одним из

способов учёта интересов должника может выступать предоставление ему права ссылаться на наличие данной ошибки с тем, чтобы вместо применения кредитором уменьшения цены и оставления им предоставления за собой добиться эффекта недействительности сделки, схожего по последствиям с отказом от договора (возврат встречных предоставлений) [7].

3. Компаративный анализ европейских правопорядков (Германия, Франция, Австрия) показал, что ссылка должника на совершение сделки под влиянием заблуждения при реализации кредитором гарантийных средств защиты блокируется [9]. Это решение следует поддержать.

При обратном решении, т.е. при допущении возражения должника, становится неясным содержание соглашения кредитора с должником относительно качества (*Beschaffenhetsvereinbarung*), согласно которому кредитор обещает уплатить цену только за предоставление согласованного сторонами в договоре качества, что позволяет ограничить его инвестиционный риск. На случай отклонения от программы обязательства право предоставляет ему несколько средств защиты, включая соразмерное уменьшение цены. С учётом этого кредитор вправе рассчитывать не только на полный возврат встречного предоставления, но и на сохранение сделки при частичном возврате цены [5].

4. Обоснование такого решения – права кредитора определить судьбу договора (программы обязательства) при обнаружении дефекта – может быть найдено в фигуре адаптации сделки, совершённой по ошибке (предл. 1 п. 4 ст. 178 ГК РФ): несмотря на взаимный характер ошибки, именно кредитор выступает контрагентом по отношению к должнику, который ссылается на заключение сделки под влиянием заблуждения, в связи с чем первый и вправе заблокировать ссылку на ошибку со стороны последнего [2].

Это объяснение выглядит убедительнее с учётом того, что ситуация недостатков качества исторически рассматривается с точки зрения как теории гарантийного обязательства, так и теории ошибки. В ином случае закрепление за должником права на возражение лишит соразмерное уменьшение цены характера способа защиты прав – при таком подходе соответствующее регулирование будет сводиться к возможности сторон согласовать между собой иные условия сделки, что и без отдельного упоминания не ставится под сомнение.

5. В этой связи в качестве механизма учёта интересов должника может быть рассмотрена его возможность устранить недостатки предоставления до реализации кредитором уменьшения цены. Компаративный анализ показал, что в ряде европейских правопорядков, в том числе наднациональных (Германия, Франция, CISG, DCFR), соразмерное уменьшение цены соподчиняется праву должника на устранение дефекта или обязанности кредитора установить дополнительный срок на исполнение [3].

6. В российском праве по этому вопросу имеются два противоположных решения законодателя, в связи с чем необходимо определить, которому из них отдать приоритет. Следует поддержать подход, закрепляющий за должником возможность исправить дефекты до применения кредитором рассматриваемого средства защиты (п. 1 ст. 518 ГК РФ), поскольку он соответствует позиции большинства европейских правопорядков. Кроме того, следование

принципу *favor contractus*, которым прежде всего обычно обосновывается закрепление данной возможности должника, становится тем более важным в рамках уменьшения цены, реализация которого кредитором приводит к изменению содержания прав и обязанностей сторон, т.е. к возникновению по существу нового, ранее не согласованного обмена предоставлениями.

Литература

1. Лухманов М.И. Соразмерное уменьшение цены как способ защиты прав заказчика по договору подряда // Проблемы строительного права: сборник статей. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Н.Б. Щербаков. – М.: Статут, 2023. С. 262–266, 272.
2. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. – М.: Госюриздат, 1954. С. 112.
3. Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий к статьям 454–491, 506–524, 549–558 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2023. Комментарий к ст. 518 ГК РФ (автор комментария – А.Г. Карапетов). С. 1079–1080.
4. Commentaries on European Contract Laws / ed. by N. Jansen, R. Zimmermann. – Oxford: Oxford University Press, 2018 (автор комментария – К. Boosfeld). P. 1425–1430.
5. Fuder F. Die Beschaffensvereinbarung im System des Kaufgewährleistungsrechts. – Berlin: Duncker & Humblot, 2023. S. 24–29, 90.
6. Honsell H. Aktuelle Probleme der Sachmängelhaftung // Juristische Blätter. – Wien: Verlag Österreich, 1989. Heft 4. S. 205.
7. Korth U. Minderung beim Kauf. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2010. S. 111–168.
8. Limbach F. Das allgemeine Minderungsrecht als Innovation der französischen Vertragsrechtsreform // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. – München, 2024. No. 2. S. 270–277.
9. Reischauer R. Keine Abwehr der Preisminderung durch Berufung auf gemeinsamen Irrtum // Juristische Blätter. – Wien: Verlag Österreich, 2024. Heft 11. S. 723–727.
10. Zimmermann R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. – Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 311–322.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПАЙЩИКОВ ЗПИФ БЕЗ УЧАСТИЯ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена ограниченности способов защиты прав владельцев инвестиционных паев закрытых паевых инвестиционных фондов (ЗПИФ), которые все чаще используются как квазигирические лица при структурировании владения активами. Показано, что, хотя имущество ЗПИФ находится в общей долевой собственности пайщиков, все правомочия собственника, включая судебную защиту, осуществляет управляющая компания; при ее бездействии пайщики не могут оспорить сделки фонда, нарушающие их права, а права на косвенный иск, доступного участникам корпораций, они лишены. С опорой на зарубежный опыт защиты прав собственников и римскую фидуцию обосновывается, что такое ограничение противоречит логике вещных прав, а публично-правовые механизмы контроля (специализированный депозитарий, надзор за управляющими компаниями) проблеме не решают. Предлагается предоставить пайщикам право предъявлять иск от своего имени как собственникам имущества фонда, установив пороговое значение доли для предотвращения сутяжничества.*

***Ключевые слова:** закрытый паевой инвестиционный фонд, пайщик, управляющая компания, общая долевая собственность, косвенный иск, фидуция, траст.*

Закрытые паевые инвестиционные фонды (далее – ЗПИФ) благодаря налоговым льготам и повышенной конфиденциальности используются сегодня как квазигирические лица при структурировании владения активами. Однако вещно-правовые особенности ЗПИФ не всегда позволяют полноценно оформить квазикорпоративный характер отношений.

Один из ключевых аспектов права собственности – право на его защиту. Хотя российское законодательство напрямую об этом не упоминает, определяя собственность через три правомочия, данная особенность вытекает из самой природы права, которая предполагает наличие гарантий его защиты. Эта концепция была отражена, например, в трудах Отто фон Гирке, рассматривавшего собственность как «воплощение всевозможных господствующих прав над вещью» [3, с. 118].

ЗПИФ были созданы как инструмент стимулирования коллективных инвестиций, однако при разработке законодательства возникли правовые коллизии, характерные для континентальной правовой системы при внедрении институтов, аналогичных трасту. Имущество ЗПИФ находится в общей собственности пайщиков, но создается видимость права собственности управляющей компании ЗПИФ (далее – УК) на его активы, поскольку именно она осуществляет все полномочия, характерные для собственника, включая защиту интересов в суде.

Данную логику можно понять: пай некоторых ПИФ распределены между значительным числом пайщиков, и предоставление каждому из них права оспаривать сделки создало бы дополнительную нагрузку на судебную

систему и повысило бы риски нестабильности сделок для контрагентов фонда [2].

Тем не менее это приводит к тому, что пайщики не могут оспаривать сделки ЗПИФ, нарушающие их права, если УК бездействует и не осуществляет судебную защиту их интересов.

На мой взгляд, такое ограничение существенно нарушает права пайщиков как собственников имущества и противоречит логике вещных прав. Пайщики не передавали управляющей компании свое право собственности, и, в отличие от траста, управляющая компания не может обладать вторым правом собственности на то же имущество. Кроме того, пайщики лишены права на предъявление косвенного иска, доступного участникам корпораций [5, с. 76-86], поскольку ПИФ не обладает правосубъектностью в силу своего статуса имущественного комплекса.

Зарубежные правовые порядки не ограничивают прав общего долевого собственника на предъявление иска к третьим лицам, например в случае истребования вещи из чужого незаконного владения [1, с. 4-41]. Уместность такого подхода объясняется тем, что каждый из собственников, независимо от размера своей доли, обладает неделимыми полномочиями, включая, на мой взгляд, право на судебную защиту. При этом, как указывает А. В. Егоров, в российской практике еще не сложился механизм присуждения имущества всем собственникам в случае позитивного для них исхода дела [1, с. 4-41].

Фидуция, римский прообраз траста, предоставляла возможность защиты как фидуциарию (управляющему, к которому переходило право собственности на переданное имущество), так и фидуцианту (лицу, передавшему имущество), не лишая последнего его прав [4, с. 192-219]. Учитывая опыт применения фидуции во Франции для оформления коллективных инвестиций, данный аргумент может быть адаптирован и к российскому правовому порядку.

Риск нарушения прав пайщиков снижается благодаря контролю специализированного депозитария за сделками ЗПИФ, а также за счет регулирования деятельности управляющей компании и предъявления к ней требований о надлежащем управлении. Однако частноправовые проблемы не могут быть решены исключительно публично-правовыми методами.

Исходя из этого, целесообразным представляется изменить подход к защите пайщиков, предоставив им возможность заявлять иск от своего имени как собственникам имущества. Это встраивается в логику вещно-правового титула пайщиков на имущество ЗПИФ и позволяет дополнительно обезопасить их права в условиях неопределенности (например, при бездействии УК или аннулировании лицензии УК, если фонд не передан новой УК).

Сутяжничество можно предотвратить путем установления пороговых значений доли в ПИФ. Например, для подачи косвенного иска к членам органов управления в акционерных обществах установлен порог в 1%. Данный подход имеет недостатки: пайщики фактически лишены возможности контролировать ЗПИФ, в результате чего их доля в фонде отражает скорее экономическую, чем юридическую власть над его имуществом.

Литература

1. Егоров А.В. Общая долевая собственность: механизм защиты прав собственников // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 4-41.
2. Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. М., 2007.
3. Зикун И.И. Гражданско-правовые титулы управления инвестиционным фондом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 118.
4. Зикун И.И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 192-219.
5. Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // Закон. 2020. № 11. С. 76-86.

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЛЕСНЫХ УЧАСТКОВ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена особенностям правового режима лесных участков и проблемам правоприменения в этой сфере. Лесной участок рассматривается как разновидность земельного участка, расположенная в границах лесничества и покрытая лесом; такие участки могут находиться не только на землях лесного фонда, но и на землях иных категорий. Анализируются дискуссия о гражданско-правовой природе договора аренды лесного участка, а также противоречивая судебная практика применения ч. 1 ст. 74 Лесного кодекса РФ о заключении договора аренды на новый срок без торгов, в которой право на такое заключение смешивается с утратившим силу преимущественным правом арендатора. Рассматривается «лесная амнистия», направленная на устранение противоречий между сведениями ЕГРН и государственного лесного реестра, выявляются проблемы ее реализации и оцениваются меры по их устранению, принятые в 2023 году.*

***Ключевые слова:** лесной участок, лесной фонд, лесничество, аренда лесного участка, лесная амнистия, государственный лесной реестр, ЕГРН.*

Лес занимает большую часть территории нашей страны и обеспечивает существование всех людей на планете. В связи с жизненно важной многофункциональной ролью леса лесной фонд является публичным достоянием многонационального народа России [6].

Лесной участок – это разновидность земельного участка, обладающая отличительными чертами. Во-первых, такой участок расположен в границах лесничеств (ст. 7 Лесного кодекса РФ, далее – ЛК РФ), а во-вторых, на нем произрастает лес [2].

Причем лесные участки могут располагаться не только на землях лесного фонда, но и на землях обороны и безопасности, населенных пунктов, особо охраняемых природных территорий, на которых расположены леса, поскольку лесничества образуются на всех перечисленных категориях земель.

В связи с этим правовой режим лесных участков регулируется не только лесохозяйственными регламентами, но и иными документами – положением об особо охраняемой природной территории, градостроительным регламентом и т. п., благодаря чему на правообладателя участка могут накладываться дополнительные ограничения.

В рамках системы прав на лесные участки особенно распространенным является право аренды. В силу действия принципа многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного использования лесов и соблюдения их целевого назначения договор аренды может быть заключен сразу в отношении нескольких лесопользователей и нескольких видов использования лесов [5].

При этом в доктрине рассматривается вопрос о том, является ли аренда лесного участка арендой в гражданско-правовом смысле. Так, в связи с наличием типовой формы договора аренды лесного участка, а также субсидиарным

применением норм гражданского законодательства предлагается разработать новый договорный тип – договор природопользования [3].

Существует проблема заключения договора аренды лесного участка на новый срок. До 1 октября 2015 года действовала ч. 5 ст. 72 ЛК РФ, которая непосредственно закрепляла преимущественное право на заключение такого договора, когда торги были обязательны. После утраты этой нормой силы суды стали усматривать ранее существовавшее преимущественное право в ч. 1 ст. 74 ЛК РФ, которая предусматривает право на заключение новых договоров аренды лесного участка без проведения торгов [4]. Однако это неверно, поскольку ст. 74 ЛК РФ предусматривает обычное субъективное право – суды же подменяют одним термином разные конструкции.

Более того, ч. 1 ст. 74 ЛК РФ закрепляет два случая осуществления такого права. Так, можно заключить договор аренды лесного участка на новый срок без торгов, если лесной участок был предоставлен в аренду по результатам торгов на срок от десяти лет. При этом «от десяти лет», согласно решениям судов, означает «строго более десяти лет» [8].

Земельные участки в соответствии со ст. 130 Гражданского кодекса РФ относятся к недвижимым вещам, а поскольку лесной участок является земельным, информация о нем, помимо государственного лесного реестра (далее – ГЛР), содержится и в ЕГРН. Однако у многих правообладателей возникла проблема расхождения данных, содержащихся в этих реестрах: один земельный участок мог относиться к разным категориям земель.

Проблема «задвоенности реестров» была решена при помощи Федерального закона от 29.07.2017 № 280-ФЗ, который стал правовым базисом для проведения «лесной амнистии» [1]. Суть «лесной амнистии» заключается в гармонизации двух реестров (ЕГРН и ГЛР), причем (в случае возникновения прав на земельный участок до 01.01.2016) устанавливается приоритет сведений ЕГРН, допустимость чего была подтверждена КС РФ [7].

Лесная амнистия позволила изменить категорию земель, к которой принадлежал участок, вне процедуры перевода земель из одной категории в другую [1]. Такое решение позволило добросовестным правообладателям сохранить свои имущественные права на недвижимость и беспрепятственно ее использовать, а лесной фонд – уберечь от незаконной застройки, если она в действительности имела место.

При реализации данной процедуры возникли проблемы: «спорный» участок автоматически не исключался из состава земель лесного фонда, итоговое решение зависело от Рослесхоза и т. п. Граждане также столкнулись с тем, что их земельные участки, несмотря на давнюю застройку, не соответствовали критериям «амнистии», и Рослесхоз требовал снести расположенные на этих участках дома [9]. Общественный резонанс способствовал принятию Федерального закона от 13.06.2023 № 248-ФЗ о «дополнительной амнистии»: участок, который нецелесообразно использовать из-за невозможности ведения на нем лесного хозяйства, исключается из ГЛР.

Таким образом, лесной участок – это земельный участок с рядом особенностей; понятие лесного участка выходит за рамки категории земель лесного

фонда; имеются споры относительно правовой природы договора аренды лесного участка; судебная практика применения ч. 1 ст. 74 ЛК РФ является противоречивой; «лесная амнистия» имеет свои проблемы, которые постепенно устраняются.

Литература

1. Ефимова Е.И. Особенности правового регулирования «лесной амнистии» для дачных земельных участков // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ефимова Е.И. Юридическое понятие леса и смежных с ним понятий в трудах доктора юридических наук, профессора О.И. Крассова // СПС «КонсультантПлюс».
3. Захаркина А.В. Договор аренды лесного участка // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кузнецова О.А., Шуплецова Ю.И. Право на заключение договоров аренды лесных участков на новый срок без проведения торгов и основные принципы лесного законодательства // СПС «КонсультантПлюс».
5. Шуплецова Ю.И. Правовые проблемы реализации прав на лесные участки // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 № 1-П.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1252-О.
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.02.2020 № Ф01-7847/2019 по делу № А28-14122/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Глызин М., Корябочкин А., Тетенькин А. Многодетные семьи из Мегета могут остаться без крыши над головой. С иском против них выступил Рослесхоз [Электронный ресурс] // ГТРК «Иркутск». 2023. URL: <https://clck.ru/373fog> (дата обращения: 10.12.2023).

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена особенностям производства по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации. На основе статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2021–2023 годы отмечается высокий уровень отказов в удовлетворении заявлений по данной категории дел. Анализируются положения Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года и главы 22.2 ГПК РФ; делается вывод о том, что процессуальный закон не регулирует вопросы доказывания, а оценочные понятия Конвенции затрудняют установление юридически значимых обстоятельств. Предлагается принять акт рекомендательного характера, разъясняющий содержание таких понятий и способы доказывания соответствующих обстоятельств, а также включить центральный орган, назначенный в соответствии с Конвенцией, в круг лиц, имеющих право обратиться в суд с заявлением (ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ).*

***Ключевые слова:** международное похищение детей, возвращение ребенка, права доступа, Гаагская конвенция 1980 года, доказывание, гражданское судопроизводство, центральный орган.*

Последствия глобализации проявляются во всех сферах человеческой жизни, в том числе в семейных отношениях. Одним из таких последствий является наличие детей, рожденных в интернациональных браках. Всплеск миграционных процессов, а также семейные конфликты приводят к тому, что один из родителей без разрешения второго перевозит ребенка из страны его обычного проживания в другую страну. Такие действия квалифицируются как международное похищение ребенка одним из родителей. Данная категория дел осложнена иностранным элементом, из чего вытекают сложности при их рассмотрении судами.

Объектом исследования, проведенного в настоящей работе, являются общественные отношения, связанные с возвращением ребенка или осуществлением в отношении ребенка прав доступа.

Цель исследования – анализ законодательства в сфере возвращения детей или осуществления в отношении них прав доступа и рассмотрение возможностей развития данного института в Российской Федерации. Поставленная цель предопределяет решение следующих задач:

1. Анализ правовых актов в сфере международного похищения детей.
2. Изучение вопроса доказывания отдельных обстоятельств по данной категории дел.

Анализируя статистику, представленную на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [7], можно отметить следующее. За первые полугодия 2021–2023 годов в общей сложности было окончено 48 дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации. Из них в удовлетворении требований заявителя было отказано по 27 делам. Приведенные данные свидетельствуют о высоком уровне отказов; также становится очевидной неэффективность применения альтернативных способов разрешения споров, таких как медиация и судебное примирение.

Данная категория дел регламентируется Гаагской конвенцией о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (далее – Конвенция 1980 года) [2], однако нельзя не учитывать специфику юрисдикции каждой из стран-участниц. В связи с этим правовым основанием подачи заявления в суд России по данному вопросу выступает глава 22.2 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [1]. В ней регулируются такие вопросы, как подсудность, сроки, круг лиц, имеющих право на подачу заявления, обеспечение иска, порядок обжалования. Однако вопрос доказывания в Кодексе не затронут, в связи с чем возникают проблемы при рассмотрении дел в суде.

Как отмечено в диссертации К. А. Тхазеплова, «изучение и анализ института доказывания играет важную роль не только в теоретическом аспекте, но и в практическом. Вынесение законного и обоснованного судебного решения напрямую зависит от правильного исследования доказательной базы дела, что особенно значимо в делах, связанных с судьбой ребенка» [5, с. 161]. Исходя из этого, представляется необходимым обратить внимание на процедуру доказывания по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа.

В статье «Доказывание по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа» К. А. Тхазеплов делит спорные материально-правовые юридические факты на две группы [6, с. 29-33]. К первой группе автор относит юридические факты, свидетельствующие о нарушении прав опеки при перемещении или удержании ребенка. Ко второй группе относятся обстоятельства-исключения, установленные Конвенцией 1980 года.

В настоящей работе отмечается сложность доказывания вышеуказанных обстоятельств. Истцом должно быть подтверждено отсутствие его согласия на перемещение ребенка; на ответчике лежит обязанность доказать обстоятельства, вытекающие из ст. 12, 13, 20 Конвенции 1980 года. В названном международном акте фигурируют оценочные понятия, отсутствие толкования которых значительно затрудняет процесс доказывания. Предлагается принять акт рекомендательного характера, в котором будут разъяснены содержание отдельных понятий, закрепленных в Конвенции, а также возможные способы доказывания таких обстоятельств, как, например, невыносимые условия, адаптация ребенка к новой среде и т. д.

Стоит также отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ заявителями могут быть родитель, заинтересованные лица и прокурор. Однако согласно п. «f» ст. 7 Конвенции 1980 года право на инициирование судебного разбирательства предоставлено также центральному органу государства-участника (в России – Министерство образования и науки РФ). В целях соблюдения Конвенции о правах ребенка [3] и Конституции Российской Федерации [4] целесообразно включить в ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ Министерство образования и науки РФ в качестве возможного заявителя по данной категории дел.

Таким образом, в работе проанализированы законодательные акты в сфере международного похищения детей, а также судебная практика в этой сфере и выявлены некоторые несоответствия между отечественным и международным законодательством. Отсутствие в ГПК РФ регулирования процедуры доказывания по данной категории дел обусловило необходимость изучения данного института и выработки предложений по совершенствованию законодательства.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023).
2. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (заключена в г. Гааге 25.10.1980).
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959 (дата обращения: 21.02.2024).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 29.01.2024).
5. Тхазеплов К.А. Рассмотрение в судах дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. М., 2022. 252 с.
6. Тхазеплов К.А. Доказывание по делам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 11. С. 29-33.
7. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 16.01.2024).

ПОНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОГО СПОРА

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена понятию корпоративного спора, закрепленному в ст. 225.1 АПК РФ. Раскрываются причины введения этого понятия в 2009 г. – стремление сосредоточить корпоративные споры в системе арбитражных судов – и проблемы, с которыми столкнулся законодатель. Выделяются два основных недостатка легального определения: его внутренняя противоречивость, обусловленная низким уровнем законодательной техники, и несоответствие гражданскому законодательству, в котором понятия корпорации и корпоративных правоотношений появились позднее. Анализируются подходы высших судов к квалификации корпоративных споров, критикуется излишнее расширение понятия за счет публичного элемента, предметного и субъектного критериев. Поддерживается подход, согласно которому корпоративными следует считать лишь споры, вытекающие из корпоративных правоотношений, и предлагаются два пути реформирования главы 28.1 АПК РФ.*

***Ключевые слова:** корпоративный спор, корпоративные правоотношения, ст. 225.1 АПК РФ, подведомственность, компетенция арбитражных судов, арбитражный процесс, корпорация.*

Необходимость в определении понятия корпоративного спора возникла при попытке сконцентрировать такие споры в системе арбитражных судов, поскольку общие критерии определения подведомственности – предметный и субъектный – допускали параллельное рассмотрение этих споров арбитражными судами (если инициаторами процесса были крупные акционеры – юридические лица) и судами общей юрисдикции (если инициатором был миноритарный акционер – физическое лицо), что приводило к рейдерским захватам компаний [7, с. 11-17].

При закреплении легального понятия корпоративного спора в 2009 г. возник ряд проблем: 1) незакрепленность корпоративных правоотношений и понятия корпорации в гражданском законодательстве; 2) отсутствие какого-либо релевантного опыта использования понятия «корпорация» в нормативных правовых актах. Тем не менее поставленные законодателем прагматические цели с долей условности можно считать достигнутыми: несмотря на массу проблем, законодателю удалось сконцентрировать корпоративные споры в юрисдикции арбитражных судов с соответствующим регулированием, подходящим для их рассмотрения [2].

Легальное понятие корпоративного спора (закрепленное в ст. 225.1 АПК РФ) имеет ряд проблем, главные из которых – внутренняя противоречивость и противоречие гражданскому законодательству. Первая проблема связана с низким уровнем законодательной техники, что проявляется в нелогичности построения примерного перечня споров, несоответствии этого перечня родовому определению [4, с. 83-87], бессистемности перечня [3]. Вторая – с концептуальными противоречиями арбитражного процессуального и

гражданского законодательства: выделение корпоративных правоотношений и понятия корпорации в гражданском законодательстве появилось значительно позже закрепления соответствующего понятия в АПК РФ. Как отмечает С. А. Сеницын, и норма процессуального закона, и норма гражданского закона «направлены на определение и регулирование одного и того же вида правоотношений», но норма АПК РФ существенно расширяет предмет регулирования [5, с. 52-67]. При определении корпоративных споров необходимо отдавать приоритет материальному праву.

В практике высших судов сложились определенные подходы к квалификации корпоративных споров: сюда относятся споры, связанные с предоставлением информации участникам корпораций, с привлечением к ответственности лиц, входящих (входивших) в органы управления юридического лица, с недействительностью сделок юридических лиц и применением последствий недействительности и др. Критерием здесь выступает родовое понятие, данное в абз. 1 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ. Так, споры о доплате к пенсии по иску бывшего члена совета директоров или о восстановлении на работе единоличного исполнительного органа Верховный Суд РФ не квалифицирует в качестве корпоративных, поскольку такие споры «не связаны с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице».

Что касается решений по конкретным делам, то порой вопрос о корпоративном характере спора и, следовательно, о подведомственности решается лишь на уровне Верховного Суда РФ. Проблемы вызваны неточностью формулировок нормы: она лишь примерно ориентирует правоприменителя в понимании корпоративного спора, сама норма является «каучуковой», а критерии квалификации спора понимаются весьма широко [1, с. 179].

Процессуальный закон излишне расширяет понятие корпоративного спора за счет наличия публичного элемента (п. 5, 9 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ), а также за счет предметного критерия (включая в число корпоративных споры о создании организации, используя неопределенные формулировки «управление» и «участие» и т. д.).

Субъектный критерий (он представлен делением организаций на коммерческие и некоммерческие с целью определения «корпоративности» спора) сегодня является излишним и вносит противоречивость в систему законодательства в условиях деления юридических лиц на корпоративные и унитарные.

Н. Г. Фроловский предлагает считать корпоративными лишь споры, проистекающие из корпоративных правоотношений [6, с. 11-16]. Преимущества такого подхода: 1) соответствие ст. 2 ГК РФ, в которой проведено размежевание гражданских правоотношений; 2) возможность отграничить корпоративные споры от иных споров в условиях неточности формулировок ст. 225.1 АПК РФ; 3) соответствие общеправовому подходу, согласно которому тот или иной спор основывается на предшествующем правоотношении; 4) препятствование излишнему расширению понятия «корпоративный спор».

Для решения проблемы необходимо понять, в чем она состоит – в чисто терминологическом несоответствии ГК РФ и АПК РФ или в распространении

процессуального порядка рассмотрения корпоративных споров на споры, которые таковыми не являются.

В зависимости от определения проблемы возможны два пути реформирования законодательства: включение в главу 28.1 АПК РФ нового термина – «споры, связанные с корпоративными» (что позволит избежать противоречивости российского законодательства), или исключение из-под действия этой главы споров, которые не проистекают из корпоративных правоотношений. Надо учитывать масштабность второго пути: при выведении из-под действия главы 28.1 АПК РФ споров, не являющихся корпоративными (не возникающих из корпоративных правоотношений), возникнет необходимость решить ряд вопросов – о подсудности выведенных споров, о порядке производства, в котором они должны разрешаться, об их арбитрабельности и др.

В любом случае данное в АПК РФ понятие корпоративного спора нуждается в реформировании: необходимы приведение норм закона к внутреннему единству и их гармонизация с гражданским правом.

Литература

1. Вялых Е.И. Процессуальные особенности рассмотрения корпоративных споров в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук: 12.00.15. Воронеж, 2018. С. 179.
2. Добровольский В.И. Применение корпоративного права: практическое руководство для корпоративного юриста. М.: Волтерс Клувер, 2008. 576 с.
3. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022.
4. Моисеев С.В. Спорные вопросы подведомственности корпоративных споров // Законодательство. 2010. № 8. С. 83-87.
5. Сеницын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 52-67.
6. Фроловский Н.Г. Понятие корпоративного спора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 11-16.
7. Шикин С.А. Проблемы подведомственности в корпоративных спорах. Часть 2 // Право и экономика. 2022. № 6. С. 11-17.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦИФРОВОГО РЕЗИДЕНТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается институт цифрового (электронного) резидентства как инструмент вовлечения иностранных граждан и лиц без гражданства в экономическую деятельность государства без необходимости их физического присутствия. Анализируется опыт Эстонии, где программа E-residency действует с 2014 года, а также доктринальные позиции в поддержку и против внедрения цифрового резидентства в России. Выявлены возможные преимущества такого института для российской экономики, включая упрощение найма иностранных IT-специалистов, и препятствия для его внедрения: меньшая привлекательность по сравнению с доступом к единому рынку ЕС, риск двойного налогообложения, необходимость изменения п. 2 ст. 54 Гражданского кодекса РФ и трудового законодательства. Предлагается привлекать иностранных специалистов в рамках гражданско-правовых, а не трудовых отношений.*

***Ключевые слова:** цифровое резидентство, электронное резидентство, цифровая экономика, место нахождения юридического лица, дистанционная занятость, IT-специалисты, двойное налогообложение.*

Целью любого современного капиталистического государства является создание оптимальных условий для развития предпринимательства. В наше время все больший вес в экономике набирает сфера удаленного труда. Потребность в привлечении IT-специалистов увеличивается с каждым годом. Одним из решений данного вопроса представляется введение так называемого «цифрового резидентства». Так, некоторые страны уже анонсировали запуск программ по предоставлению электронного налогового резидентства в целях вовлечения иностранных граждан и лиц без гражданства в свою внутреннюю экономическую деятельность без необходимости физического присутствия.

В. А. Вайпан находит данную практику весьма перспективной. По его мнению, в России возможен переход от регистрации организаций в уведомительной электронной форме через портал «Госуслуги» к альтернативному формату электронного (цифрового) резидентства для организаций, включая возможность дистанционного создания юридического лица и управления им [1].

Особенно важным для анализа представляется опыт Эстонии. Эстония еще в 2014 году ввела институт цифрового (электронного, или виртуального) резидентства (E-residency). Электронный резидент – физическое лицо, которое, не будучи налоговым резидентом Эстонии, вправе выступить руководителем цифровой компании. В таком случае у него возникнет обязанность уплачивать индивидуальный подоходный налог и отчислять обязательные социальные взносы через свою цифровую компанию. Такое лицо после прохождения процедуры идентификации и предоставления биометрических данных получает аналог эстонской ID-карты с электронным чипом и имеет право ставить

на документах электронную подпись, признаваемую органами власти Эстонии, банками и т. д. Е-резидент может в течение одного дня зарегистрировать юридическое лицо по Интернету, управлять им онлайн из любой точки мира, пользоваться услугами электронного банкинга, декларировать налоги, заключать контракты по Интернету с использованием цифровой подписи и т. п.

Формально электронное резидентство в Эстонии не преследует своей целью наполнение национального бюджета за счет налогов, хотя, безусловно, положительным результатом такого нововведения является поступление налоговых доходов от новых цифровых компаний. Глава 5.2 Закона об идентификации личности Эстонии 1999 г. (Identity Documents Act of 1999 amended, Chapter 5.2) закрепляет, что целью предоставления статуса электронного резидента иностранным гражданам и лицам без гражданства, физически не находящимся на территории государства, является развитие экономики, науки, образования и культуры путем предоставления данным лицам доступа к электронным сервисам в Эстонии. С момента запуска программы более 65000 электронных резидентов зарегистрировали более 10 100 цифровых компаний в Эстонии. В целом программа принесла государственному бюджету Эстонии более 35 миллионов евро [4].

Е. В. Рябова критикует идею внедрения цифрового резидентства [2, с. 26-30]. Она считает, что в условиях сложившегося международного налогообложения доходов физических лиц программы цифрового резидентства покажут свою неэффективность, так как эффективное внедрение электронного налогового резидентства возможно только в условиях выработки соответствующего решения на международном уровне. Кроме того, успешность эстонского опыта, по ее мнению, связана с привлекательностью выхода на единый рынок ЕС с целью воспользоваться его правовыми и экономическими преимуществами.

Таким образом, вопрос внедрения цифрового резидентства в Российской Федерации остается открытым. С одной стороны, оно позволит дистанционно, без необходимости физического присутствия в России, зарегистрировать юридическое лицо, получить возможность использования льгот «налогового маневра» и дополнительных преференций, например снятия избыточных ограничений по валютному и экспортному контролю. С другой – для российских IT-компаний будет создан механизм упрощенного найма зарубежных специалистов в условиях острого кадрового голода на рынке. По данным РБК, Минцифры разрабатывает модель «цифрового резидентства» для иностранных IT-специалистов, которая позволит им регистрировать юридические лица и получать льготы в России [3].

Однако существует целый ряд проблем, которые могут затормозить данный процесс. Прежде всего, остается непонятным, чем выход на рынок РФ будет привлекательнее для потенциального цифрового резидента, чем выход на рынок ЕС, к которому он может получить доступ, зарегистрировавшись в Эстонии. Кроме того, вызывает опасения вопрос двойного налогообложения, под которое рискует попасть потенциальный электронный резидент. К тому же в случае введения цифрового резидентства для юридических лиц потребуются

изменения в п. 2 ст. 54 Гражданского кодекса РФ, которые сформулируют новое понимание места нахождения юридического лица. Также есть вопросы о том, как будут разрешаться споры между российской компанией и работником, проживающим за рубежом. В таком случае потребуются изменения в Трудовой кодекс РФ.

Трудовые отношения по своей природе подразумевают бóльшую ответственность работодателя перед своим сотрудником, включая обеспечение сотрудника средствами производства, выполнение обязательств по пенсионному и социальному страхованию. Логично, что такие обязательства не могут быть выполнены в полном объеме в том случае, если работник находится за рубежом. Трудовое законодательство носит страновой, а не экстерриториальный характер, то есть в случае возникновения трудовых споров работодатель и работник не смогут урегулировать противоречия в рамках трудовых отношений. Для избежания этих противоречий предлагается привлекать иностранных специалистов в рамках гражданско-правовых, а не трудовых отношений.

Литература

1. Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11.
2. Рябова Е.В. Цифровая миграция физических лиц: правовые вопросы международного налогообложения // Миграционное право. 2021. № 2.
3. Балашова А. Для иностранных айтишников предложили ввести статус «цифровой резидент» [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/12/2021/61c38ba79a794725cf5e22d8 (дата обращения: 08.02.2023).
4. White A. Number of UK Estonian E-Residents Triples Following Brexit [Электронный ресурс] // ERR News. URL: <https://news.err.ee/1032800/number-of-uk-estonian-e-residents-triples-following-brexit> (дата обращения: 08.02.2023).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОТВОД СУДЬИ

Миронов Илья Олегович

юрисконсульт, Управление имуществом специальных проектов
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам реализации права на отвод судьи в российском судопроизводстве. Критикуется действующий порядок, при котором заявление об отводе судьи, рассматривающего дело единолично, разрешает сам этот судья, что противоречит принципу «никто не может быть судьей в своем собственном деле». Обосновывается необходимость разграничения оснований отвода и самоотвода и толкования основания об «иных обстоятельствах, вызывающих сомнение в объективности и беспристрастности» судьи как позволяющего стороне заявить отвод из-за недоверия. С опорой на данные социологических опросов, судебную статистику, позиции Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека показано, что существующие гарантии – последующая проверка вышестоящими инстанциями и мотивированность определения – не обеспечивают доверия к суду. Предлагается расширить основания для отвода и передать рассмотрение заявлений об отводе председателю суда или его заместителю при сохранении гарантий независимости судей.*

***Ключевые слова:** отвод судьи, самоотвод, беспристрастность суда, доверие к суду, право на судебную защиту, гражданский процесс, арбитражный процесс.*

Объективность судей при оценке доказательств всегда является дискуссионной темой. Но особенно много вопросов возникает, когда суд рассматривает заявление об отводе в отношении себя согласно ч. 2 ст. 20 ГПК РФ, ч. 2 ст. 25 АПК РФ, ч. 2 ст. 35 КАС РФ, ч. 4 ст. 64 УПК РФ. Достаточно ли здесь защищается право гражданина на судебную защиту? Как известно, «никто не может быть судьей в своем собственном деле», однако по нормам, действующим в настоящее время в процессуальных кодексах, судья принимает решение об отводе в отношении себя, самостоятельно оценивая свою объективность и беспристрастность в конкретном деле.

Доверие к составу суда является предпосылкой восприятия сторонами решения как законного и справедливого. Если само существование института отвода основано на необходимости обеспечения доверия к составу суда, то разве недоверие к нему может быть основано только на объективных факторах? Здесь встает вопрос о толковании основания, которое содержится в п. 5 ч. 1 ст. 21 АПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 16 ГПК РФ, ч. 2 ст. 61 УПК РФ, ч. 2 ст. 31 КАС РФ. Формулировка «имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его объективности и беспристрастности» должна толковаться как возможность для стороны отвести судью из-за недоверия к нему. Нормы об отводе и самоотводе должны различаться. отождествление оснований самоотвода и отвода приводит к тому, что судья отказывает в удовлетворении заявленного ему отвода, ориентируясь на обязанность по самоотводу в конкретном деле [13]. Следовательно, удовлетворение отвода воспринимается как невыполнение обязанности по самоотводу.

Неработающая норма об отводе и рассмотрение данного заявления самими судьями по делу подрывают фундаментальное доверие к суду. Согласно данным фонда «Общественное мнение», в 2012 году деятельность судов негативно оценивали 40% опрошенных и только 24% – положительно [15]. По данным за 2020 год, около 45% россиян уверены, что суды часто выносят несправедливые решения [16]. На практике определения об удовлетворении отвода выносятся крайне редко: районными судами удовлетворяется 9,1% отводов, а судами второго звена общей юрисдикции – 5,8% [14].

К тому же следовало бы передать обязанность рассмотрения отвода судьи другим лицам, как это и было предусмотрено в АПК РФ в редакции от 26.07.2019: «Вопрос об отводе судьи, рассматривающего дело единолично, разрешается председателем арбитражного суда, заместителем председателя арбитражного суда или председателем судебного состава». Такая формулировка представляется обеспечивающей право на судебную защиту.

В ситуациях, дающих основание для недоверия к судье, отказ в удовлетворении отвода и стремление судьи остаться в процессе вызывают еще большее недоверие к нему. Как в таком случае продолжать процесс по конкретному делу? Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) отмечает [2, 3, 4, 5], что в демократическом обществе люди должны «доверять суду», но разве сами нормы не должны обеспечивать это доверие? Как верно отметил Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), в демократическом обществе чрезвычайно важно, чтобы суды внушали доверие общественности [12]. Не общество должно доверять, а сам суд должен обеспечивать это доверие.

Также КС РФ приводит аргумент о гарантии в виде проверки вынесенных судом решений вышестоящими судебными инстанциями [1, 2, 3, 4, 5]. Однако эффективные средства правовой защиты должны существовать именно на стадии рассмотрения дела судом первой инстанции, а не на стадиях проверки.

К тому же, как отмечает КС РФ, гарантией соблюдения принципа беспристрастности судьи, рассматривающего дело единолично, является вынесение мотивированного определения. Однако в определениях об отказе в удовлетворении заявления об отводе мотивировочная часть практически отсутствует [5, 6, 7, 8, 9, 10]. В свою очередь, ЕСПЧ при оценке рассмотрения заявлений об отводе судьи тем же судьей отметил, что судьи не разрешают, а лишь делают вид, что разрешают заявления об отводе, и признал данную процедуру несовместимой с требованием беспристрастности суда [11].

Таким образом, решение проблемы видится в расширении перечня оснований для отвода судьи и в передаче рассмотрения заявления об отводе председателю суда или его заместителю. В результате изменения норм появится больше доверия к суду, граждане будут более уверены в беспристрастности суда. Однако при этом не следует ограничивать независимость судей: необходимо ввести механизмы, которые обеспечат председателю возможность объективно оценивать необходимость отвода.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2008 № 6-П // Российская газета. 2008. № 70.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 19.03.2009 № 237-О-О // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2013 № 1807-О // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1048-О // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2082-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 08.09.2022 № 48-ИКАД22-7-А2.
7. Определение Верховного Суда РФ от 23.10.2023 № 310-ЭС23-24250 по делу № А83-874/2022.
8. Определение Верховного Суда РФ от 13.10.2023 № 306-ЭС23-12689 по делу № А57-15452/2021.
9. Определение Верховного Суда РФ от 26.06.2023 № 305-ЭС23-9576 по делу № А40-213458/2021.
10. Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2023 № 306-ЭС23-9453 по делу № А55-8919/2022.
11. ECHR. A.K. v. Liechtenstein. Application no. 10722/13. Judgment of 18 February 2016.
12. ECHR. Revtyuk v. Russia. Application no. 31796/10. Judgment of 9 January 2018.
13. Таран А.С. Недоверие как основание отвода // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5.
14. Обзор практики рассмотрения федеральными судьями заявленных отводов и самоотводов при рассмотрении судебных дел [Электронный ресурс] // Официальный сайт Тындинского районного суда Амурской области. URL: http://tindinskiy.amr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=442.
15. Российский суд теряет завоеванное доверие [Электронный ресурс] // Право.ру. 31.07.2012. URL: <https://pravo.ru/review/view/75723/>.
16. Сергеев М.С. Работу судов негативно оценивают более 40% россиян [Электронный ресурс] // Независимая газета. 24.09.2020. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-09-24/2_7973_court.html.

КОЛЛАПС АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОРГАНА ВТО ПО ДОГОВОРЁННОСТИ О ПРАВИЛАХ И ПРОЦЕДУРАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО НЕСОВЕРШЕНСТВА МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

Рахимова Муаттара Абдусаттаровна

доктор юридических наук, профессор,
Ташкентский государственный юридический университет,
Узбекистан, г. Ташкент

Мороз Сергей Александрович

магистрант, Ташкентский государственный юридический университет,
Узбекистан, г. Ташкент

***Аннотация.** Предлагается рассмотреть одну из наиболее, по нашему мнению, проблемных норм права Всемирной торговой организации (ВТО), содержащаяся в договорённости о правилах и процедурах разрешения споров (DSU), которая предусматривает принятие решений о назначении членов апелляционного органа на основе консенсуса.*

Мы полагаем, что данная норма привела как к фактическому блокированию механизма разрешения споров, что существенно подорвало эффективность всей системы ВТО, но и демонстрирует уровень разрешения споров, правосудия, системы управления в международных и гражданских отношениях.

Предлагаются возможные направления реформирования процедуры назначения членов Апелляционного органа, учитывая эффективные методы системы управления и проводится обзорный стратегический анализ. Также обозначается, в рамках разработанной нейронной системы, что задача не имеет однозначной практической формы объективного исследования, в разрешении спора между одним и группой государств. Сам конфликт имеет одну основу, как в международных, так и гражданских отношений.

***Ключевые слова:** ВТО, разрешение споров, DSU, консенсус, международная торговля, орган по разрешению споров, нейронная система обратной матричной связи, право участия в переговорах.*

Введение

Актуальная задача в анализе изменения норм, так же, как и возрождение баланса эффективного Правосудия в решении споров в ВТО, становится в первоочередном исправлении механизма и методологии, определение сущности проблемы и вариантах исправления. В рамках сравнительно-правового и функционального подхода осуществляется установление относительной оценки влияния выявленных дисфункций на реализацию целей и задач ВТО, а также на стабильность международных экономических и межгосударственных отношений.

Система разрешения споров ВТО рассматривалась как один из эффективных механизмов международного права, который балансирует правами и обязанностями между государствами в области торговых отношений.

ВТО демонстрирует, как международное право может реально регулировать поведение государств, но ее жизнеспособность напрямую зависит от реформы апелляционного органа.

Центральное место в данной системе занимает *Договоренность о правилах и процедурах разрешения споров (DSU)*, которая устанавливает порядок рассмотрения споров между членами ВТО, включая процедуру апелляционного пересмотра решений [1, 2].

Однако в последние годы указанный механизм фактически оказался парализован в связи с блокированием назначения членов апелляционного органа. Причиной данной ситуации является норма, предусматривающая принятие решений о назначении членов Апелляционного органа *на основе консенсуса* всех членов ВТО. Практика показала, что такая конструкция создает возможность для одной или нескольких стран заблокировать функционирование всей системы разрешения споров. Важно учитывать структуру затрат и исследовать потенциальное влияние «развязки глобальной экономики» на технологические системы в мировой экономике. Результаты показывают значительные потери благосостояния для мировой экономики и наибольшие в регионах с низким уровнем дохода [3].

По мнению авторов работы, данная норма является одной из наиболее из неудачных в праве ВТО и требует первоочередного исправления, поскольку ее существование ставит под угрозу само функционирование организации как правового механизма регулирования международной торговли и демонстрирует несостоятельность судебного разрешения вопросов в своей основе, как в национальных, так и международных вопросах.

Образ несовершенства правосудия заключается в формальном равенстве, но по факту фактического неравенства: право вето (*Libërum veto*) одного государства нивелирует интересы десятков других, что сравнивается с принципом состязательности. Кроме прочего, злоупотребление процедурой (процессуальной нормы и ее искажений): консенсус, задуман как защита слабых, стал оружием сильных. При этом, учитывая и противоположные аспекты, когда большинство играют в политической, социальной и др. сферах против одного, то возникает обратный процесс. Следовательно, формальное равенство государств, не означает их фактического равенства по экономическому и политическому влиянию [4].

В рамках работы обращается, как нарушился баланс общества к власти в РФ, связанный с уничтожением правосудия РФ, после Федеральной Целевой Программы «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы». Нельзя не согласиться с В. И. Лениным, который отвечает на вопрос пролетариатов: «что общего между экономизмом и терроризмом?». Председатель Конституционного Суда РФ в 2025г., абстрактно ответил об уничтожении Правосудия, как «эффективная экономическая целесообразность и необходимая государственная мера» [5, с. 39], отказав ученым в Определении по жалобе Мороз С.А. и др. на нарушении конституционных прав.

Фактические обстоятельства: США блокируют назначение судей, отсутствует апелляция, право ВТО теряет статус и влияние, нет механизма

принуждения к назначению судей, зависимость от консенсуса, система заблокирована одной страной. Важно учитывать функцию в системе: «А судьи кто? За давностью лет, к свободной жизни, их вражда непримирима» «Горе от ума» А. С. Грибоедов. Из данного исследуемого элемента фактического обстоятельства, устанавливается аргумент: «Если проблему будут решать «демократы» - политики, то проблема перерастает в международные конфликты, о чем предупреждал Сократ: «Государством должны управлять ученые-философы». Поэтому важно воссоздать Культ Науки и Просвещения, а не его иллюзию. Создав баланс научных принципов, государство, как поработавшая система, отомрет, как пятое колесо. Реформы неизбежны, но они должны быть на основе цивилизованных, эволюционных принципах высоких идей Создания, а не разрушения, с целью обогащения.

Сама деформация Апелляционного органа, это показатель несовершенства правосудия в мире, когда юридические конструкции без защитных механизмов превращаются в средство саботажа либо незаконного вымогательства, злоупотребляя служебными и должностными полномочиями, что является общим доказательством, размытости права одних относительно обязанностей другой стороны, где в приоритете стоит «власть силы, а не права».

В частности, аналогичный научный спор возник в Ташкентском Государственном Юридическом Университете, между председателем Международного сообщества и группой «Международного коммерческого арбитража и разрешения споров» и примкнувшим к группе сочувствующих либералов-студентов.

Предмет спора: правовые отношения между поколениями, взглядами, принципами, обычаями, положениями в юридически правовых и педагогических нормах, где основа спора заключается в разности толкования методов и понятий, учитывая коллизию применяемых норм иностранных государств. В развитии системы Образования, Управления и Правосудия, вынесены основные моменты для разрешения конфликтов: «Позиция председателя» vs «Позиция студенческой группы», «Аргументы» vs «Контраргументы», «Методологическая база» vs «Педагогическая цель». Разрешая только практическими действиями конфликты между субъектами можно сформировать единый подход к единой формуле разрешения конфликтов в международных отношениях, как в рамках ВТО, так и любых правовых информационных областей. Вопрос разрешается в научных центрах, независимыми и беспристрастными молодыми учеными. Мы полагаем, что группа ученых в ТГЮУ, реально внедряет красоту теории в практику и которые не могут быть подвержены коррупции (временно, в данном случае, опыт несет негативное значение), глобальному влиянию политических и иных негативных элементов. В рамках программы судебного дозора, установлено, что опыт судей в национальных Судах РФ негативно влияет на принципы Правосудия и Судопроизводства. Учитывая низкую квалификацию современных судей, которые назначаются по указу главы государства. Мы полагаем, что в этом нарушены принципы правового демократического строя и уничтожается основа образования в системе государственного управления. В данной функции управления связываются

матричные элементы системы управления, системы правосудия и системы образования.

Делается предварительное предположение, что в качестве доказываемого аргумента, невозможно разрешить общую проблему, если ей противостоит аппарат принципа власти и силы. Делиберация может привести только к прояснению ситуации и консенсус не обязательно должен быть целью успешного процесса делиберации, согласно теории Юрген Хабермаса.

1. Норма договоренности о разрешении споров и ее значение в системе ВТО

Правовое регулирование разрешения споров в рамках ВТО осуществляется на основании Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров (Dispute Settlement Understanding, далее – DSU), которая является неотъемлемой частью Марракешского соглашения об учреждении ВТО. Указанный акт устанавливает детальный порядок рассмотрения споров между членами организации, включая создание групп экспертов, процедуру апелляционного пересмотра, а также механизм исполнения решений.

Главная проблема процедуры назначения членов Апелляционного органа ВТО заключается в требовании консенсуса, что фактически парализовало систему разрешения споров с 2019 года [6, с. 312-329]. Что является доказательством, отсутствием правосознания, если предоставлены условия, что подтверждает К. Маркс, приводя слова Даннинга в «Капитале», гл. 31: «С достаточной прибылью капитал становится очень смелым. При 10% он готов к употреблению везде; при 20% он становится оживлённым; при 50% – положительно дерзким; при 100% он попирает все человеческие законы; при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, даже под страхом виселицы» [7].

Функция апелляционного органа, заключается в выполнении проверки, анализу правовой обоснованности решений экспертов. Наличие апелляционной инстанции, отличает систему ВТО от большинства международных механизмов разрешения споров, в обеспечении единообразия толкования соглашений ВТО, чем повышает плановость международной торговой системы.

Согласно положениям DSU, члены апелляционного органа назначаются органом по разрешению споров (Dispute Settlement Body), на основе консенсуса. Данная норма обеспечивает равенство государств и недопущение доминирования отдельных стран при формировании органа, принимающего решения, обязательные для всех членов ВТО. Однако практическая реализация принципа консенсуса показала его существенные недостатки, что сравнимо с реальностью разрешение споров национальных судов РФ.

Консенсус в рамках ВТО означает отсутствие возражений со стороны членов организации. Но на практике это превращается в инструмент блокирования: даже одно государство получает возможность парализовать принятие решений, включая назначение новых членов апелляционного органа. Такая конструкция, оправданная в классическом международном праве как гарантия равенства государств, в условиях жесткой и политизированной мировой торговли становится механизмом злоупотребления. По сути, она позволяет

отдельным странам держать всю систему в заложниках, лишая ее способности функционировать и подрывая доверие к ВТО как к универсальному арбитру международной торговли.

Практика последних лет наглядно продемонстрировала, что механизм консенсуса способен привести к полной остановке функционирования ключевого института ВТО. Блокирование назначения членов Апелляционного органа привело к тому, что данный орган фактически утратил возможность рассматривать апелляции, поскольку количество действующих членов оказалось ниже минимально необходимого для формирования коллегии.

Нельзя не согласиться с мнением А. Исполиновым, указывающий, о влиянии политических национальных изменений на международные права, в форме успешного опыта для США удушения апелляционного органа ВТО. Следовательно, норма, рассматривающая через разные углы проблематик, создает как множество законодательных норм, так и неопределенность, что позволяет манипулировать законодательством [9].

Сами решения групп экспертов могут быть обжалованы, но не могут быть окончательно рассмотрены, что создает ситуацию правовой неопределенности и подрывает доверие к системе разрешения споров в целом. Таким образом, норма DSU о консенсусном порядке назначения членов Апелляционного органа (Appellate Body), изначально направленная на защиту равенства государств, на практике превратилась в инструмент блокирования всей системы.

Указанное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемая норма является одной из наиболее неудачных в праве ВТО, поскольку она не только не обеспечивает стабильность механизма разрешения споров, но и делает его зависимым от политической воли отдельных государств, что противоречит самой идее правового регулирования международной торговли.

2. Блокирование механизма разрешения споров в полной зависимости апелляционного органа от политической воли одного государства

По природе теории Права основа разрешения споров ВТО очень действенна и эффективна, так как имеется:

1. Юридическая предсказуемость: решения органов ВТО создают стабильные правила игры для всех участников.

2. Равенство государств: даже малые экономики могут оспаривать меры крупных держав, что укрепляет доверие к системе.

3. Принцип взаимности: права и обязанности распределяются симметрично, что снижает риск односторонних действий.

4. Принудительность исполнения: наличие санкционных механизмов (разрешение на ответные меры) делает систему более действенной, чем многие другие международные институты.

Современная действительность шагает по принципу «Преступление идет на шаг впереди развития Права», блокировка Appellate Body происходит формально из-за правил назначения членов, рост региональных и двусторонних соглашений, которые частично обходят ВТО и соответственно

политизации торговых споров, особенно между крупнейшими экономиками государств.

Авторы полагают, что идет дело с иллюзией равенства, которая прикрывает реальную асимметрию сил. Это и есть тот «образ несовершенства правосудия» и «деформированного разрешения споров», который проявился в коллапсе Appellate Body ВТО.

Кризис апелляционного органа отражает слабость правовых систем вообще, когда формальные принципы (равенство, консенсус) не подкреплены эффективными механизмами защиты от злоупотреблений. Он показывает, что правосудие без действенных процедур является иллюзией, будь то на национальном или международном уровне [10].

Следствием стало снижение эффективности всей системы ВТО. Блокирование органа превратило норму о консенсусе в инструмент политического давления. Обыватели и студенты-либералы заявляют, что «мы проживем и без ВТО», но коллизия заключается, что уровень жизни граждан зависит от исполнения договорных обязательств и степени развития отношений по вертикальным и горизонтальным связям матричной системы.

Ситуация привела к возникновению «черной дыры» по разрешению споров, когда сторона, не согласная с решением группы экспертов, подает апелляцию, но она не может быть рассмотрена из-за отсутствия действующего Апелляционного органа, что сгенерировало ряд вопросов в ТГЮУ по объективности оценочных критериев. В результате решение первой инстанции не вступает в окончательную силу, а спор остается юридически незавершенным, что вызывает еще большие конфликты. Аналогичное явление и внутригосударственной фактической правовой системы, как отражение влияния чиновников, использующие политические рычаги на правосудие. Но и при планировании стратегических решений, можно также провести аналитический расчет и указать на решение вопроса по назначению Судей, но сам Судья (не исключено, при действующей системе) также будет находиться под влиянием политического давления и внутреннего желания приобретения человеческих благ.

Согласно положениям DSU, Апелляционный орган состоит из семи членов, из числа которых для рассмотрения каждого дела формируется коллегия из трех человек. При этом для функционирования органа необходимо наличие не менее трех действующих членов. Однако начиная с 2017 года Соединенные Штаты систематически отказывались поддерживать решения о назначении новых членов Апелляционного органа, используя правило консенсуса, предусмотренное DSU [11].

В результате к декабрю 2019 года срок полномочий большинства членов Апелляционного органа истек, и их замена не была утверждена. После истечения полномочий последнего из необходимого числа членов орган утратил возможность формировать коллегии для рассмотрения апелляций. С этого момента механизм апелляционного пересмотра фактически перестал функционировать.

Следствием этого стало существенное снижение эффективности всей системы разрешения споров ВТО. Государства получили возможность

уклоняться от исполнения решений, используя процедурные механизмы, предусмотренные самой Договоренностью о разрешении споров. Тем самым норма, призванная обеспечить равенство государств и согласованный характер принятия решений, превратилась в инструмент блокирования правоприменения.

Блокирование работы Апелляционного органа было осуществлено не группой государств, а фактически одним членом ВТО. Это свидетельствует о том, что принцип консенсуса в существующей редакции DSU не обеспечивает баланс интересов, а, напротив, позволяет одной стороне поставить под угрозу функционирование всей системы.

С точки зрения международного права подобная конструкция представляется крайне уязвимой. В условиях, когда обязательства государств в рамках ВТО носят юридически обязательный характер, механизм их принудительного обеспечения должен быть защищен от одностороннего блокирования. Отсутствие такой защиты приводит к тому, что соблюдение правил международной торговли становится зависимым не от права, а от политической воли наиболее сильных участников.

Таким образом, кризис Апелляционного органа наглядно продемонстрировал, что норма DSU о консенсусном порядке назначения членов данного органа является структурно несовершенной. Она не учитывает возможность конфликта интересов между государствами и не содержит механизмов предотвращения злоупотребления процедурными, должностными, служебными правами и обязанностями. В результате сама система, которая долгое время рассматривалась как наиболее эффективный международный судебный механизм, оказалась фактически парализованной.

3. Анализ с позиции теории международного права

Для оценки рассматриваемой нормы, где принцип консенсуса рассматривается как одно из проявлений суверенного равенства государств. Согласно классической доктрине, ни одно государство не может быть связано международным обязательством без своего согласия, а потому принятие решений на основе консенсуса считается наиболее справедливой формой международного сотрудничества.

Именно из указанного подхода исходили разработчики системы ВТО, закрепляя правило консенсуса при принятии ключевых решений, включая назначение членов Апелляционного органа. Предполагалось, что такое правило позволит избежать доминирования отдельных государств и обеспечит равноправное участие всех членов в формировании органов ВТО.

Однако практика показала, что механическое применение принципа консенсуса в сложной институциональной системе может привести к результатам, противоположным тем, которые изначально предполагались. Формальное равенство государств не означает их фактического равенства по экономическому, политическому и институциональному влиянию. В условиях, когда отдельные государства обладают значительно большим экономическим и политическим весом, возможность блокирования решений превращается в инструмент давления на всю организацию.

В рассматриваемом случае норма DSU не содержит никаких ограничений на использование права возражения против назначения членов Апелляционного органа. Государство не обязано мотивировать свою позицию, не обязано предлагать альтернативные решения и не несет юридической ответственности за последствия блокирования. Такая конструкция создает ситуацию, при которой реализация процедурного права одного государства может привести к прекращению функционирования всего механизма разрешения споров.

С точки зрения общей теории права подобная ситуация может быть охарактеризована как злоупотребление правом. Государство формально действует в рамках предоставленных ему полномочий, однако результатом становится нарушение целей и принципов самой организации. Целью системы разрешения споров является обеспечение соблюдения соглашений ВТО, тогда как блокирование назначения членов апелляционного органа делает выполнение этой функции невозможным.

Следует также учитывать, что международные организации отличаются от классических межгосударственных договоров наличием постоянных органов и процедур, обеспечивающих реализацию принятых обязательств. В таких условиях чрезмерно жесткое требование консенсуса может препятствовать нормальному функционированию организации. Именно поэтому в ряде международных организаций применяется голосование большинством, квалифицированным большинством или иные процедуры, позволяющие избежать блокирования решений.

В праве ВТО, несмотря на высокую степень институционализации, была сохранена традиционная модель консенсуса, что в долгосрочной перспективе привело к институциональной нестабильности. Отсутствие механизма преодоления блокирования свидетельствует о том, что разработчики DSU недооценили возможность политического конфликта между членами организации и не предусмотрели достаточных гарантий устойчивости системы. Данное обстоятельство отражает аналогию конфликта ученых и судей РФ, по нормам и ответственности, где судьи вместо решения вопросов сделали попытки уничтожения механизма «Нейронной системой, использующей учеными. По сути в противостоянии Искусственного интеллекта и Коррупции, побеждает коррупция, так как ИИ используется под контролем коррупции, что является парадоксальной дилеммой [12]. Решение вопросов отражены в работах В. И. Ленина об отмирании государства, исключая искаженные толкование «отмирание государства/полу-государств» анархистами, либералистами и горсткой богачей. Нельзя не согласиться с вождем пролетариата В. Ульяновым, который указывает о «потере судейских чинов кажущейся независимости, которые должны избираться открыто и быть ответственными и сменяемыми» [7, с. 46]

Таким образом, рассматриваемая норма является спорной не только с практической, но и с теоретической точки зрения, поскольку она не обеспечивает *баланс* между принципом суверенного равенства государств и необходимостью эффективного функционирования международного правового механизма. В условиях глобальной экономики, где исполнение правил должно быть гарантировано, сохранение процедуры, допускающей одностороннее

блокирование ключевых институтов, представляется необоснованным и требует пересмотра. По личному мнению, автора, любой конфликт должен рассматриваться только в балансе элементов предмета спора по пределу и основаниям нормы права и обязанностей.

4. Возможные направления исправления нормы о консенсусном назначении членов Апелляционного органа

Предположим, для упрощения задачи, что норма о консенсусном порядке назначения членов Апелляционного органа является одной из причин институционального кризиса в системе разрешения споров ВТО и необходимо определить возможные направления ее исправления. В реальности же мы полагаем, что проблема данной нормы определяется шире матрицей обратной связи, где элементами являются как условия, так и фактические обстоятельства по алгоритму нейронной системы матричной связи. Данная зависимость определяется по функции правосознания и отношения доверия общества к власти, уровень жизни, как результат совместной деятельности государства, отношение общества/к власти [12].

Устанавливаем неизменные данные, как сохранения суверенного равенства государств и потребность в обеспечении устойчивого функционирования механизма разрешения споров.

Первым направлением реформы является отказ от требования *полного* консенсуса при назначении членов Апелляционного органа. В качестве альтернативы может быть использована процедура квалифицированного большинства, при которой решение считается принятым, если за него проголосовало установленное число членов организации. Подобная модель применяется во многих международных организациях и позволяет избежать ситуации, когда одно государство блокирует решение, поддерживаемое большинством. Учитывая, что есть положительные и отрицательные моменты данной альтернативы.

Вторым возможным вариантом, является введение так называемого «обратного консенсуса», который уже используется в ряде процедур ВТО. Суть данного механизма заключается в том, что решение считается принятым автоматически, если против него не выступит большинство членов. Такая конструкция позволила бы сохранить принцип согласия государств, но одновременно ограничила бы возможность одностороннего блокирования.

Третьим направлением реформы может стать установление временного механизма назначения членов Апелляционного органа в случае, если в течение определенного срока консенсус не достигнут. Например, при отсутствии решения в течение установленного периода назначение может осуществляться Генеральным советом ВТО или специальной комиссией, сформированной из представителей нескольких государств. Наличие такого механизма предотвратило бы ситуацию, при которой орган прекращает работу из-за истечения полномочий его членов. Члены ВТО смогут отклонять кандидатуры только при наличии веских оснований. Это уменьшает политизацию процесса и усиливает профессионализм.

Возможна вариация или части ее, как автоматическая ротация кандидатов из заранее утвержденного списка. Каждая региональная группа из Азии, Европы, Африки, Америки делегирует представителей по очереди, что обеспечивает баланс и предсказуемость.

Четвертым возможным решением является введение обязанности государства, возражающего против назначения, представить мотивированное обоснование своей позиции и при необоснованном затягивании или препятствии решения вопроса, взыскиваются компенсационные издержки в пользу развития администрирования. В настоящее время DSU не требует объяснения причин блокирования, что позволяет использовать право возражения в политических целях. Обязательность мотивировки повысила бы прозрачность процедуры и снизила вероятность злоупотребления.

Итак, Генеральный совет ВТО принимает решение на основе большинства голосов, с учетом принципов открытости. Специальная комиссия из представителей нескольких государств утверждает кандидатуры. Автоматическая ротация кандидатов из заранее согласованного списка по группам из регионов. Предполагается следующий эффект, как предотвращение паралича органа, баланс региональных интересов, предсказуемость процедуры.

Далее, возможно внедрить рассмотрение решение вопроса, о компетенции должностного лица государственного органа за подпись в отказе и несет ответственность и обязанности за деятельность ведомства. Данный фактор позволит исключить уровень личной предвзятости и заинтересованности.

Целесообразным представляется закрепление нормы, согласно которой блокирование назначения членов Апелляционного органа не должно приводить к прекращению его работы. В случае недостаточного числа членов может быть предусмотрено продление полномочий действующих судей до назначения новых, либо формирование временных коллегий из числа бывших членов органа. Подобная практика применяется в некоторых международных судебных институтах и позволяет обеспечить непрерывность правосудия.

Предлагаемые изменения не направлены на ограничение суверенных прав государств, а преследуют цель сохранения самой системы разрешения споров, без которой обязательства в рамках ВТО теряют практическое значение. Если механизм принуждения к исполнению соглашений не функционирует, международное торговое право превращается в совокупность декларативных норм, соблюдение которых зависит исключительно от политической воли государств.

Введение «обратной матричной связи в нейронной системе», т. е. когда решение принимается автоматически и против него не выступает большинство и/или стороны, по аналогии с разработанной системой в рамках программы «судебного дозора» [13, с. 31-31].

Важно, пока идет препятствие одного государства, предлагается алгоритм в данной части: рассмотрение происходит в круге заинтересованных государств, исключая сторону, препятствующую разрешению спора. При этом, государство, которое не участвует в разрешении спора, будет заинтересовано

урегулировать отношения. В ином случае идут потери от недоговоренности всех сторон.

Данная модель реализовалась в ТГЮУ, где показалось убыточность для конфликтующих сторон, для системы образования и деловых отношений, в рамках государственной программы по развитию и восстановления культа Науки и Просвещения.

При создании эффективного института стратегического развития, во взаимосвязи с действующими научными центрами с участием практиков, для корректировки критерия «теория-практика» разработалась система, использующая нейронную систему по взаимодействию систем с использованием Искусственного интеллекта, которая позволяет разрешить комплекс проблем в системе разрешения споров как в национальных, так и в международных отношениях [11, с. 18-22].

Таким образом, исправление нормы DSU должно заключаться не в полном отказе от принципа согласия государств, а в его разумном ограничении, позволяющем предотвратить злоупотребление процедурными правами и обеспечить стабильность институциональной системы Всемирной торговой организации.

Различие в толковании норм иностранных государств не отменяет необходимости единообразного подхода, поскольку цель разрешения спора – заключается в формирование универсальных подходов правового обеспечения, с учетом правосознания. Это относится как к разрешению международных конфликтов, так и конфликтов между поколениями, государствами, иностранными субъектами, системами образований, правосудии, управления и т. д., т. е. обладает характером матричной обратной связи в форме нейронной системы.

5. Альтернативные точки зрения на консенсусную процедуру и аргументы в защиту действующей нормы

Несмотря на очевидные проблемы, выявленные в ходе кризиса Апелляционного органа, в научной литературе и в официальных позициях ряда государств высказываются аргументы в пользу сохранения действующей процедуры консенсуса при назначении членов органов Всемирной торговой организации. Сторонники существующей нормы указывают, что отказ от принципа консенсуса может привести к ослаблению суверенного равенства государств и усилению влияния экономически развитых стран на принятие решений в рамках ВТО.

Согласно данной позиции, именно консенсус обеспечивает легитимность решений организации, поскольку каждое государство сохраняет возможность предотвратить принятие решения, которое противоречит его национальным интересам. В условиях, когда нормы ВТО затрагивают ключевые вопросы экономической политики, включая тарифное регулирование, технические стандарты и меры защиты рынка, сохранение права возражения рассматривается как необходимая гарантия государственного суверенитета.

Кроме того, некоторые исследователи указывают, что кризис Апелляционного органа не является следствием исключительно процедурных

недостатков DSU, а обусловлен более глубокими политическими противоречиями между членами ВТО. С этой точки зрения изменение процедуры назначения не устранил саму причину конфликта, поскольку государства по-прежнему будут стремиться использовать институциональные механизмы для защиты своих экономических интересов.

Важно акцентировать деятельность по усилению прозрачности, как публикацию всех стадий процесса и обоснований решений, учитывая *право на получение информации*, фундаментальным элементом демократического общества, с использованием цифровой обработки судебных заседаний, которое применено автором работы в ряде судебных заседаний, с использованием программы Мороз С. А. «экспертиза судебных актов» [12, с. 408-413]. Учитывая обработку более 3 млн судебных решений в автоматическом режиме, что остановило гос. систему РФ «Гас правосудие» на 2,5 месяца (с октября 2024 г., публичная информация. Это является основанием, полагать, что большинство преследуют интересы группы (империалистов-оппортунистов), но не принцип справедливости и законности, в диктатуре пролетариата и закона, в рамках установления культа Науки и Просвещения в международных и национальных отношениях. Исходя из анализа данных, указанных обстоятельств, следуя алгоритмизации, которая основана на «не только обоснованном отказе одного государства/субъекта права» в проведении апелляции, но и важности предоставления проекта по механизму урегулирования спора с экономическим, социальным и другим расчетом. Что было сделано в конфликте «ученых и студентов».

Принимая во внимание, что существующая система разрешения споров ВТО изначально строилась как компромисс между судебной моделью и классическим межгосударственным механизмом. В отличие от международных судов, обладающих высокой степенью независимости, органы ВТО остаются в значительной степени подконтрольными государствам-членам. Поэтому сохранение консенсуса рассматривается как элемент политического баланса, без которого многие государства могли бы отказаться от участия в системе. Отдельные авторы отмечают, что блокирование назначения членов Апелляционного органа было вызвано не только процедурными особенностями, но и критикой со стороны Соединенных Штатов в адрес самой практики данного органа. По мнению американской стороны, Апелляционный орган в ряде случаев выходил за пределы своих полномочий, фактически создавая новые нормы права, что противоречит соглашениям ВТО. В этой связи блокирование назначения рассматривалось как способ добиться реформирования всей системы разрешения споров.

В итоге блокирование назначения может быть использовано для реформирования органа. Но практика показала, что одностороннее блокирование приводит к параличу системы [12, с. 43].

Указанные аргументы заслуживают внимательного рассмотрения, поскольку они отражают реальные опасения государств относительно возможной утраты контроля над международными институтами. Действительно, полная отмена консенсусной процедуры может привести к тому, что решения

будут приниматься без учета позиции меньшинства, что способно вызвать снижение доверия к организации.

Таблица 1

Сравнительный анализ позитивных и негативных эффектов нормы консенсуса

Аспект	Позитивное влияние	Негативное влияние
Равенство государств	Все члены ВТО имеют равное право голоса; исключается доминирование отдельных стран	Одно государство может заблокировать процесс, нивелируя интересы десятков других («право вето»)
Защита слабых стран	Консенсус задуман как гарантия, что малые экономики не будут подавлены крупными державами	На практике стал инструментом сильных стран для саботажа и давления
Легитимность решений	Решения принимаются коллективно, что повышает доверие к системе	Блокирование назначения судей приводит к параличу Апелляционного органа, снижая доверие к ВТО
Стабильность системы	Наличие апелляционной инстанции обеспечивает единообразие толкования соглашений ВТО	Отсутствие апелляции создаёт правовую неопределённость, подрывает стабильность международной торговли
Принцип взаимности	Симметричное распределение прав и обязанностей укрепляет баланс интересов	Реальная асимметрия сил: равенство формальное, но фактическое неравенство по экономическому и политическому влиянию
Эффективность правосудия	ВТО демонстрирует возможность международного права реально регулировать поведение государств	Система заблокирована одной страной (США), что превращает право в декларацию без гарантии реализации
Политические последствия	Консенсус должен был снижать риск конфликтов	Превратился в источник международных кризисов и инструмент политизации торговых споров

Вместе с тем представляется, что сохранение существующей нормы в неизменном виде создает значительно более серьезные риски. Практика показала, что возможность одностороннего блокирования приводит не к защите суверенитета, а к параличу всей системы. В результате страдают все члены ВТО, включая те государства, которые заинтересованы в стабильном и предсказуемом механизме разрешения споров.

Следовательно, альтернативные точки зрения подтверждают необходимость осторожного подхода к реформированию DSU, однако не опровергают основной вывод о том, что действующая норма о консенсусе требует изменения. Задача заключается не в полном отказе от принципа согласия государств, а в создании такой процедуры, которая одновременно обеспечит легитимность решений и предотвратит возможность их блокирования.

Реформы направлены на то, чтобы снизить зависимость системы от политической воли отдельных государств и вернуть Апелляционному органу способность функционировать как независимому арбитру. Временный

механизм и обязанность мотивировать возражения – это шаги к балансу между равенством и эффективностью, которые позволят ВТО сохранить легитимность и доверие участников.

Таблица 2

Направление реформ		
Аспект реформы	Суть предложения	Ожидаемый эффект
Отказ от строгого консенсуса	Замена правила единогласия на квалифицированное большинство (например, 2/3 голосов членов ВТО)	Исключает возможность блокировки одним государством, ускоряет процесс назначения судей
Независимый комитет по назначениям	Создание экспертного органа из представителей разных регионов, который выдвигает кандидатов	Повышает объективность и снижает политизацию процесса
Фиксированные сроки назначения	Установление обязательных временных рамок для назначения новых членов Апелляционного органа	Предотвращает затягивание процедуры и обеспечивает непрерывность работы органа
Арбитражный механизм замещения	В случае блокировки назначения – временное использование независимых арбитров из других международных институтов	Сохраняет функционирование системы даже при политических кризисах
Прозрачность и отчетность	Публикация причин отказа или блокировки кандидатур государствами	Усиление доверия к системе и снижение злоупотреблений
Региональное равновесие	Гарантированное представительство разных регионов мира в составе Апелляционного органа	Баланс интересов развитых и развивающихся стран, укрепление легитимности решений
Интеграция научного сообщества	Привлечение независимых юристов-учёных и специалистов по международному праву к процедуре отбора	Снижение политического давления, усиление профессионализма и качества решений

Коллапс Апелляционного органа ВТО является показателем не только кризисом международной торговли, но и метафорой слабости правосудия, когда формальные гарантии равенства превращаются в инструмент фактического неравенства. Реформа процедуры назначения членов органа должна учитывать эффективные методы управления, минимизировать зависимость от политической воли отдельных государств и вернуть системе её главную ценность – предсказуемость и справедливость. Аналогия с национальными системами: как злоупотребление процедурой обжалования, так и формального подхода к вынесению судебных решений судьями, игнорирование принципов и гарантированных конституционных прав, игнорирование принципов состязательности, объективности, законности, затягивание процессов, использование формальных гарантий для блокировки справедливости и других негативных явлений превращая в формальную бесконечную процедуру «вымогательства» финансовых средств из слабой процессуальной стороны. Что доказывается статистикой судебной практики РФ, где рассматривается по существу спора только 3,6% обращений [13].

Заключение

Анализ кризиса Апелляционного органа ВТО показал, что норма DSU о консенсусном порядке назначения членов данного органа является одной из наиболее неудачных норм права ВТО. На практике она привела к фактической остановке ключевого института системы разрешения споров, подорвав доверие государств к организации и создав ситуацию правовой неопределенности.

Меры по восстановлению механизма DSU:

1. Реформа процедуры назначения судей (отказ от абсолютного консенсуса), в национальных судах РФ отказ от формального назначения судей РФ Президентом РФ.

2. Усиление прозрачности.

3. Интеграция временных альтернативных механизмов.

4. Развитие превентивных процедур – медиация и консультации до подачи жалобы, введение научных Институтов по нормам Права и Судопроизводству.

5. Повышение уровня правосознания и власти закона, при котором должен соблюдаться принцип «Над Законом находится Наука и Мораль, над властью – Народ» (С.А. Мороз)

6. Юридическая фиксации мотивированного отказа с предоставлением механизма и комплексного объективного расчета по разрешению конфликтной ситуации.

7. Назначение временного органа без участия одной стороны, если предмет спора не затрагивает сторону государства. Останавливаются споры, только те, которые связаны непосредственно с государством игнорирующие разрешения спора.

Предложенные меры исправления включают отказ от полного консенсуса при назначении членов Апелляционного органа, введение квалифицированного большинства, механизма «обратного консенсуса», временных назначений и обязательства государства мотивировать свое возражение. Эти изменения позволят сохранить баланс между суверенным равенством государств и необходимостью устойчивого функционирования механизма разрешения споров.

Таким образом, реформирование нормы DSU о консенсусном назначении *профессиональных и высокоморальных* членов Апелляционного органа является одной из первоочередных задач для сохранения правовой эффективности и авторитета Всемирной торговой организации. Игнорирование данной проблемы угрожает не только стабильности международной торговой системы, но и соблюдению обязательств государств, что в долгосрочной перспективе подрывает цели и принципы ВТО.

Литература

1. General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947). Article III.
2. World Trade Organization. Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes (DSU). Marrakesh Agreement Establishing the WTO, Annex 2.

3. Carlos Góes University of California San Diego The Impact Of Geopolitical Conflicts On Trade, Growth, And Innovation Economic Research and Statistics Division Staff Working Paper ERSD-2022-09 04 July 2022.
4. Blustein P. Schism: China, America and the Fracturing of the Global Trading System. – Waterloo: Centre for International Governance Innovation, 2019. – 356 p.
5. Мороз С.А. Введение в теорию разрушения права в колониальном государстве: // «Восточно Европейский научный журнал» Логика+. 1(115), 2026. Ч. 1.
6. Bown C.P. Trump Ended WTO Dispute Settlement. Trade Remedies are Needed to Fix it // World Trade Review. – 2022. – Vol. 21, No. 3. – P. 312-329.
7. Ленин В.И. Государство и революция; Что делать?; Империализм, как высшая стадия капитализма / Владимир Ленин. – Москва: Эксмо, 2026. – 496 с.
8. Мороз С.А., Зиборова С.С., Чен Л. Введение в теорию иллюзии права, как правоотношение власти к обществу, модулируемая нейронно-матричной системой // Восточно Европейский научный журнал. – 2025. – № 6. – С. 45-58.
9. Исполинов А. Влияние политических национальных изменений на международное право // Международное право и международные отношения. – 2024. – № 4.
10. Марьина А.А., Мороз С.А., Морозова И.Г. Реализация нейронной системы в правовом поле на основе системно комплексного метода вероятностной зависимости причинно- следственных связей // Журнал «Студенческий вестник». – 2024. – № 20 (306). Ч. 8.
11. Матенов Р.Б., Рахимова М.А., Мороз С.А. Цифровизация разрешения гражданско-правовых споров: системный и энтропийный подход с применением искусственного интеллекта // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. научн. журн. 2026. № 3(137).
12. Мороз С.А., Комарова С.С. Статистический анализ данных при внедрении автоматизации судебного процесса в ходе судебного дозора для выявления общих факторов, препятствующему развитию и становлению правосудия в РФ // «Евразийский юридический журнал». – 2024. № 10.
13. Рахимова М.А., Махаммаджанов Ғ.М. угли, Мороз С.А. «Институциональная модель стратегических аналитических центров Австрии и механизмы их адаптации в системе государственного управления Республики Узбекистан и России» «Закон и Власть», 2026. № 2.

СЕКЦИЯ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ»

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ РАБОТУ С НЕЛИНЕЙНЫМИ ТЕКСТАМИ (ТАБЛИЦЫ, ИНФОГРАФИКА, СХЕМЫ)

Духина Лилия Рифовна

учитель начальных классов,
МОУ «Тимоновская СОШ», Россия, г. Валуйки

Жилякова Елена Николаевна

учитель начальных классов,
МОУ «Тимоновская СОШ», Россия, г. Валуйки

Клевцова Анна Ивановна

учитель начальных классов,
МОУ «Тимоновская СОШ», Россия, г. Валуйки

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема формирования читательской грамотности младших школьников в условиях реализации обновлённого ФГОС НОО. Обосновывается необходимость систематической работы с нелинейными (несплошными) текстами – таблицами, схемами, инфографикой, диаграммами – как средством развития у обучающихся умений извлекать, интерпретировать, оценивать и использовать информацию, представленную в различных форматах. Представлены классификация нелинейных текстов, алгоритм работы с ними и конкретные методические приёмы, применимые на уроках в начальной школе. Описаны результаты педагогического опыта, подтверждающие эффективность предложенного подхода.*

***Ключевые слова:** читательская грамотность, функциональная грамотность, нелинейные тексты, несплошные тексты, младшие школьники, смысловое чтение, таблицы, инфографика, схемы, ФГОС НОО, универсальные учебные действия.*

Актуальность темы

Современная система образования в России переживает этап глубокой трансформации, связанной с переориентацией целей обучения от простого усвоения знаний к формированию у обучающихся функциональной грамотности – способности применять полученные знания для решения реальных жизненных задач. В основе этого процесса лежит читательская грамотность.

В соответствии с подходами, разработанными ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО» в рамках проекта «Мониторинг формирования функциональной грамотности», читательская грамотность оценивается по четырём группам читательских действий [1]:

1. Находить и извлекать информацию – поиск информации в тексте, определение наличия или отсутствия данных.
2. Интегрировать и интерпретировать информацию – объединение информации из разных частей текста, формулирование выводов.

3. Осмысливать и оценивать содержание и форму текста – критический анализ, сопоставление с собственным опытом, оценка достоверности.

4. Использовать информацию из текста – применение извлечённых сведений для решения практических задач.

Работа с нелинейными текстами в наибольшей степени способствует развитию второй и третьей групп умений, поскольку именно при работе с таблицами, схемами и инфографикой от читателя требуется умение устанавливать связи между отдельными элементами, сопоставлять данные, делать выводы на основе визуально представленной информации [9].

Н. Н. Сметанникова в рамках стратегического подхода к обучению чтению выделяет стратегии предтекстовой, текстовой и послетекстовой деятельности, а также стратегии компрессии текста и стратегии работы с объёмными текстами [2]. Применительно к нелинейным текстам особое значение приобретают стратегии компрессии (свёртывания и развёртывания информации), поскольку ключевой учебной задачей при работе с таблицами и схемами становится преобразование нелинейного текста в линейный и наоборот – представление сплошного текста в виде таблицы, схемы или диаграммы [1].

Методика работы с нелинейными текстами в начальной школе. Алгоритм работы с нелинейным текстом

На основе анализа методической литературы и педагогического опыта может быть предложен следующий алгоритм работы с нелинейным текстом на уроках в начальной школе, включающий четыре обязательных этапа [2]:

I. Чтение текста – распознавание элементов текста, установление связей и отношений между ними, анализ вербальных и невербальных элементов с целью целостного восприятия.

II. Понимание содержания – осмысление отдельных элементов текста и их взаимосвязей, понимание смысла текста в целом, при необходимости – поэлементный анализ, критическое осмысление, формулирование собственного отношения.

III. Интерпретация текста – извлечение и обобщение информации, формулирование выводов, сопоставление данных из разных элементов текста.

IV. Преобразование текста – перевод нелинейного текста в линейный (составление связного рассказа по таблице, схеме, диаграмме), преобразование одного вида нелинейного текста в другой (перевод данных таблицы в диаграмму), создание собственного нелинейного текста (самостоятельное составление таблицы, схемы, инфографики).

Данный алгоритм реализуем на всех учебных предметах начальной школы и адаптируется в зависимости от возраста обучающихся: в 1–2 классах акцент делается на различении видов текстов и знакомстве с таблицами, схемами, диаграммами через игровые и практико-ориентированные задания; в 3–4 классах работа усложняется – добавляются преобразование, составление собственных нелинейных текстов, интеграция сплошных и несплошных форматов [3].

Конкретные приёмы и примеры заданий:

1. Работа с таблицами. На уроках русского языка при изучении темы «Правописание разделительных ь и ъ» (4 класс) обучающимся предлагается таблица, в которой систематизированы условия употребления разделительных знаков. Задания строятся по нарастающей сложности: сначала ученики внимательно рассматривают таблицу и пересказывают её содержание словами (преобразование нелинейного текста в линейный), затем отвечают на вопросы по содержанию («Перед какими гласными пишутся разделительные ь и ъ?», «После какой буквы пишутся разделительные ь и ъ?»), далее вставляют пропущенные буквы, заполняя таблицу, и, наконец, приводят собственные примеры в каждый столбец [1].

2. Работа с инфографикой. Инфографика – графический способ подачи информации, сочетающий текстовые и визуальные элементы, – становится особенно эффективным приёмом на уроках окружающего мира. При изучении темы «Откуда в наш дом приходит электричество» учащимся предлагается схема, иллюстрирующая путь электричества от электростанции до потребителя с использованием стрелок и пиктограмм. Дети описывают последовательность этапов, объясняют назначение каждого элемента схемы, составляют связный рассказ по инфографике [2].

3. Приём «Облако слов». Сервисы для генерации облака слов позволяют создавать визуальный текст, в котором слова расположены в случайном порядке, а размер шрифта отражает частоту или значимость слова. На уроках литературного чтения детям предлагается облако слов по изученному произведению: необходимо угадать, о каком произведении идёт речь, составить предложения или связный текст из предложенных слов. На уроках русского языка облако слов может использоваться для отработки лексической темы: ученики распределяют слова по группам, подбирают синонимы и антонимы, составляют словосочетания [3].

4. Работа с билетами, афишами, объявлениями. Использование реальных документов – проездных билетов, афиш, расписаний – выводит работу с текстом за пределы учебника и приближает её к жизненным ситуациям. Задания строятся по уровням: вопросы на нахождение информации в явном виде («В каком направлении едет пассажир?», «Какова стоимость билета?»), вопросы для формулирования выводов на основе фактов («Сколько времени было у пассажира с момента покупки билета до посадки?»), вопросы для интерпретации и обобщения («Составь текст SMS-сообщения, чтобы пассажира встретили в пункте прибытия») [2]. Такой подход полностью соответствует логике четырёх групп читательских действий, выделенных в мониторинге функциональной грамотности.

5. Приём «Кластер». Кластер – графическая систематизация материала, при которой в центре листа записывается ключевое понятие, а вокруг него фиксируются связанные идеи, соединяемые линиями и стрелками. Приём применяется для проверки первичного восприятия текста: после чтения текста об окружающем мире дети составляют кластер, отражающий представления о природной зоне, и затем сравнивают свою схему с содержанием текста,

дополняя и корректируя её [3]. Кластер является формой нелинейного текста, которая позволяет ребёнку наглядно увидеть структуру своих знаний и пробелы в них.

6. Приём «Таблица «Знаю – Узнал – Хочу узнать». Данная таблица организует работу с текстом в три этапа: до чтения ученики записывают, что они уже знают по теме, после чтения – что узнали нового, и формулируют вопросы, на которые хотели бы получить ответы. Заполнение таблицы способствует развитию умений прогнозирования, целеполагания, рефлексии и формирует готовность к самостоятельной работе с информацией [4].

Таким образом, опыт внедрения описанных приёмов в педагогическую практику показывает, что систематическая работа с нелинейными текстами способствует развитию всех четырёх групп читательских умений. У обучающихся, регулярно выполняющих задания на преобразование таблиц в связный текст и обратно, наблюдается более высокий уровень сформированности умений интегрировать и интерпретировать информацию.

Литература

1. Ковалева Г.С. Читательская грамотность // Мониторинг формирования и оценки функциональной грамотности / Г.С. Ковалева. – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2021. – 56 с. URL: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2941962.pdf.
2. PIRLS-2021: Международное исследование качества чтения и понимания текста учащимися начальной школы. – Центр оценки качества образования ФГБНУ «ИСПО РАО». – URL: <https://www.ivege.ru/uploads/files/Deytelnost/Mejdunarodnye/2021.pdf>.
3. Работа с нелинейными текстами как способ формирования читательской грамотности // Открытый урок: методический журнал для учителей. – 2024. URL: <https://urok.1sept.ru/publication/204146>.
4. Харахинова И.Г. Работа с нелинейными текстами на уроках русского языка в начальной школе / И.Г. Харахинова // Современный урок. – 2022. URL: <https://www.1urok.ru/categories/10/articles/56885>.

НУЖНЫ ЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СТУДЕНТАМ СПО НЕПРОФИЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: ПОВАРАМ, КРАНОВЩИКАМ, ЭЛЕКТРИКАМ

Попова Лиана Борисовна

магистрантка,

Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, г. Оренбург

*Научный руководитель – доцент кафедры информатики,
физики и методики преподавания информатики и физики
Оренбургского государственного педагогического университета,
кандидат педагогических наук Кривоплясова Елена Васильевна*

Аннотация. Статья обосновывает необходимость формирования цифровых компетенций у студентов среднего профессионального образования непрофильных направлений на примере профессий «повар», «машинист крана» и «электромонтёр». Рассматриваются нормативные требования федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования (ФГОС СПО), практические сценарии применения информационных технологий (ИТ) в каждой профессии, барьеры внедрения и методические подходы к интеграции цифровых инструментов в учебный процесс. Показано, что цифровые компетенции становятся не дополнительной опцией, а обязательным элементом профессиональной квалификации, задаваемым как образовательными стандартами, так и запросами работодателей.

Ключевые слова: информационные технологии, среднее профессиональное образование, непрофильные специальности, цифровые компетенции, повар, крановщик, электрик, ФГОС СПО, междисциплинарная интеграция.

Цифровизация охватывает все сферы экономики, и система СПО вынуждена реагировать на изменения быстрее, чем академическое образование, – ведь колледжи и техникумы готовят кадры, которые выходят на рынок труда практически сразу после выпуска. Как отмечается в поручениях президента, сегодня базовое понимание цифровых технологий требуется всем, «в том числе и технику-механику, и электромонтёру, и медсестре», а в профстандарты войдёт обязательное освоение технологий искусственного интеллекта.

Дискуссия о том, нужны ли информационные технологии (далее – ИТ) студентам непрофильных специальностей, постепенно теряет актуальность: ответ всё чаще формулируется на уровне нормативных документов. Однако практическая реализация – чему именно учить, как интегрировать, как оценивать – по-прежнему вызывает вопросы у преподавателей. Настоящая статья рассматривает три профессии, представляющие разные сектора экономики: сферу услуг (повар), строительство и логистику (крановщик), энергетику (электрик). Их объединяет одно – ни одна из них не является ИТ-профессией, но каждая немыслима без цифровых инструментов.

Федеральные государственные образовательные стандарты СПО закрепляют общие компетенции, напрямую связанные с применением ИТ, для

всех без исключения профессий и специальностей. В действующих ФГОС СПО (в редакции 2026 года) выделены:

- ОК 01 – выбирать способы решения задач профессиональной деятельности применительно к различным контекстам;
- ОК 02 – использовать современные средства поиска, анализа и интерпретации информации, и информационные технологии для выполнения задач профессиональной деятельности.

Эти компетенции обязательны и для повара, и для машиниста крана, и для электромонтёра – профиль профессии не освобождает от их формирования. Более того, в ФГОС СПО по профессии 23.01.24 «Машинист подъёмно-транспортных машин и механизмов» прямо указано, что образовательная организация может вводить в вариативную часть модуль по освоению компетенций цифровой экономики.

Перечень ключевых компетенций цифровой экономики, утверждённый в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», включает коммуникацию и кооперацию в цифровой среде, управление информацией и данными, критическое мышление, креативное мышление – и всё это вне зависимости от профиля подготовки.

Информационные технологии в профессии «повар»: учёт, расчёт, контроль. Профессия повара традиционно воспринимается как «ручная» – нож, плита, кастрюля. Однако современное предприятие общественного питания работает в цифровой среде:

- Калькуляция и расчёт сырья. Электронные таблицы позволяют пересчитывать рецептуры на произвольное количество порций, учитывать потери при тепловой обработке, рассчитывать себестоимость и наценку. Это базовая задача, без которой невозможно ведение технологических карт в цифровом формате.
- Документооборот. Оформление заявок на продукты, актов списания, бракеражных журналов, накладных. Современные системы учёта (например, 1С: Общепит, iiko, r-keeper) требуют от повара понимания логики работы с электронными формами.
- Контроль качества и безопасность. Поиск актуальных санитарных норм (СанПиН, ТР ТС), проверка сроков годности, ведение журналов температурного режима в электронном виде.
- Коммуникация. Электронная почта, мессенджеры, облачные календари для согласования меню, заказа поставок, координации работы смены.

Пример учебного задания. В Excel создаётся калькуляционная карта блюда: столбцы – ингредиент, вес брутто/нетто, цена за килограмм, стоимость в блюде; формулы – автоматический пересчёт на 1, 10, 50 порций; условное форматирование – выделение позиций с высокой себестоимостью. Задание одновременно отрабатывает навыки работы с электронными таблицами и закрепляет профессиональные знания по технологии приготовления.

Информационные технологии в профессии «крановщик»: безопасность, документирование, планирование. Для машиниста крана цифровые

инструменты – это прежде всего вопрос безопасности и соблюдения регламентов:

- Электронные журналы и акты. Журналы осмотра крана, записи о выявленных неисправностях, акты технического освидетельствования. Переход от бумажных журналов к электронным формам снижает риск ошибок, дублирования и утери данных, обеспечивает быстрый поиск истории обслуживания.
- Работа с технической документацией. Схемы строповки, паспорта грузозахватных приспособлений, инструкции по эксплуатации – всё чаще доступны в электронном виде, в том числе в PDF и CAD-форматах. Крановщик должен уметь ориентироваться в таких документах.
- Планирование и координация. Электронные графики работ, заявки, системы диспетчеризации, обмен информацией между крановщиком, стропальщиком и прорабом через цифровые каналы связи.
- Обучение и проверка знаний. Электронные системы тестирования, обучающие видео, 3D-симуляторы управления краном – всё это активно внедряется в систему подготовки и повышения квалификации.

Пример учебного задания. Студенты создают в текстовом редакторе шаблон «Журнал осмотра крана» с полями: дата, ФИО крановщика, результаты осмотра, выявленные неисправности, отметка об устранении. Затем в Excel строят таблицу «Учёт неисправностей» с фильтрами по типам и срочности. Дополнительно отрабатывается навык поиска и проверки актуальности нормативных документов (ФНП по подъёмным сооружениям) на официальных ресурсах Ростехнадзора.

Информационные технологии в профессии «электрик»: расчёты, схемы, диагностика. Профессия электромонтёра, казалось бы, ближе к технике, чем повар или крановщик, – но и здесь ИТ играют роль, далеко выходящую за рамки общепользовательских навыков:

- Специализированное программное обеспечение. Программы «Электрик», Cable, Voltage Fall позволяют рассчитывать ток по сечению, мощность, потери напряжения. sPlan – графический редактор для создания электрических схем. DIALux используется для светотехнических расчётов и проектирования освещения. «Начало электроники» даёт возможность имитировать сборку электрических схем на экране.
- Работа с электронными схемами и документацией. Чтение и интерпретация электросхем в цифровом формате, поиск расшифровок маркировки кабелей, определение номиналов автоматов по электронным каталогам производителей.
- Электронный документооборот. Оформление нарядов-допусков, актов выполненных работ, протоколов измерений. Программы автоматизированного делопроизводства, включённые в рабочие программы дисциплины для специальности «Электрификация и автоматизация сельского хозяйства».
- Информационная безопасность. Защита данных в профессионально ориентированных информационных системах, антивирусные средства, правовая охрана программ и данных – всё это входит в программу дисциплины

«Информационные технологии в профессиональной деятельности» для техников-электриков.

Рабочая программа учебной дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности» для специальности 35.02.08 «Электрификация и автоматизация сельского хозяйства» формулирует цель: научиться использовать информационные ресурсы для поиска и хранения информации, обрабатывать текстовую и табличную информацию, читать интерфейс специализированного программного обеспечения. Это наглядный пример того, как ИТ встраиваются в подготовку непрофильного специалиста.

Применение компьютерных технологий при изучении электротехники, по данным педагогических исследований, существенно повышает мотивацию студентов, развивает способности к логическому мышлению и переработке информации, активизирует работу на уроке. Электронные обучающие программы позволяют виртуально выполнять сборку электрических схем, снимать характеристики по электроизмерительным приборам, производить расчёты – всё это в безопасной цифровой среде.

Пример учебного задания. Студенты получают кейс: на складе найдена бухта кабеля с маркировкой ВВГнг(А)-LS 3х2,5. Нужно определить, можно ли использовать его для проводки в деревянном доме. Задание: найти расшифровку аббревиатуры, определить характеристики (горючесть, дымовыделение), записать результат в электронный акт. Такое задание объединяет навыки поиска информации, работы с профессиональными источниками и оформления документов.

Несмотря на принадлежность к разным отраслям, все три профессии требуют от специалиста умения работать с цифровыми данными, понимать структуру электронных документов, использовать ИТ как инструмент повышения эффективности и безопасности труда.

Внедрение ИТ в обучение непрофильных специальностей сталкивается с рядом трудностей:

- Недостаточная материально-техническая база. Не все колледжи располагают современным оборудованием и лицензионным ПО. Решение – использование облачных сервисов, бесплатных аналогов профессионального софта, а также партнёрство с ИТ-компаниями и образовательными центрами (например, федеральные технопарки в Калуге и Нижнем Новгороде, которые стали «полигонами для обкатки современных форматов подготовки кадров»).

- Низкая мотивация студентов. Студенты непрофильных направлений часто воспринимают ИТ как «не своё». Эффективный путь – интеграция ИТ-задач в профильные дисциплины: расчёт сметы в Excel для строителей, калькуляция блюда для поваров, расшифровка маркировки кабеля для электриков. Практико-ориентированные кейсы показывают прямую связь между цифровыми навыками и профессиональными задачами.

- Разный уровень цифровой грамотности. Студенты приходят с разными стартовыми навыками. Помогают дифференцированные задания, адаптивные онлайн-курсы, наставничество.

- Отставание программ от реальности. Как отмечается в исследовании

цифровой трансформации СПО, успешная интеграция ИТ возможна только при переосмыслении модели обучения: «от трансляции готовых знаний к развитию интеллектуальной архитектуры, когнитивной гибкости и навыков партнёрства с алгоритмами». Программы должны обновляться чаще и быстрее, отражая изменения в профессиях.

Для эффективного формирования ИТ-компетенций у студентов непрофильных специальностей целесообразны следующие подходы:

- Междисциплинарная интеграция. ИТ-задания встраиваются в профильные модули, а не преподаются изолированно. Расчёт калькуляционной карты – на информатике и в МДК «Технология приготовления пищи» одновременно; заполнение журнала осмотра крана – в модуле «Управление подъёмно-транспортной машиной» и на занятиях по ИТ; работа с программой «Электрик» – в МДК «Электрические машины» и на информатике.

- Проектная деятельность. Учебные проекты с использованием цифровых инструментов: создание электронных технологических карт для поваров, электронных журналов учёта для крановщиков, проектов электроснабжения помещения с расчётами в специализированных программах для электриков.

- Кейс-технологии. Моделирование реальных производственных ситуаций: «поступила партия некачественного сырья – оформите акт и пересчитайте меню»; «обнаружена трещина на металлоконструкции крана – заполните акт и составьте заявку на ремонт»; «сгорел автоматический выключатель – определите номинал по электронному каталогу и оформите заявку на замену».

- Использование образовательных платформ и симуляторов. Онлайн-курсы, электронные тренажёры, 3D-симуляторы управления краном, виртуальные лаборатории по электротехнике. Это позволяет отрабатывать навыки в безопасной среде.

- Цифровое портфолио. Формирование «цифрового следа» студента – результатов проектной деятельности, сертификатов онлайн-курсов, электронных версий выполненных работ. Как отмечается в методических рекомендациях по формированию ключевых компетенций цифровой экономики, цифровое портфолио является одним из главных инструментов оценки.

Информационные технологии необходимы студентам СПО непрофильных специальностей – поварам, крановщикам, электрикам – не как отдельная дисциплина, а как сквозной инструмент профессиональной деятельности. Для повара ИТ обеспечивают учёт, расчёт и контроль качества; для крановщика – безопасность, документирование и соблюдение регламентов; для электрика – точность расчётов, проектирование и диагностику. Нормативная база уже закрепляет эти требования через общие компетенции ФГОС и ключевые компетенции цифровой экономики. Задача образовательных организаций – не просто научить студентов базовым компьютерным навыкам, а сформировать у них привычку использовать ИТ как естественный рабочий инструмент, встроенный в профессиональный процесс.

Преодоление барьеров возможно за счёт междисциплинарной интеграции, проектной деятельности, кейс-технологий и использования доступных

цифровых ресурсов. При таком подходе выпускник непрофильной специальности выходит на рынок труда не только с узкопрофессиональными навыками, но и с цифровыми компетенциями, которые делают его более адаптивным, эффективным и востребованным.

Литература

1. ФГОС СПО по профессии 23.01.24 «Машинист подъёмно-транспортных машин и механизмов». Приказ Минпросвещения РФ, 2025.
2. ФГОС СПО по специальности 35.02.08 «Электрификация и автоматизация сельского хозяйства». Рабочая программа учебной дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности».
3. Информационно-компьютерные технологии как эффективное средство обучения профессии «Электромонтёр по ремонту и обслуживанию электрооборудования» // Альманах педагога. – 2023.
4. Ребрендинг СПО. Что изменится для студентов колледжей с 2026 года // Аргументы и Факты. – 2026.
5. Цифровая трансформация среднего профессионального образования: сборник материалов НПК / сост. А. С. Старкова. – 2026.
6. Сценарий открытого урока по дисциплине «Информационные технологии в профессиональной деятельности» // Социальная сеть работников образования nsportal.ru. – 2026.

ИИ И ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И РОДНОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Хуснуллина Чулпан Нургалиевна

учитель родного русского языка и родной русской литературы
высшей квалификационной категории,
МБОУ «Гимназия № 125», Россия, г. Казань

***Аннотация.** В статье рассматривается роль и возможности применения искусственного интеллекта (ИИ) в работе учителя родного русского языка и родной русской литературы. Обсуждаются методы, приёмы и технологии, которые могут быть полезны в преподавательской практике, в том числе адаптивное обучение, автоматизация проверки и анализа текстов, повышение интереса учащихся к предмету. Автор анализирует преимущества использования ИИ для повышения качества образования и описывает потенциальные ограничения и вызовы. Приводятся примеры успешных инструментов ИИ, которые могут быть применены для углубления понимания родного русского языка и родной русской литературы и совершенствования языковых навыков у школьников.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, родной русский язык, родная русская литература, учитель, образование, воспитание, внеурочная деятельность, автоматизация, адаптивное обучение, микрообучение, ситуационный анализ, нейросеть, искусственный интеллект, развитие творческих способностей.*

Школа представляет собой сложный и очень чуткий по отношению к общественной жизни процесс. Школа-учитель-родители – это единое целое. Только вместе мы можем достичь отличных результатов. В данном случае в образовательном и воспитательном процессе очень важна роль учителя.

Учитель не только профессия, суть которой дать знания. Это высокая миссия, предназначение которой – сотворение личности, утверждение человека в человеке. Учитель осуществляет связь времён. Он передаёт эстафету из настоящего в будущее. Так было вчера, есть сегодня и будет завтра. Всё повторяется, но на ином витке истории. Школа и учитель не могут не отражать происходящих изменений.

Современный учитель помогает перейти от типичной для традиционного обучения схемы мышления: «услышал – запомнил – пересказал» – к схеме: «познал путём поиска вместе с преподавателем и одноклассниками – осмыслил – запомнил – способен оформить свою мысль словами – умею применять полученные знания в жизни».

В настоящее время педагог активно использует активные методы и приёмы, которые являются инновациями в педагогике. Например, микрообучение, модульную технологию обучения, комплексирование занятий, коллективный способ обучения, деловые игры («мозговой штурм», «круглый стол», «лабиринт», «поле проблем» и другие), проблемный метод обучения, ситуационный анализ для решения ряда проблем («ситуацию-иллюстрацию», «ситуацию-оценку», «ситуацию-проблему», «ситуацию-упражнение»), педагогический тренинг, практикум по скоро чтению и скорописи, мнемотехнику, графологию, аутогенную тренировку, освоение мимики и пантомимики, методики

опережающего обучения по С. Н. Лысенковой, освоение методики использования опорных сигналов по В. Ф. Шаталову, освоение методики погружения в учебный предмет, оценивание достижений обучающихся методом рейтинга, организация программированного обучения.

Педагог не останавливается только на этих методах, приёмах и технологиях обучения и воспитания, он также развивает и творческое, креативное мышление ребёнка. В этом ему помогает нейросеть. Но что же такое нейросеть? Попробуем ответить на этот вопрос. Нейросеть – это математическая модель машинного обучения. Нейросеть – это программа, которая работает по аналогии с человеческим мозгом: обучается и «принимает решения». Человеческий мозг состоит из миллиардов нейронов, связанных между собой, и благодаря этим связям выстраивает и обнаруживает закономерности среди воспринимаемой нами информации – визуальной, звуковой и так далее. Нейросети работают по похожему принципу, поэтому называются именно так. Эта программа анализирует полученные данные, находит в них закономерности и делает выводы. В основе её лежат алгоритмы, которые заточены на обработку информации (например, текстов, изображений или музыки). Искусственный интеллект – это более широкое понятие, нейросети лишь один из его инструментов.

ИИ в школе – это набор цифровых инструментов на базе искусственного интеллекта, которые помогают учителям и ученикам в учебном процессе. Проще говоря, это программы и сервисы, которые берут на себя рутинные задачи, анализируют данные и подстраивают обучение под уровень конкретного ребёнка.

Учитель шагает в ногу со временем, поэтому использует новые программы, методы, приёмы и технологии. Поэтому современный педагог внимательно изучает ИИ в целях использования в образовательном и воспитательном процессе, а также во внеурочной деятельности.

Изучим глубже возможности использования ИИ на уроках родного русского языка и родной русской литературы.

Использование искусственного интеллекта (ИИ) на уроках родного русского языка и родной русской литературы может сделать обучение более интерактивным, персонализированным и эффективным. Однако важно помнить, что ИИ – это инструмент, который должен дополнять, а не заменять живое общение с учителем и работу с текстом.

ИИ-сервисы (например, Grammarly, LanguageTool) мгновенно проверяют орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки в текстах учеников, предлагая варианты исправлений. Это экономит время учителя и даёт ученикам мгновенную обратную связь.

Можно предложить ученикам поработать с текстом, сгенерированным ИИ, но содержащим типичные ошибки (смещение паронимов, нарушение сочетаемости слов). Это учит детей не просто механически вставлять буквы, а слышать язык, аргументировать свой выбор и отличать удачные решения от неудачных.

Учитель может использовать алгоритмы ИИ, чтобы проанализировать уровень знаний каждого ученика и подобрать индивидуальные задания, акцентируя внимание на темах, которые вызывают затруднения.

Нейросети помогают составлять планы сочинений, подбирать синонимы и эпитеты, генерировать примеры текстов разных стилей. Ученики могут вести диалог с ИИ, тренируя аргументацию. Но весь этот процесс, несомненно, должен контролировать учитель.

Для автоматизированной проверки и обратной связи с учеником на уроках родного русского языка можно использовать сервисы вроде Grammarly, LanguageTool или отечественные разработки на базе NLP, мгновенно проверяющие орфографию, пунктуацию и стилистику ученических работ, предлагая исправления. Ученик может отправить черновик в чат-бот и получить комментарий до сдачи учителю. Либо для персонализации обучения можно адаптировать платформы (например, «Яндекс.Учебник») анализируют уровень знаний каждого ученика и подбирают задания соответствующей сложности, формируя индивидуальную траекторию повторения. С помощью ИИ лингвист создаёт тесты, карточки, упражнения и даже тексты для изложений с учётом особенностей конкретного класса.

Очень важно научить обучающихся работать с текстом. Ученикам можно предложить найти и исправить ошибки в текстах, сгенерированных нейросетью (например, с нарушением лексической сочетаемости или избытком канцеляризмов), чтобы развить критическое мышление.

На уроках родной русской литературы с помощью ИИ можно выявить ключевые темы, образы, символы, провести сравнительный анализ произведений. Например, можно попросить нейросеть составить «карту мотивов» (список повторяющихся образов) в стихотворении или рассказе, а затем проверить этот список по тексту, найти подтверждающие цитаты и сформулировать микровыводы. Учитель может предложить обучающимся задание на подборку цитат из публицистики или других текстов эпохи, чтобы помочь глубже понять контекст изучаемого произведения. Конечно же на уроках родной русской литературы педагог не забывает и о развитии творческих способностей учащихся. Он может попытаться с учениками сгенерировать несколько вариантов начала рассказа в стиле определённого писателя (например, А. П. Чехова), а затем выбрать лучший и доработать его своими словами, сохранив авторский тон. Можно также попросить представить альтернативное развитие событий или составить диалог между литературными героями.

На уроках родной русской литературы с помощью ИИ можно выявить ключевые темы, образы, символы, проводит сравнительный анализ произведений, строит ментальные карты связей между персонажами. Например, сервис «Текстометр» может определить эмоциональную тональность отрывка из романа. С помощью программ MidJourney, Kandinsky сгенерировать иллюстрации по описанию сцен из произведений или создать «оживших» портретов писателей с помощью технологий вроде Deep Nostalgia. ИИ позволяет сформировать провокационные вопросы для дебатов или обсуждений, стимулируя критическое мышление. Но мы ни в коем случае не должны забывать

и о творческих заданиях, например, предложить учащимся написать письмо от имени персонажа или создать альтернативную концовку произведения с помощью нейросети.

При подготовке, организации образовательного и воспитательного процесса учитель может использовать отдельные сервисы и инструменты такие, как:

- Kandinsky 2.1 – для визуализации сюжетов и образов из изучаемых произведений.
- «Загадки Акинатора» – интерактивная викторина, которая угадывает литературных героев.
- GigaChat, YandexGPT, ChatGPT – универсальные языковые модели для генерации текстов, анализа и творческих задач.

Необходимо объяснить школьникам, что нельзя слепо доверять ИИ при выполнении всех заданий, он является только помощником в достижении всех целей. По этой причине учитель должен всегда контролировать весь процесс работы и на уроке, и вне урока. ИИ предоставляет очень много возможностей, чтобы развиваться интеллектуально и творчески, но он предлагает только черновик, который учащийся должен отредактировать и передать свои мысли, расположив их в логической последовательности. Ребёнок должен уметь работать с предложенной информацией, обработать её, проанализировать, подчеркнуть основные мысли правильно и передать её уже в готовом виде. Если учитель подчеркнёт важность работы с ИИ, но сделает акцент на то, что он только помощник, тогда это говорит о том, что педагог достиг всех своих поставленных целей.

Опирайтесь в учебно-воспитательном процессе только на интуицию, определять её результаты «на глазок», руководствуясь только здравым смыслом, становится архаизмом. Это не означает, что нужно отказаться от прежних форм и методов воспитательной деятельности. Речь идёт об оправданности выбора, использования, об объединении их в действенную систему педагогического взаимодействия с воспитанниками систему оптимального педагогического общения.

Литература

1. Акимова О.А. Использование ИИ в преподавании родного языка: возможности и вызовы // Вестник университета. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. 45-52. – ISSN 1563-0269.
2. Васильев В.П. Цифровые инструменты в школьном курсе русского языка: от теории к практике [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2024. – № 2. – С. 45-58.
3. Петрова М.С. Искусственный интеллект в литературном образовании: анализ учебных текстов / М.С. Петрова // Вестник университета. – 2025. – № 5. – С. 45-52.
4. Смирнова И.И. Интеграция нейросетей в процесс обучения родному языку: перспективы и ограничения / И.И. Смирнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2024. – Вып. 4 (851). – С. 112-120.
5. Юнусов А.А., Назмутдинов В.Я., Митрофанов А.Е. «Инновационные технологии обучения и воспитания». / Под общей редакцией А.Н. Хузиахметова. – Казань: РИЦ «Школа», 2003. – 300 с.

Подписано в печать 18.09.2026. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 6.28. Тираж 500 экз. Заказ № 88
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40
ООО «АПНИ», 308023, г. Белгород, пр-кт Богдана Хмельницкого, 135